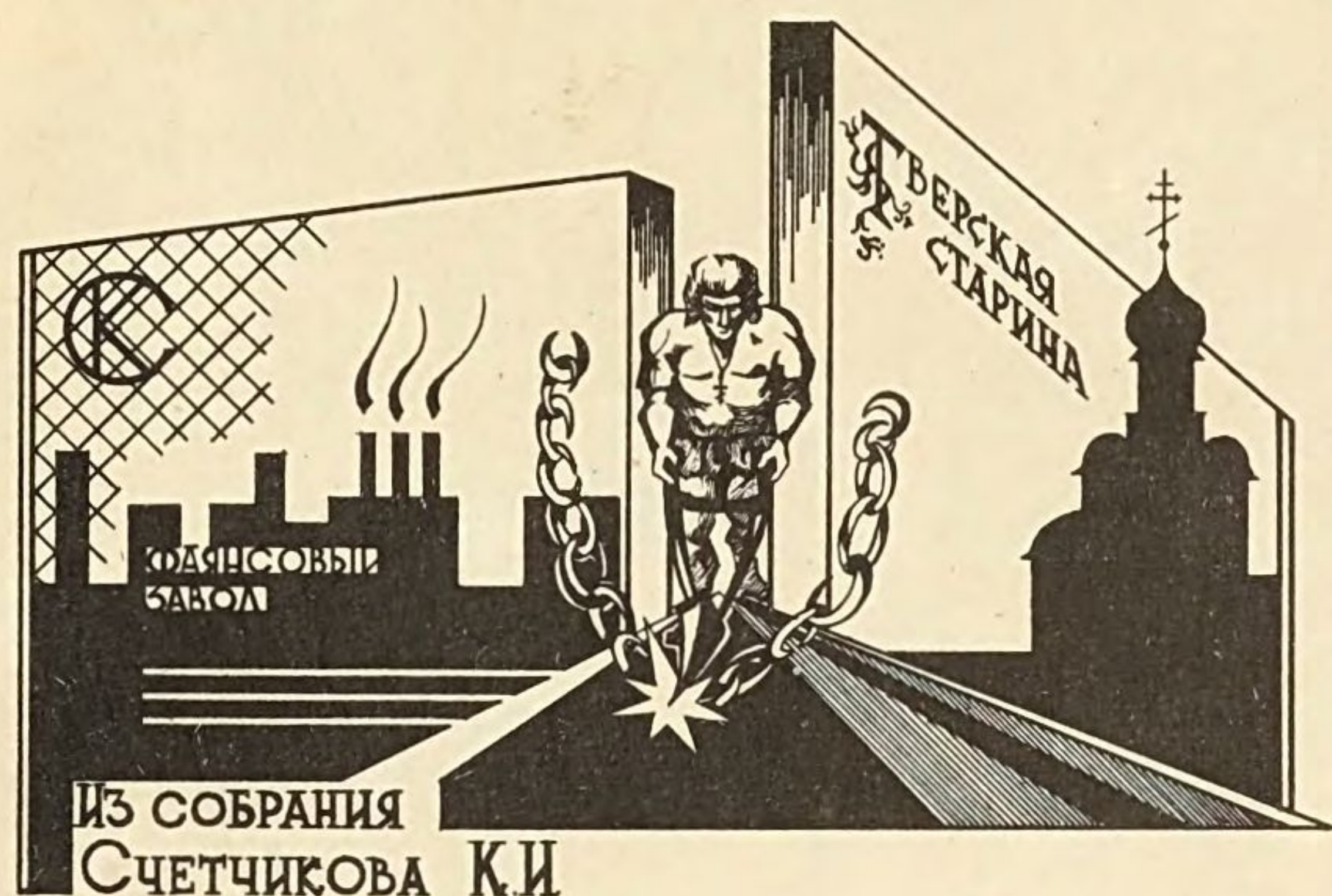

P. o. russ.

158

Это издание не значится в
собраниях И.Н. Розанова и
Н. Смирнова - Соколовского, а также
в биографическом словаре
"Русские писатели, 1800-1917".
М., 1989. т. I.

<36608976660015

<36608976660015

Bayer. Staatsbibliothek

ВОСХОДЪ.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Э. Аммоната.

МОСКВА.

Типографія быв. А. В. Кудрявцевой. Мясницкая д. Сытова.

1884.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

О Г Л А В Л Е Н І Е.

О Т Д Ъ Л Ъ І.

Повѣсти, рассказы и стихотворенія,

I.	15 Мая 1883 года, стих.	3
II.	Желаніе поэта, стих.	4
III.	Кто она? повѣсть.	5
IV.	Вспомни бывшее, стих.	51
V.	Une illusion perdue, стих.	59
VI.	Влетѣлъ!... рассказъ.	53
VII.	Жизненное море, стих.	68
VIII.	Заколдованная башня, повѣсть.	69
IX.	Вотъ такъ Фаустъ!... рассказъ.	90
X.	Красная борода, рассказъ.	101

О Т Д Ъ Л Ъ І І.

„Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!..“

Юмористическія стихотворенія и куплеты.

I.	Караси и щуки, купл.	109
II.	Разочарованіе, стих.	114
III.	Наши маги и волшебники, купл.	115
IV.	Два напитка, стих.	119
V.	Амуръ и Момусъ, басня.	120
VI.	Выборъ, стих.	123
VII.	Житейскіе контрасты, купл.	125
VIII.	Станный сонъ, стих.	128
IX.	Любовь и угощеніе, стих.	129
X.	На дачу!... купл.	131
XI.	Прерванная поэма, стих.	134

XII. Клубника, купл.	135
XIII. Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу! стих.	139
XIV Милліоны исчезли!... стих.	141
XV. Свиданіе, стих.	145
XVI Гитара и любовь, стих.	146
XVII Страшное слово, стих.	148
XVIII Нѣчто о подѣлуѣ, купл.	150
XIX. Масляничный калейдоскопъ, стих.	154
XX. Древніе герои на новый ладъ, купл.	157

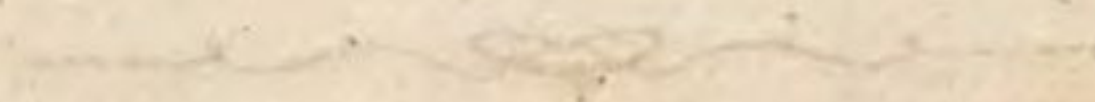
ОТДѢЛЪ I.

Повѣсти, рассказы и стихотворенія.

ОТДѢЛЪ I

ПОВЕДЕНІЕ ОБЩЕСТВА И ЕГО ЧЛЕНОВЪ

15. Мая 1883 года.

Свершился славный день для всей Руси великой!...
 Съ молитвой на устахъ могучій Царь земной,
 Склонясь предъ алтаремъ Небеснаго Владыки,
 Подъ пушечный салютъ и радостные клики
 Владычество пріялъ надъ Русскою страной.

* * *

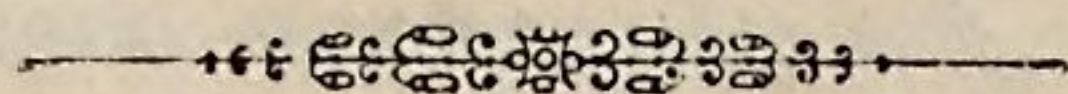
Какъ ясенъ, величавъ Помазанникъ Господній,
 Представъ въ сіяніи порфиры и вѣнца...
 „Желанный Государь!... Нашъ Царь Порфирородный!“
 Пронесся звучный кликъ, восторженный, народный
 И слился въ общій гуль и нѣтъ ему конца...

* * *

Несется этотъ кликъ волною перекатной
 На радость всей Руси, врагамъ ея на страхъ.
 Посѣтъ Царь добро рукою благодатной,
 Исчезнетъ съ той поры крамолы духъ развратный
 И вороги Царя разсѣются во прахъ.

* * *

Добро-же царское всегда дастъ плодъ обильный...
 За милость и любовь Его благодаря,
 Воскликнетъ весь народъ въ мольбѣ своей умильной:
 „Для счастья Руси, о, Боже нашъ всесильный,
 Храни для насъ самихъ Ты Русскаго Царя!“

ЖЕЛАНІЕ ПОЭТА.

Мнѣ хотѣлось-бы дивные звуки пролить
На весь міръ своей скромною лирой,
Я-бъ желалъ и людскіе пороки громить
Безпощадною злобой сатирой,...

* * *

И когда мое имя вездѣ прогремить,
Заслужу я у всѣхъ уваженъе...
По селамъ, городамъ моя пѣснь зазвучить—
Буду счастливъ тогда, безъ сомнѣнья....

* * *

Но еще у меня есть желанье одно,
Про которое я только знаю,
И за это желанье—рѣшилъ я давно—
Что и славу и честь промѣняю.

* * *

Мнѣ-бъ хотѣлось—едва на востокъ заря
Заалѣетъ, чуть-чуть догорая,
Въ ту каморку пройти, гдѣ любая моя
Сномъ забылась, меня ожидая...

* * *

Разметалась она, вся пылая во снѣ
Грудь высокая дышетъ томленьемъ,
А уста въ забытѣ говорятъ обо мнѣ
Съ лихорадочнымъ, страстнымъ волненьемъ.

* * *

И тогда съ непонятнымъ томленьемъ въ груди,
И любовью и страстью волнуемъ,
Я желалъ бы къ моей дорогой подойти
И ее разбудить—поцѣлуемъ.

ЖТО ОНА?

(ПОВѢСТЬ).

Мы сидѣли въ кабинетѣ у Ивана Ивановича Бурова. Густой дымъ отъ накуренныхъ папиросъ синими клубами вился по всей комнатѣ и изъ подъ его прозрачнаго покрывала виднѣлся только коверъ, прибитый надъ кушеткой, да разныя охотничія принадлежности, висѣвшія на немъ....

Всѣ, присутствовавшіе здѣсь, были близкими пріятелями Бурова и болѣе или менѣе знакомы другъ другу. Большинсто изъ насъ, люди уже женатые, посѣщали время отъ времени Бурова, этого стараго, такъ сказать, заматерѣлаго холостяка, на котораго, какъ на безнадежнаго, всѣ свахи рукой махнули, — вспомнить прошлое время, свою прежнюю, холостую жизнь....

Приготовленная опытною рукою хозяина жженка, еще такъ недавно весело свѣтившаяся синеватымъ пламенемъ въ большой столовой мискѣ, была выпита. Всѣ чувствовали какое-то утомленіе, и прежній оживленный разговоръ смѣнился глубокимъ молчаніемъ. Сонное, отчасти предрасполагающее къ грезамъ, состояніе овладѣло всѣмъ обществомъ. Такое чувство вѣроятно испытываютъ восточные народы, предаваясь кейфу, или-же италіянцы въ своемъ *dolce far niente*

— Тихій ангелъ пролетѣлъ, сказалъ одинъ изъ насъ, вѣроятно менѣе всѣхъ расположенный наслаждаться „сладостнымъ ничего недѣланіемъ“, — и этою банальною фразой заставилъ встрепенуться все общество.

— Не о чемъ говорить, вотъ и молчимъ,—возразилъ на это высокій, перешедшій среднія лѣта, но все еще красивый мущина. Звали его Борисомъ Андреевичемъ Карѣвымъ. Онъ занималъ довольно высокое общественное положеніе, слылъ въ своемъ кругу за дѣльнаго, компетентнаго чиновника и вообще былъ человѣкъ, что называется, съ вѣсомъ.

— Про все, кажется, было переговорено въ нынѣшній вечеръ, начиная съ такъ называемыхъ высокихъ матерій и кончая разговорами клубничнаго содержанія, а по сему и слѣдуетъ отправляться по домамъ, поблагодаривъ предварительно хозяина, предложилъ кто то

— Что вы, господа!... Рано еще!... засуетился Буровъ

— Такъ что-же намъ дѣлать? не унимался первый голосъ, такъ неожиданно прервавшій нашъ кейфъ.

— Вотъ что! вострепенулся вдругъ Буровъ.— Такъ какъ мы всѣ теперь болѣе или менѣе находимся подъ вліяніемъ фантастическаго настроенія, то не сыщется-ли между нами охотника, который разскажетъ бы что нибудь необычайное, случившееся въ его жизни?

— Ужъ не хотите-ли вы быть повѣствователемъ? спросили мы хозяина съ улыбкой, очень хорошо зная, что въ жизни добрейшаго Ивана Ивановича происходили и происходят самыя обыкновенныя вещи.

— Нѣтъ, куда ужъ мнѣ!.. Вотъ Борисъ Андреевичъ —это другое дѣло! И Буровъ многозначительно поглядѣлъ на Карѣва.

При этихъ словахъ глаза всѣхъ присутствующихъ какъ-то невольно обратились къ Карѣву.

Этотъ послѣдній, кажется, не прочь былъ разсказать что-то.

— Угадывая, господа, ваше желаніе, я готовъ разсказать вамъ одну странную исторію, случившуюся со

мною лѣтъ десять тому назадъ, только прошу васъ не быть слишкомъ взыскательными къ моему разсказу... Согласны? предложилъ онъ.

— Согласны! Согласны! закричали всѣ.

— Очень хорошо... Теперь покорнѣйше попрошу хозяина приказать перемѣнить эти порожнія бутылки на цѣлыя, дабы мое горло не засыхало, а глаза слушателей не слипались бы отъ скуки....

Когда было принесено вино, Карѣевъ методично наполнилъ свой стаканъ лафитомъ и отпилъ, смакуя, нѣсколько глотковъ.

— Господа, я начинаю, а потому silence, чтобы каждый, имѣющій уши, могъ слышать!...

I.

Это было въ концѣ шестидесятыхъ годовъ,—такъ началъ свой разсказъ Карѣевъ,—я въ то время только что кончилъ курсъ въ университетѣ и, къ ужасу родныхъ и знакомыхъ, не поступилъ тотчасъ-же послѣ своего выхода на службу, гдѣ для меня, по протекціи одного моего сановнаго дядюшки, было приготовлено такое мѣсто, на которомъ я могъ-бы сдѣлать себѣ, какъ говорится, карьеру. Я еще на школьной скамьѣ питалъ антипатію къ службѣ. Напротивъ—провинціальная, деревенская жизнь была давнимъ предметомъ моего увлеченія, и я только и думалъ о томъ, какъ хорошо быть сельскимъ хозяиномъ и виднымъ земскимъ дѣятелемъ, тѣмъ болѣе, что тогда стараніе сойтись, или, какъ говорили, „слиться“ съ простымъ русскимъ мужичкомъ было еще въ модѣ. Поэтому, вышедши изъ университета, я осуществилъ свое давнее желаніе и уѣхалъ въ имѣніе, оставшееся мнѣ послѣ смерти отца. Тамъ я поставилъ

себя на такую ногу, на какую желалъ: дѣятельно занимался своимъ хозяйствомъ, причемъ, конечно, по своему незнанію, былъ на каждомъ шагу надуваемъ, какъ прикащикомъ, такъ и болѣе хитрыми пейзажами. Отъ земскихъ дѣятелей, или, какъ ихъ у насъ называли, „крикуновъ“ я тоже не отставалъ и считался чуть-ли ни первымъ Демосѣеномъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи. Впрочемъ я не исключительно посвящалъ себя агрономіи и земскому дѣлу, но находилъ такъ-же время, говоря цвѣтистымъ слогомъ „пользоваться всѣми прелестями идилліи на лонѣ сельской природы“...

Изрѣдка и на короткое время я пріѣзжалъ въ Москву, отчасти по дѣламъ, а преимущественно для того, чтобы разсѣять въ столичной толкотнѣ скуку, навѣянную невозмутимою провинціальною жизнію и—боюсь сказать, что-бы не навлечь на себя справедливаго гнѣва блюстителей общественной нравственности—поволочиться за здѣшними Фринами, такъ какъ деревенскія Аксютки и Машутки—какъ видите, мои поползновенія слиться съ народомъ не пропадали даромъ—не могли удовлетворить меня на столько, на сколько употребленіе одной только чистой, ключевой воды безъ крѣпкаго, хотя не такъ чистаго, но за то возбуждающаго напитка...

Однажды, осенью, я пріѣхалъ въ Москву, и, окончивши свои дѣла, собирался снова воротиться на „лоно природы“.

Въ моемъ распоряженіи оставался одинъ вечеръ. Спать было еще рано, сидѣть одному въ номерѣ скучно, ѣхать никуда не хотѣлось, а потому я рѣшилъ прогуляться немного по Московскимъ улицамъ и вспомнить свою прежнюю студенческую жизнь дешевымъ ужиномъ въ какомъ нибудь скромномъ ресторанѣ. Спустившись съ широкой, освѣщенной лѣстницы отеля я очутился на улицѣ и былъ ослѣпленъ этимъ быстрымъ переходомъ

отъ свѣта къ мраку: тогда московскія улицы освѣщались еще хуже, нежели теперь. Къ счастію я скоро добрался до Кузнецкаго моста. Горѣвшій газъ изъ широкихъ оконъ магазиновъ освѣщаль не только тротуаръ, но даже часть мостовой, движеніе и шумъ по которой ни на минуту не прекращались: то и дѣло громыхали кареты и дребезжали еще бывшія тогда, блаженной памяти, „гитары“. По тротуару сновали пѣшеходы, въ числѣ которыхъ то и дѣло мелькали шляпки проходившихъ женщинъ съ набѣленнымъ лицомъ и наруганными щеками. Многія изъ нихъ робко, въ полголоса предлагали мнѣ свои услуги....

Я два раза прошолъ по Кузнецкому мосту и думалъ уже зайти въ ближайшій ресторанъ, что-бы скорѣе поужинать, раньше лечь спать и съ обновленными силами ѣхать въ свою глушь. Съ этою цѣлью я сталъ переходить улицу. На серединѣ улицы, куда не проникалъ газовый свѣтъ, меня остановила какая-то женская фигура. Лица ея въ потьмахъ я разглядѣть не могъ.

— Послушайте! проговорила она умоляющимъ голосомъ.— Я голодна, устала, не могу идти дальше... Помогите мнѣ, если можете!...

Меня охватило невольное чувство состраданія, до того въ голосъ неизвѣстной женщины звучали жалобные, за сердце хватающіе звуки. Я подумалъ, что это одна изъ уличныхъ красавицъ,—имъ часто, бѣднымъ, голодать приходится. И жалко мнѣ ее стало и вмѣстѣ съ этимъ брезгливость овладѣла мною...

Я перешолъ дорогу, приблизился къ ярко-освѣщенному магазину и вынулъ портмоне.

Протянувши ей руку съ деньгами, я случайно взглянулъ на незнакомку и былъ пораженъ неожиданностію до такой степени, что приподнятая рука моя съ деньгами такъ и осталась въ горизонтальномъ положеніи...

Передо мною стояла стройная, высокая дѣвушка. На ея маленькой головкѣ была небрежно надѣта шляпка, изъ подъ которой беспорядочными прядями выбивались густые волосы на ея искаженное усталостію, но все-же прекрасное личико. Большіе, темные глаза ея горѣли фосфорическимъ, лихорадочнымъ блескомъ и съ такою мольбою, смѣшанной со страхомъ, смотрѣли на меня, что я, обыкновенно находчивый въ подобнаго рода случаяхъ, былъ совершенно пораженъ ея видомъ.

— Идите со мною, — я помогу вамъ! сказалъ я послѣ небольшого молчанія и предложилъ незнакомкѣ свою руку. Она покорно приняла ее и всею тяжестью своего тѣла припала на мое плечо, — повидимому она очень устала.

Наконецъ я почувствовалъ, что ея ноги совсѣмъ подкосились.

— Нѣтъ, я не могу болѣе идти! проговорила она съ усиленіемъ.

Только тогда я догадался взять извозчика.

II.

Черезъ пять минутъ мы входили на освѣщенный подъѣздъ отеля. Щеголеватый, смотрѣвшій важнымъ баринъ, швейцаръ съ удивленіемъ и сурово взглянулъ на беспорядочный костюмъ моей спутницы и безъ дальнѣйшихъ околичностей хотѣлъ передъ самымъ ея носомъ захлопнуть дверь, если бы во время не подоспѣла рублевая бумажка, сунутая мною въ лапу строгаго Цербера.

Мы вошли въ номеръ. Незнакомка дрожала всѣмъ тѣломъ, между тѣмъ какъ ея щеки были покрыты лихорадочнымъ румянцемъ, а глаза все такъ-же метали какой-то неестественный блескъ. Я дотронулся до ея руки; рука была холодна, какъ ледъ.

Я позвонилъ, и велѣлъ вошедшему лакею приготовить чай. Надо было поглядѣть, съ какимъ изумленіемъ посматрѣлъ благовоспитанный лакей на мою неожиданную гостью. Та, не смотря на свое волненіе и усталость, смутилась его безцеремоннымъ, почти нахальнымъ осмотромъ и забила въ дальній уголъ комнаты..

Какъ ни старался я ободрить ее и вызвать на разговоръ, она не подавала никакого голоса и еще далѣе пряталась въ свой уголъ. Я рѣшительно не зналъ, что и подумать о моей странной гостьѣ. Какой-то совсѣмъ не русской, а скорѣе цыганской красотой вѣяло отъ ея великолѣпно сложенной, съ рѣзко обозначеннымъ торсомъ, фигуры, отъ ея ярко пылавшаго личика, профиль котораго носилъ знойный, какъ-бы восточный оттѣнокъ..

Наконецъ лакей принесъ чай. Я подлилъ въ ея чашку рому, придвинулъ къ столу кресло и пригласилъ ее садиться. Она робко повиновалась и взяла дрожащими руками чашку....

Ромъ оказалъ свое дѣйствіе, — по мѣрѣ того какъ она выпивала чай, движенія ея дѣлались свободнѣе и сама она становилась все живѣе и развязнѣе...

Я воспользовался этимъ и подсѣлъ къ ней ближе. Она въ первый разъ подняла на меня свои большіе, свѣтлые глаза. Нѣсколько минутъ не спускала она съ меня глазъ, потомъ вдругъ порывисто схватила мою руку и пожала ее.

— Вы вѣдь добрый! проговорила она. Я не ошиблась въ васъ... Не правда-ли?... И молодой какой! Молодые всегда добрѣе бываютъ...

Я улыбнулся, — слова эти показались мнѣ очень наивными.

— А вы любите молодыхъ? спросилъ я съ нѣкоторымъ ехидствомъ въ голосъ.

6.04.19.12.92 200

— Очень люблю! простодушно отвѣчала она. — Молодые честнѣе и мягче стариковъ...

Она выпустила свою руку изъ моей, — нѣсколько слезинокъ показалось на ея глазахъ.

— Не находите-ли вы страннымъ одно обстоятельство? спросилъ я, стараясь избавить дѣвушку отъ не веселыхъ думъ. Она вопросительно взглянула на меня...

— Мы болѣе часа сидимъ здѣсь, продолжалъ я, — а не знаемъ другъ друга... И такъ позвольте мнѣ отрекомендоваться первому...

Я назвалъ себя и въ свою очередь ждалъ отъ нея отвѣта, но она продолжала хранить молчаніе...

— Скажите-же, наконецъ, мнѣ свое имя? проговорилъ я съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ въ голосѣ.

Она усмѣхнулась грустной улыбкой.

— Что такое имя для женщины? Не болѣе какъ пустой ярлыкъ, который можетъ нѣсколько разъ измѣняться, смотря по тому, кто владѣлецъ этого ярлыка.. Вотъ для васъ, мужчинъ, имя не простой звукъ... Впрочемъ, если хотите, я скажу, какъ меня зовутъ. Мое имя—Бера.

Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на нее, — въ первый разъ я слышалъ такое странное имя.

— Вы удивляетесь? спросила она. — Вамъ хочется знать мое полное имя, кто я такая, откуда... Для чего вамъ все это? Мнѣ гораздо пріятнѣе, если называютъ меня Берой, потому что въ самыя дорогія минуты моей жизни меня звали этимъ именемъ... Ахъ, какъ была я тогда счастлива, а теперь....

Она не договорила, — слезы выступили на ея глазахъ...

— А теперь... теперь не дурно было-бы, если-бы намъ подали ужинъ... Вы, надѣюсь, не откажетесь закусить со мною... Не такъ-ли, Бера?

Веселый, безпечный тонъ моего голоса подѣйствовалъ на нее.

— Да, да!... Отлично!... Я ѣсть хочу, ужасно хочу!.. Я цѣлый день ничего не ѣла... Скорѣе-же! скорѣе! по-
нукала она меня, хлопая съ нетерпѣніемъ въ ладоши,
какъ дѣлають маленькія дѣти. — Ахъ, какой несносный!
Что-же вы медлите?...

Я велѣлъ подать ужинъ, два прибора и вина.

III.

Будь другой на моемъ мѣстѣ и тотъ заглядѣлся бы
на нее....

Послѣ ужина я наполнилъ стаканы старымъ, прозрач-
нымъ, какъ янтарь, искрящимся венгерскимъ, нѣсколь-
кими бутылками котораго снабдилъ меня „въ знакъ осо-
беннаго благорасположенія“ одинъ знакомый винотор-
говецъ.

— Пью за процвѣтаніе такой красоты, какъ ваша,
проговорилъ я, чокаясь съ ея стаканомъ. — Глядя на васъ,
можно сказать, что красота еще существуетъ на свѣтѣ!....

Въ отвѣтъ на мою восторженную рѣчь Бера громко,
почти истерически расхохоталась.

— Вы такой-же, какъ и другіе!... Ахъ, если-бы вы
знали, что я вытерпѣла изъ-за этой красоты, то не ста-
ли-бы желать ея процвѣтанія.... Впрочемъ для чего я
говорю все это? Чтобы тамъ ни было, но я хочу, я дол-
жна быть веселой... Я и такъ много терпѣла... Долей-
те мнѣ стаканъ!...

Лицо ея послѣ выпитаго вина разгорѣлось еще бо-
лѣе, глаза такъ и метали фосфорическій, лихорадочный
блескъ.

— Итакъ давайте веселиться!... Согласны? спросила
меня Бера.

Я машинально кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ споемъ что нибудь.... Я очень люблю пѣніе и сама пою, а вы умѣете?

— Мурлычу иногда себѣ подъ носъ чувствительные романсы, чаще-же насвистываю себѣ какія нибудь шансонетки, а впрочемъ пѣть совсѣмъ не умѣю, отвѣчалъ я, весело разсмѣявшись и наливая себѣ второй стаканъ вина.

— Плохой-же вы!... По моему пѣніемъ, все равно какъ и слезами, можно выплакать все свое горе и на сердцѣ станетъ легче и свѣтлѣе.... Не правда-ли?

— Не знаю,—никогда не пробовалъ этого средства.

— Значить вы мало испытали горя въ жизни.... Ахъ, у васъ и піанино здѣсь есть—отлично! и Бера подошла къ плохенькому, трактирному піанино, скромно ютившемуся въ уголкѣ, открыла его и взяла аккордъ, звукъ получился дряблый и непріятный.

Она замѣтно поморщилась, но все-же, отодвинувъ табуретъ сѣла за піанино и заиграла. Я очень плохой знатокъ въ музыкѣ, а потому не могъ опредѣлить, что она играла. Сначала мотивы напоминали „Серенаду“ Шуберта, но мало по малу нѣжная, тихо чарующая мелодія исчезла и полились то тоскливые, за сердце щемящіе, то бурные, какъ-бы негодовавшіе на что-то звуки.... Она, вѣроятно, сама не отдавала отчета, что играла,—звуки эти выливались у нея прямо изъ души. Она въ самомъ дѣлѣ могла выплакать въ музыкѣ все свое горе....

Медленно, глотокъ за глоткомъ попивая душистое венгерское, сидѣлъ я, не шевелясь, около Беры и съ какимъ-то до сихъ поръ невѣдомымъ мнѣ чувствомъ смотрѣлъ на это милое личико, изъ каждой жилки котораго такъ и била молодая, страстная жизнь....

Я, какъ и многіе еще въ то время, не былъ чуждъ нѣкотораго рода базаровщины, а потому и относился

скептически къ какимъ-бы то ни было психическимъ проявленіямъ. Теперь-же, вопреки всѣмъ моимъ „убѣжденіямъ“ мною овладѣло какое-то лирическое, восторженное состояніе, надъ которымъ я въ другое время расхохотался-бы....

Я болѣе не спрашивалъ себя, кто такая эта странная дѣвушка, я не удивлялся ея превосходной игрѣ, еще болѣе достойной удивленія, что звуки извлекались изъ такого плохаго инструмента—я только слушалъ, глядѣлъ на Беру, забывши, кажется, объ остальномъ свѣтѣ, и даже земскія дѣла, которыми я такъ увлекался, не приходили мнѣ въ это время на мысль....

Вотъ послышался ея звучное сопрано.

Jusqu'a toi mes chants dans l'ombre
Montent dou cement
Ton se tait, la nuit est sombre
Viens près d'un amant..

Этими словами начала онъ прекрасную, чарующую „Серенаду“ Шуберта, въ которой мелодія и страстность такъ гармонируютъ между собою и составляютъ такую отличительную черту, такую невыразимую прелесть...

Какимъ-то томительнымъ, сладкимъ чувствомъ разлились эти звуки по всему моему существу...

Я взглянулъ на Беру,—въ глазахъ ея блеснули слезы и послѣдняя нотка тихо замерла и долго еще звенѣла въ моихъ ушахъ...

— Скажите мнѣ, о чемъ вы плачете? тихо спросилъ я, взявши ее за руку.

Она ничего не отвѣчала, какъ-бы не слышала моего вопроса и задумчиво глядѣла въ сторону...

Вдругъ она вострепелась, слезы моментально исчезли съ ея лица.

— Нѣтъ, я не хочу болѣе плакать! проговорила она.—

Прочь эти слезы! Пусть будет, что будеть!... Я не виновата, что родилась такой дурной, легкомысленной... Все равно!..

Она, какъ-то нервно, провела своими тонкими пальцами по всѣмъ клавишамъ и вдругъ заиграла легкую гривуазную пѣсенку изъ какой-то оффенбаховской оперетки.

При этихъ новыхъ звукахъ мое лирическое настроеніе такъ-же скоро исчезло, какъ и настало. Теперь во мнѣ сказывался только подвыпившій человѣкъ, находящійся въ томъ періодѣ, когда у него чувства еще не притупились, но возбуждены до высшей степени.

Ахъ, какою страстью горятъ ея глаза, какою нѣгою дышетъ ея грудь!... Я долженъ овладѣть ею... Какая была-бы непростительная съ моей стороны глупость, если я упущу такой удобный случай!... Пускай это будетъ подло, но...

Далѣе я не могъ разсуждать. Вся кровь, казалось, бросилась къ моему лицу, въ вискахъ страшно стучало, сердце точно хотѣло выскочить изъ груди...

Мною овладѣла безумная, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся страсть...

Я порывисто обхватилъ дѣвушку за талію, привлекая къ дивану, сорвалъ съ нея лифъ, при чемъ застегнутыя на платѣ пуговицы отлетѣли прочь и припалъ къ ея груди жаркимъ, страстнымъ поцѣлуемъ...

Она сначала не могла отдать себѣ отчета, что такое съ нею происходитъ, но потомъ вдругъ вся задрожала.

— Оставьте!... Что вы со мною дѣлаете! проговорила она и зарыдала..

Съ нею сдѣлался нервный припадокъ.

IV.

Меня точно кто-то окатилъ холодной водой. Опьяненіе мое моментально исчезло. Я понялъ всю гадость своего поступка и мнѣ стало стыдно за самого себя... Дикарь и тотъ не рѣшился-бы злоупотреблять несчастіемъ и безпомощнымъ положеніемъ человѣка—тѣмъ болѣе женщины—а я, причисляющій себя къ интеллигентному классу, покусился на такую подлость!... Пока я мысленно бичевалъ самого себя, она все еще лежала безъ чувствъ и только время отъ времени вздрагивала всѣмъ тѣломъ... Мертвенная блѣдность покрывала ея лицо. Очевидно съ ней былъ не простой обморокъ, — она захворала серьезно. Сначала я растерялся и не зналъ, что дѣлать, но вскорѣ оправился, позвалъ лакея и велѣлъ ему ѣхать за докторомъ.

— Поѣзжайте, какъ можно скорѣе, за лучшимъ докторомъ, живущимъ здѣсь поближе, да позовите горничную...

Съ помощью горничной я перенесъ больную въ спальню и велѣлъ раздѣть ее.

Докторъ что-то долго не являлся, а между тѣмъ мое безпокойство съ каждою минутой возрастало и время казалось мнѣ невыносимо долгимъ....

Не поздно ли спохватился я послать за докторомъ?... Вѣдь больная и до припадка находилась по всѣмъ признакамъ въ ненормальномъ состояніи. Иначе чему приписать ея неумѣренную, порывистую веселость, неожиданно смѣнявшуюся на какое-то безотвѣтное отчаяніе?... А я былъ на столько близорукъ, что и не замѣтилъ ея болѣзненного состоянія!...

Приходъ доктора прервалъ мои размышленія. Это былъ высокій, тучный мужчина. Массивныя золотыя очки придавали ему какой-то строгій и даже отчасти свирѣпый видъ.

Я поспѣшно ввелъ его въ спальню и показалъ на Беру.

— Вылечитее, если можно! только и могъ проговорить я.

Тотъ, молча, нагнулся надъ больной. Прошло нѣсколько томительныхъ, долгихъ минутъ... Наконецъ онъ выпрямился. Лицо его было серьезно.

— Докторъ, что такое съ больной? дрожащимъ голосомъ спросилъ я. — Грозить ли ей опасность?...

— Я не хочу васъ ни запугивать, ни обнадеживать раньше времени, отвѣчалъ докторъ, пытливо смотря на меня изъ-подъ своихъ очковъ. — Съ больной сильное потрясеніе нервной системы и начало горячки. Дѣло можетъ принять или самый печальный результатъ или кончится ничѣмъ—все зависитъ отъ перелома болѣзни... Какъ бы то ни было, но за паціенткой требуется очень тщательный уходъ... Позвольте бумаги и чернилъ.

— Вы, докторъ, надѣюсь, заѣдете завтра? говорилъ я въ то время, когда онъ прописывалъ рецептъ.

— Какъ зовутъ больную? спросилъ онъ, не отвѣчая на вопросъ.

Я стоялъ въ замѣшательствѣ, не зная, что отвѣтить, но потомъ догадался назвать свою фамилію.

Передъ уходомъ докторъ снова вошелъ къ больной и нѣсколько времени пристально глядѣлъ на нее. Повидимому, онъ тоже былъ пораженъ ея красотой.

— Извините за вопросъ,—она жена вамъ? освѣдомился наконецъ онъ.

— Да.... то-есть нѣтъ.... Я хотѣлъ сказать родственница... со смущеніемъ отвѣчалъ я.

— Гмъ, родственница... Да!.. Какъ же вы, если при-

нимаєте въ ней хоть малѣйшее участіе, допустили ее до такого нравственнаго потрясенія!.. Не хорошо, молодой человѣкъ!.. Очень не хорошо-съ! говорилъ онъ, укоризненно качая своею сѣдой головою и свирѣпо глядя на меня черезъ очки.

Хотя я вовсе не принадлежу къ числу тѣхъ личностей, которыя допускають въ глаза ругать себя, но на этотъ разъ я промолчалъ и стоялъ, потупивъ голову, какъ виновникъ....

— А сидѣлка пациенткѣ необходима. Вы одни при всемъ своемъ рвеніи не будете въ состояніи ходить за больной, сказалъ онъ на прощаньи, нѣсколько смягчая свой тонъ, повидимому тронутый моимъ смиреніемъ и растеряннымъ видомъ.

Пока ходили въ аптеку, я сидѣлъ около постели больной и съ безпокойствомъ всматривался въ ея блѣдное, безжизненное личико...

Кто она такая? Что это за странное имя—Бера? Какая причина довела ее до того, что она рѣшилась ночью, на улицѣ, подойти ко мнѣ, къ человѣку совсѣмъ ей незнакомому и просить у меня помощи? Во всемъ этомъ навѣрно заключается какая нибудь тайна... Но какая именно?...

Самыя нелѣпыя, самыя разнорѣчивыя мысли лѣзли мнѣ при этомъ вопросѣ въ голову.

Наконецъ пришла посланная въ аптеку горничная.

Я попросилъ ее сыскать для больной сидѣлку. Она обѣщала прислать какую-то свою знакомую, которая теперь безъ мѣста...

Конецъ ночи до самаго утра, пока меня не смѣнила приведенная горничной сидѣлка, я провелъ у кровати больной.

Къ утру съ Берой начался жаръ и бредъ. Она мета-

лась, нѣсколько разъ приподнималась съ постели, такъ что я долженъ былъ снова ее укладывать.

— Нѣтъ!... Нѣтъ!... Оставь меня!... говорила она въ горячечномъ бреду, глядя на меня воспаленными глазами.—Я требую, чтобы ты пустилъ меня! Да, требую!... Я не хочу зависѣть отъ тебя!... Это что такое?... Безконечное, гладкое море... Солнце ярко свѣтитъ... Какъ хорошо здѣсь!... Вонъ бѣлѣтъ парусъ... Ахъ, зачѣмъ волны такъ вздымаются! Туча черная... Позоръ... Голодь...

Далѣе она стала говорить какія-то непонятныя, безсвязныя слова. Жутко мнѣ было оставаться одному съ больной. Невольная дрожь пробѣгала по всему моему тѣлу, когда она приподнималась съ постели и смотрѣла на меня мутными, воспаленными глазами...

Только днемъ, когда явилась рекомендованная горничной сидѣлка, больная успокоилась и ровное ея дыханіе показывало, что она заснула крѣпкимъ сномъ. Время отъ времени нервный вздохъ вырывался изъ ея груди.

Я передалъ Беру на попеченіе сидѣлки, а самъ бросился на кресло и забылся на нѣкоторое время безпокойнымъ, лихорадочнымъ сномъ....

V.

Часа въ два дня меня разбудилъ приходъ доктора. Онъ явился такимъ же хмурымъ, какъ и вчера, но выходя отъ больной, онъ замѣтно повеселѣлъ.

— Отлично! Превосходно!. Я, по правдѣ сказать, совсѣмъ и не ожидалъ подобнаго результата, говорилъ онъ посипѣшно, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, что

вовсе не шло къ его величественной, массивной фигурѣ. Болѣзнь захвачена какъ разъ во время и прошла благополучно, благодаря крѣпкому тѣлосложенію. Теперь остались только слабые ея симптомы, да легкая простуда. Отъ этого ей вылечиться не трудно: полежать дня два въ постели—и вся недолга...

— Благодарю васъ, благодарю! и я горячо пожалъ доктору руку....

— Я тутъ не при чемъ! возразилъ онъ, нахмутивъ брови.—Всякій врачъ на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже... Вотъ вы хорошо поступили, что догадались тотчасъ же послѣ ея припадка послать за докторомъ. Повремени вы еще немного и больной могло бы быть очень худо.

— Вы все-таки, надѣюсь, навѣстите свою паціентку?

— Нѣтъ, мнѣ больше нечего у васъ дѣлать. Даже лекарствъ ей никакихъ не давайте.... Развѣ успокоительное.... Въ случаѣ если съ ней произойдетъ что-нибудь серьезное, тогда пошлите за мной...

При разставаньи я горячо пожалъ руку добряка доктора, неуклюжій и сердитый видъ котораго такъ мало соответствовалъ его душевнымъ качествамъ....

Послѣ ухода доктора я вошелъ въ спальню къ больной. Она лежала, закрывъ глаза. Слабый румянецъ, показавшійся на ея щекахъ, нѣжно оттѣнялъ блѣдное, овальное личко Беры. Оставившія ее жизненные силы, видимо снова возвращались къ ней. Она была въ томъ періодѣ, когда здоровая натура беретъ верхъ надъ болѣзнію и только одна слабость удерживаетъ больного въ постели.

-- Дайте мнѣ пить! сказала она, не открывая глазъ.

Я, молча, подалъ ей стаканъ съ лимонадомъ. Она открыла глаза, думая встрѣтить знакомое лицо сидѣлки, но уви-

дѣвъ меня, вдругъ вся задрожала и не рѣшалась брать стакана.

Я, опустивъ голову, стоялъ, какъ виноватый, не находя словъ сказать что-нибудь въ свою защиту.

— Простите меня! проговорилъ я наконецъ тихимъ, умоляющимъ голосомъ.

Она ничего не отвѣчала и только пристально посмотрѣла на меня.

— Нѣтъ, вы добрый! прервала она тягостное для меня молчаніе. Вы не выкинули меня на улицу, когда я заболѣла.

Послѣднія слова она проговорила съ видимымъ усиліемъ. Я понялъ ея замѣшательство....

— Позабудемъ прошлое! прошепталъ я.

— Да... да... Забвеніе!...какъ-то несвязно проговорила она и, отпивши изъ стакана нѣсколько глотковъ, тихо пожала мнѣ руку и снова закрыла глаза.

Послѣ этого я точно ожилъ. Съ моихъ плечъ спало тяготившее меня бремя и на душѣ стало легче и свѣтлѣе...

— Она простила меня! думалъ я, скорыми шагами, но тихо, чтобы не потревожить покоя больной, расхаживая по комнатѣ—и какое-то свѣтлое, радостное чувство все болѣе и болѣе наполняло мое сердце...

VI.

Всю ночь я продумалъ о ней.

Въ продолженіе всей моей жизни еще ни одна женщина не производила на меня такого впечатлѣнія, какъ Бера. Много женскихъ образовъ проносилось у меня въ головѣ, начиная отъ краснощекой Марфуши, за которой я ухаживалъ—и не безъ успѣха—въ періодъ сво-

ей юности, еще будучи гимназистомъ,—и кончая женой предводителя дворянства, считавшейся въ нашемъ городкѣ первой провинціальной львицей и вѣроятно на этомъ основаніи ставившей рога своему супругу....

Всѣхъ этихъ женщинъ я подраздѣлялъ на два разряда: одни, обыкновенно очень скромныя и холодныя при постороннихъ, поражали меня своимъ ненасытнымъ сладостастіемъ, своимъ безстыдствомъ, когда мнѣ удавалось склонить ихъ на свиданіе; другія же, напротивъ, были вѣчно жеманны, вѣчно плаксивы и сентиментальны....

И первыя и вторыя скоро надоѣдали мнѣ. Совсѣмъ другое чувство производила на меня Бера. Я благоговѣлъ передъ нею и въ тоже время какое-то жгучее ощущение прокрадывалось во все мое существо. При первомъ взглядѣ на нее, кровь бросалась къ моей головѣ, сердце начинало учащенно биться, и мнѣ страшно хотѣлось припасть своею пылающей головой къ ея обнаженнымъ плечамъ и осыпать эти плечи горячими поцѣлуями....

Я сознавалъ, что мое воображеніе стало какимъ-то болѣзненнымъ,—оно, помимо моей воли, представляло мнѣ только одну Беру, одни ея дышащіе нѣгою и страстію глаза, одну ея пышную, порывисто поднимающуюся грудь.

Это была и любви страсть и обожаніе—все вмѣстѣ....

Такъ прошло два дня. Бера продолжала быстро поправляться, но все еще не вставала съ постели.

На третій день я отпустилъ отдыхать утомленную безсонными ночами сидѣлку, а самъ вошелъ къ Берѣ.

Я видѣлъ, что она не спитъ, но молчалъ.

Я не зналъ, съ чего начать. Мною овладѣло такое смущеніе, какое прилично только шестнадцатилѣтнему

юношѣ, когда его оставятъ tête à tête съ предметомъ его обожанія.

Молчаніе становилось тягостнымъ, но я не находилъ словъ прервать его.

Я взялъ со стола книгу и началъ перелистывать ее, хотя въ спальнѣ было такъ темно, что я все равно не могъ бы разобрать ни слова.

Бера первая прервала молчаніе.

— Послушайте! раздался ея голосъ. — Бросьте читать,—мнѣ надо говорить съ вами.

Я отложилъ книгу и рѣшился взглянуть на Беру: она пристально, нѣсколько пытливо устремила на меня свои глубокіе, темные глаза.

— Скажите откровенно, что вы думаете обо мнѣ? спросила она.

— Говоря по правдѣ, если этотъ вопросъ и приходилъ мнѣ на мысль, то такъ и оставался неразрѣшеннымъ, отвѣчалъ я.

— Къ своему сожалѣнію я и теперь не могу открыть вамъ свое прошедшее....

— Тогда, конечно, я не буду настаивать.... Да и къ чему мнѣ знать это? Когда расположенъ къ человѣку, нѣтъ нужды разгадывать его прошлое.

— Мало поводовъ быть вамъ расположеннымъ ко мнѣ,—кромѣ хлопотъ и непріятностей я вамъ ничего не принесла.

— А вы забываете, какъ я виновенъ передъ вами! съ жаромъ перебилъ я Беру.—Если только я считаю себя мало-мальски честнымъ человѣкомъ, то долженъ пожертвовать всѣмъ, чтобы загладить свой скверный поступокъ....

— Вы обѣщались никогда не напоминать мнѣ объ этомъ... Забыть это... Слышите, забыть! повелитель-

нымъ голосомъ вскричала она, при чемъ вся вспыхнула и задрожала всѣмъ тѣломъ.

Я въ смущеніи замолчалъ.

— Да!.. При всемъ моемъ желаніи я не могу сказать вамъ истины, снова заговорила она послѣ долгаго раздумья. — А какъ бы мнѣ хотѣлось открыть ее, хоть ради того, чтобы вы не думали обо мнѣ дурно....

— Неужели вы считаете меня на столько близорукимъ! перебилъ я ее съ упрекомъ въ голосъ.

— Одно скажу вамъ въ свое оправданіе, продолжала она. — Когда вы встрѣтили меня, то я ужъ была больна и находилась въ ненормальномъ состояніи.... Больше не требуйте отъ меня никакихъ объясненій.... О, если бы вы знали, какъ трудно, какъ тяжело оставлять все при себѣ, все давить въ себѣ, все тушить!.. Все!.. Все!..

Подъ надплывомъ тягостныхъ воспоминаній она, сама того не замѣчая, приподнялась съ постели, при чемъ слезы выступили на ея глазахъ.

Какое-то жгучее ощущеніе вкралось въ мое сердце съ ея послѣдними словами. Казалось, часть ея не выплаканнаго горя перешла на меня.

— Скажите мнѣ, Бера, что васъ такъ волнуетъ, такъ мучаетъ? Я помогу вамъ, во что бы то ни стало помогу!

Въ отвѣтъ на это она грустно улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Вы съ своей стороны сдѣлали все, что могли, сказала она: — вашими заботами мнѣ возвращено здоровье и даже можетъ быть жизнь.... Къ лучшему или худшему она возвращена, это покажетъ будущее.... Во всякомъ случаѣ мнѣ за это остается только поблагодарить васъ и... наши дороги должны разойтись.

Я былъ пораженъ этими словами. Мысль, что я разстанусь съ Берой, приводила меня въ отчаяніе.

— Нѣтъ! Нѣтъ! съ жаромъ воскликнулъ я. — Вамъ нельзя такъ скоро оставить меня... Вы еще больны, безпомощны... Я долженъ о васъ позаботиться...

— Не принуждайте меня! тихимъ, ласковымъ голосомъ перебила она мой протестъ.

— Неужели вы меня боитесь? продолжалъ я, не слушая ея возраженій. — Нѣтъ! Не можетъ быть! Вы навѣрно чувствуете, что я не могу еще вторично оскорбить васъ, что я тронуть, глубоко тронуть вашимъ положеніемъ...

Съ каждой минутой волненіе все сильнѣе овладѣвало мною. Я не могъ болѣе сдерживать себя и рѣшился ей во всемъ признаться.

— Я люблю васъ, Бера! какъ-то отрывисто проговорилъ я.

Она удивленно, почти съ испугомъ посмотрѣла на меня, но ни чего не отвѣчала.

— Послушайте, Бера! началъ я снова, ободренный ея молчаніемъ. — До этого времени я не вѣрилъ въ любовь, смѣялся надъ нею и называлъ ее продуктомъ, выработаннымъ досужей фантазіей сантиментальныхъ людей, но съ тѣхъ поръ какъ судьба страннымъ образомъ свела насъ, я начинаю вѣрить, что мы встрѣтились съ вами не даромъ, что эта встрѣча сильно повліяетъ на меня.... Признаюсь, — я пригласилъ васъ къ себѣ съ несовсѣмъ честными намѣреніями. Я думалъ—вы.. Но позвольте умолчать, что я думалъ о васъ.... Впрочемъ такого же мнѣнія я былъ почти о всѣхъ женщинахъ....

Я замолчалъ и съ какимъ-то тоскливымъ чувствомъ глядѣлъ на Беру и чѣмъ болѣе всматривался въ ея прозрачное, немного желтоватое отъ болѣзни личико, съ блестящими, глубокими глазами, около которыхъ легли темныя тѣни, тѣмъ болѣе она становилась мнѣ милѣй

и мысль о разлукѣ тяжелымъ камнемъ ложилась мнѣ на сердце.

— Бера! продолжалъ я, еще болѣе воодушевляясь. — Я полюбилъ васъ такъ, какъ еще никого никогда не любилъ, хотя не знаю ни васъ самихъ, ни вашего прошедшаго... Теперь только я испыталъ на себѣ, что любовь слѣпа.... Отречься отъ любви къ вамъ я не могу, и, кажется, никогда не буду въ силахъ.... Бера, умоляю васъ—останьтесь!..

Я припалъ лицомъ къ дивану и съ тоскливымъ напряженіемъ ждалъ отъ нея отвѣта.

— Я не могу! Я не могу! сказала наконецъ она съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ.

— Но почему же, почему? спросилъ я, съ порывистою страстью схватывая Бера за руку.

— Потому что вы требуете невозможнаго, грустно отвѣчала она.

Я хотѣлъ выйти изъ комнаты: и слезы и горечь сдавили мнѣ горло..

Бера остановила меня.

— Вы сердитесь за мою откровенность? прошептала она, тяжело переводя духъ.

— Не за что мнѣ на васъ сердиться, перебилъ я ее. — Нельзя полюбить того человѣка, къ которому не расположенъ.... Насильно милъ не будешь!...

Настало молчаніе. Она повидимому оставалась спокойной, только по нервнымъ подергиваніямъ ея лица можно было догадаться, что съ нею происходитъ страшная внутренняя борьба....

— А если вы ошибаетесь? Если на это есть другая причина? какимъ-то тягучимъ, страстнымъ шепотомъ, проговорила она и приподнялась съ постели.

Тяжелое одѣяло не скрывало болѣе ея стройнаго, пыш-

но развившагося стана. Черныя косы расплелись и густыми прядями покрывали ея изящную, точно изъ слоновой кости выточенную шею, полуоткрытыя плечи и порывисто поднимавшуюся грудь.

— Такъ знайте-же, злой человѣкъ, невозможное будетъ для меня возможнымъ!.. Я люблю васъ!.. Понимаете ли—люблю!.. Я не оставлю, не пущу васъ отъ себя!.. Куда вы, туда и я.

Одно мгновеніе и она была около меня, горячій поцѣлуй обжегъ мои губы.

— Я твоя... Вся твоя, милый! страстно прошептала она, скрывъ свое лицо на моей груди...

VII.

На другой день Бера встала съ постели. Любовь на нее подѣйствовала благотворно и она, повидимому, совершенно оправилась отъ своей болѣзни. Я, какъ и всѣ влюбленные, былъ очень счастливъ.

Въ Москвѣ мы прожили еще два дня. Больше впрочемъ и нельзя было оставаться здѣсь или, по крайней мѣрѣ, въ томъ отелѣ, гдѣ я жилъ. Тамъ вся прислуга стала коситься на Бера, а управляющій отелемъ нѣсколько разъ надѣдалъ мнѣ требованіемъ „представить удостовѣреніе личности той особы, которая живетъ у меня“, какъ выражался онъ.

Еще хорошо, что къ нашему благополучію тогда не было тѣхъ строгостей, которыя завелись теперь...

Но во всякомъ случаѣ нужно было удалиться изъ Москвы и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я такъ и сдѣлалъ, закупивши предварительно все нужное, а также пополнивши крайне недостаточный гардеробъ Беры.

Черезъ нѣсколько дней я съ Берой былъ въ своемъ имѣніи.

Сначала никто изъ сосѣдей не замѣтилъ Беру, тѣмъ болѣе, что я не разглашалъ о своемъ пріѣздѣ и многіе думали, что я нахожусь еще въ Москвѣ.

Но поздняя осень — самое скучное, самое тягостное время въ деревнѣ. Я чувствовалъ невольные укоры совѣсти, зная, что Бера черезъ меня обречена на ту тоску, которую въ состояніи только понять люди, жившіе когда-либо зимою или осенью въ деревнѣ, вдали отъ общества и знакомыхъ.

На этомъ основаніи я рѣшился ѣхать съ Берой въ нашъ уѣздный городъ, гдѣ кстати въ это время происходили земскіе выборы. Все же тамъ не такая одуряющая скука, какъ въ деревнѣ....

Въ городѣ появленіе Беру произвело большой переполохъ въ обществѣ. Хотя она старалась не показываться на глаза постороннихъ, но все же многіе находили время увидеть ее. Мушны любовались ею, хотя и у нихъ дѣло не обходилось безъ злословія, но женщины.... О, эти женщины!...

Сплетни, самыя разнорѣчивыя, самыя нелѣпыя ходили о ней по городу между представительницами прекраснаго пола. Особенно изощрались на выдумки матушки, у которыхъ были дочки невѣсты, потому что съ появленіемъ Беру онѣ теряли послѣднюю надежду связать меня когда-либо узами брака.

Между тѣмъ я считался по своему состоянію однимъ изъ лучшихъ жениховъ въ уѣздѣ и вдругъ всѣ надежды матушекъ должны рушиться.... О, въ такомъ случаѣ всякая порядочная мать изъ благовоспитанной провинціальной дамы готова обратиться въ тигрицу!...

И въ самомъ дѣлѣ онѣ не гнушались никакими сред-

ствами, чтобы унижить и безъ того незавидное положеніе Беры.

Самая развращенная фантазія, самый порочный умъ не могъ бы выдумать такихъ грязныхъ сплетенъ, какія составлялись провинціальными дамами. Дѣвицы — эти „богини красоты, ума и невинности“ — по выраженію нѣкоего уѣзднаго остряка — разумѣется, не только не отставали отъ дамъ, но даже превосходили ихъ силою своего не совсѣмъ дѣвственнаго воображенія....

Противъ выходокъ дамъ я былъ совершенно обезоруженъ, но за то всю свою злость, все свое оскорбленное чувство за себя и за Беру я срывалъ на муцинахъ.

Достаточно было одного прозрачнаго намека на Беру, какъ я выходилъ изъ себя и готовъ былъ наговорить кучу дерзостей и даже надавать пощечинъ наглецу, осмѣлившемуся при мнѣ оскорбить дорогое для меня имя....

Я сталъ раздражителенъ и желченъ. Всѣ съ опаской сторонились отъ меня, но козни противъ Беры не прекращались.

VIII.

— Привѣтъ тебѣ, о, юноша, красотою и молодостію цвѣтущій! Слова эти произнесъ нашъ исправникъ, Николай Петровичъ Гриневъ, войдя какъ-то утромъ въ кабинетъ.

Этотъ маленькій, сѣденькій человѣчекъ представлялъ типъ людей, называемыхъ у насъ „неудавшимися“. Обладая недюжинными способностями, онъ въ періодъ своей молодости хватался за все, но ничего не доводилъ до конца.

По выходѣ изъ университета, онъ мечталъ сдѣлаться ученымъ, быть современемъ профессоромъ, но вмѣсто всего этого попалъ въ гусары. Въ гусарахъ онъ пробылъ недолго: ему предложено было выйти въ отставку за нарушеніе правилъ военной дисциплины, и онъ впоследствии самъ говорилъ, что еще дешево отдѣлался однимъ исключеніемъ изъ службы.

Долго мыкался онъ въ разныя стороны, но ни на одномъ мѣстѣ болѣе года не уживался. Наконецъ онъ на все махнулъ рукою и началъ, что называется, „жуировать“.

На этомъ послѣднемъ поприщѣ онъ имѣлъ успѣхъ, сдѣлался вскорѣ первымъ великосвѣтскимъ львомъ и, благодаря своей красивой наружности, привлекательнымъ манерамъ, блестящему, но неспособному къ серьезнымъ занятіямъ уму, пользовался благосклонностью губернскихъ дамъ.... Не мало было пролито изъ-за него слезъ ревности, еще болѣе происходили такія возмутительныя семейныя сцены, для которыхъ такъ хорошо устроены толстыя портьеры и крѣпкія дубовыя двери, тщательно скрывающія отъ глазъ постороннихъ все, что происходитъ за этими дверями....

Но вотъ Гриневу минуло сорокъ лѣтъ и слѣды безпутно проведенной жизни сказались: онъ началъ старѣть, истаскиваться.... Вмѣстѣ съ пришедшею дряхлостью рушилось его и прежде сильно разстроенное состояніе.

Тогда онъ рѣшился на крайнее средство и предложилъ свою руку и сердце дочери одного вліятельнаго господина, mademoiselle Sophie, которая была безъ ума отъ него. Вышедши замужъ, Софья Карповна—какъ ее теперь звали—оказалась очень энергичной, самостоятельной и практичной дамой. Первымъ дѣломъ, она

взяла въ руки своего мужа и, выхлопотавши ему через своего отца мѣсто исправника, заставила принять его эту должность....

Странно было видѣть, какъ Гриневъ, этотъ бывшій левъ и ловеласъ, отъ котораго прежде такъ трепетали дамскія сердечки, боялся своей супруги....

— Ну, что, юноша, какъ живете?.. Конечно срывае-те, говоря высокимъ слогомъ, цвѣты удовольствій и наслажденій, попадающіеся на вашемъ жизненномъ пути, добродушно сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку.

Но вдругъ онъ какъ будто вспомнилъ что-то и проговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— А я къ вамъ по дѣлу!

Я взглянулъ на него вопросительно.

— Да, да!.. По дѣлу! повторилъ онъ. — А все это должность проклятая!

Лицо его вдругъ омрачилось, на лбу появилось нѣсколько глубокихъ морщинъ, — должно быть не по себѣ бѣднягѣ было. Вообще къ нему очень не шла роль официальнаго представителя земской исполнительной власти.

— Да вы не пугайтесь! поспѣшилъ онъ успокоить меня. — Ничего особеннаго нѣтъ.... На мнѣ, видите ли, лежитъ непріятная полицейская обязанность спросить васъ о личности особы, живущей съ вами.... Вы, надѣюсь, понимаете, что это не простое любопытство съ моей стороны....

Я увидѣлъ, что дѣло плохо, что Бера въ самомъ дѣлѣ скрывала свое прошлое.

Я рѣшился немного покривить душой.

— Послушайте, Николай Петровичъ, вы довѣряете мнѣ, какъ честному человѣку? спросилъ я.

— Конечно.... Конечно.... Вотъ странный вопросъ!

— Ну, такъ слушайте, что я вамъ скажу: я знаю Беру, знаю кто она, но въ настоящее время ей по нѣкоторымъ причинамъ нельзя открыть свое имя. Это открытіе послужитъ не только для нея, но и для вашего покорнѣйшаго слуги источникомъ разныхъ непріятностей.

— Гмъ, непріятностей?... Какже мнѣ быть теперь? растерянно проговорилъ онъ.

— Подождите немного.... Впрочемъ, въ случаѣ вашего настоятельнаго требованія, я скажу вамъ, кто она, но тогда кромѣ дурныхъ послѣдствій, имѣющихъ обрушиться на мою голову, мнѣ будетъ очень непріятно ваше недовѣріе ко мнѣ....

Гринева сдѣлался красенъ, какъ ракъ.

— Послушайте!... За кого вы меня считаете, чтобы я могъ вамъ непріятностей надѣлать....

— Однако вы явились ко мнѣ за тѣмъ, что-бы....

— Будетъ!... Довольно говорить объ этомъ! перебилъ онъ меня.—Въ свое оправданіе я могу сказать вамъ—какъ мнѣ ни совѣстно въ этомъ признаться,—что я дѣйствовалъ по инициативѣ Софьи Карповны.... Если-бы не она, мнѣ никогда и въ мысль не пришло бы затѣвать всю эту исторію....

Я невольно улыбнулся отъ признанія Гринева.

— Хорошо вамъ смѣяться, обидчиво проговорилъ онъ, увидя улыбку на моемъ лицѣ.—Желалъ-бы я васъ видѣть на своемъ мѣстѣ.... Софья Карповна, я вамъ скажу, такая женщина, такая.. Да что говорить объ этомъ! Вамъ смѣшки, а мнѣ слезы! и Гринева безнадежно махнулъ рукою.

— Одно вамъ скажу, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія—меня—не говорю ужъ про Софью Карповну—всѣ здѣшнія барыни поѣдомъ ѣдятъ изъ-за васъ.... Какъ вы, говорятъ, позволяете, что-бы всякая

развратница—извините, пожалуйста, я буквально ихъ слова повторяю—селилась въ нашемъ городѣ.... Вы-бы, говорятъ, спросили у нея видъ, а то можетъ быть она бѣглая какая нибудь.... Зудили они меня, зудили эдакимъ образомъ, такъ что у меня, наконецъ, терпѣніе лопнуло и я рѣшился обратиться къ вамъ пособить моему горю.... Если-же нельзя, то и не надо, такъ какъ-нибудь обойдусь!... Не впервой Софѣ Карповнѣ, вкупѣ съ барынями, ругать меня....

Я оставилъ Гринева у себя завтракать и попросилъ Бера выйти къ нему.

Онъ былъ, положительно, очарованъ ею, любезничалъ, цѣловалъ у нея руки и на прощанье, уѣзжая домой, клялся всѣми богами, что еще никогда не видалъ такой красавицы....

— Какой смѣшной старикъ! промолвила Бера послѣ его ухода.

— И прибавъ къ тому-же: добрый, иначе намъ съ тобою пришлось-бы плохо.

Я рассказалъ ей, зачѣмъ Гринева являлся ко мнѣ, она задумалась.

— Послушай, Бера! тихо сказалъ я, придвигаясь къ ней ближе и обнимая ее. — Открой мнѣ свое прошлое! Повѣрь, я говорю не изъ пустаго любопытства. Мнѣ хочется оградить тебя отъ всѣхъ этихъ грязныхъ сплетень... Выйди за меня, Бера, замужъ! Я ей не раздѣлалъ это предложеніе, но она постоянно отклоняла мое желаніе жениться на ней. Теперь было тоже самое.

— Люби меня такъ, милый мой! сказала она, ласкаясь ко мнѣ. Что намъ за дѣло до чужихъ толковъ? Пусть посторонніе думаютъ обо мнѣ все, что имъ заблагорассудится... Мнѣ все равно, стало быть тебѣ нечего и беспокоиться... Когда можно будетъ, тогда... А теперь

давай жить, пока живется и любить, пока любитя...
Не такъ-ли?..

IX.

Вскорѣ мы снова уѣхали въ деревню.

Такъ рѣшила Бера.

Здѣсь, не смотря на скуку, намъ жилось гораздо спокойнѣе, нежели въ городѣ.

Впрочемъ я запасся нѣкоторыми средствами, полезными для борьбы со скукой. Я выписалъ изъ Москвы рояль Беккера, а изъ городка, куда я время отъ времени считалъ нужнымъ тащиться по земскимъ дѣламъ, я каждый разъ привозилъ цѣлую груду книгъ и кипу журналовъ и газетъ...

Бывало ѣдешь изъ города во свояси, и подъ конецъ страшно утомишься этою осенней поѣздкою, сопряженной часто съ такими „случаями“; какъ переломомъ оси или нечаяннымъ выпаденіемъ изъ экипажа въ грязь — случаями, вовсе не дѣлающими честь тому земству, однимъ изъ представителей котораго состоялъ я; ѣдешь по этой размытой, испорченной въ конецъ дорогѣ, проклинаешь и самого себя и земство и весь божій свѣтъ. Но вотъ вдали показываются темныя, покривившіяся крестьянскія избы, а въ сторонѣ отъ нихъ, на пригорѣ, возвышается маленькій, изящный домикъ, выстроенный мною на мѣстѣ прежнихъ полуразрушенныхъ барскихъ хоромъ.

На сердцѣ станетъ какъ будто легче и усталость почти исчезаетъ, когда вспомнишь, что въ этомъ домикѣ тебя ожидаетъ любимое тобою существо...

А вотъ, наконецъ, я и дома, въ сѣняхъ встрѣчаетъ

меня Бера и радость, неподдѣльная радость свѣтитъ въ ея глазахъ...

— Милый, дорогой мой! А я и не думала видѣть тебя сегодня! слышится мнѣ ея страстный шопоть...

Хороши, ахъ, какъ хороши были эти пасмурные дни и ненастные долгіе вечера, когда вѣтеръ уныло затягивалъ въ трубу свои долгія пѣсни, а холодный насквозь пронизывающій дождикъ безъ умолку стучалъ въ наши окна!...

Какъ покойно, какъ радостно чувствовалъ я себя въ это время, сидя около Беры, любуясь ея темными, глубокими глазами, цѣлуя ея смуглое, дорогое для меня личико...

Согрѣвшись послѣ дороги чаемъ и утоливъ свой голодь ужиномъ, приготовленнымъ заботливою рукой, лежишь на диванѣ близъ камина, положивши ей на колѣни голову и слушаешь, какъ она читаетъ новости изъ привезенныхъ мною газетъ, а на дворѣ между тѣмъ свирѣпствуетъ непогода и непрерывный дождикъ барабанить въ потускнѣвшія стекла...

А то вдругъ страстные, задушевные звуки рояля заглушаютъ и свистъ вѣтра и стукъ дождя и завываніе непогоды. Каждый аккордъ вносить въ мою душу какое-то сладостное чувство неизвѣданнаго до сихъ поръ счастья, каждый звукъ наполняетъ мое сердце ни то жгучею, ни то ласкающею истомою...

Тогда невольно припадешь своею пылающей головой къ ея высокой, сулящей и нѣгу, и страсть груди, невольно забудешься въ горячихъ, порывистыхъ объятіяхъ Беры...

Х.

Прошло два мѣсяца.

Сѣрую, тоску наводящую осень смѣнила зима съ ея морозами и метелями.

То, что не могло сдѣлать земство, сдѣлала зима: дорога, не смотря на ухабы и снѣжные заносы, стала удобна для ѣзды, а слѣдовательно мои поѣздки изъ имѣнія въ городъ и обратно не были сопряжены съ такими затрудненіями какъ прежде...

Однажды я, пріѣхавши изъ города, и будучи въ самомъ веселомъ настроеніи, тихо вошелъ въ комнату Беры.

Она сидѣла ко мнѣ спиною и что-то писала.

Я подкрался къ ней и схватилъ со стола, лежащую передъ ней, бумагу.

— Ага, сударыня! закричалъ я шутливо-грознымъ басомъ, становясь въ позу Отелло. — Наконецъ-то вы попались!.. Я давно слѣжу за вами. Вы кому-то письма тайно отъ меня пописываете!.. О, невѣрная, готовься сейчасъ умереть!..

И я поднялъ руку съ воображаемымъ кинжаломъ.

Она обернулась. Къ моему удивленію лицо ея выражало большое горе, а на глазахъ блестѣли слезы.

— Отдай мнѣ письмо! Слышишь?.. Сейчасъ-же отдай! проговорила она и въ ея голосѣ слышалась ни то суровая, ни то сухая нотка.

— Что это значитъ, Бера? съ удивленіемъ спросилъ я, отдавая ей записку. — Къ чему эти слезы? Наконецъ, почему ты такъ странно обращаешься со мною?..

— Потому что не всегда бываетъ время для шутокъ...

— Объяснись, пожалуйста, яснѣе.

— Послѣ... потомъ...

— Нѣтъ, Бера! перебилъ я ее—такъ не должно болѣе оставаться... Къ чему эта неизвѣстность, эта ежеминутная натяжка?... И съ кѣмъ же? Съ человѣкомъ, который, ты сама знаешь, такъ тебя любитъ... И вдругъ ты... Нѣтъ, я прошу, наконецъ я требую, чтобы ты открыла мнѣ свое прошлое, свое имя, иначе...

— Что иначе?... Договаривай! произнесла она вызывающимъ голосомъ.

— Иначе я насильно заставлю тебя сказать мнѣ всю правду! внѣ себя закричалъ я.

Въ отвѣтъ на это она разразилась громкимъ, нервнымъ смѣхомъ.

— Ха! ха! ха! Ты заставишь?... А позвольте васъ спросить, имѣете-ли вы на это право? Когда я согласилась ѣхать съ вами, давала я вамъ какія нибудь обѣщанія?

— Ты, вѣроятно, раздражена, Бера! А потому не хочешь понять, что мое требованіе вытекаетъ изъ любви же къ тебѣ...

— Твоя любовь требуетъ черезчуръ многого!

— Я, по крайней мѣрѣ, вижу во всей этой таинственности только одинъ твой капризъ, изъ-за котораго я, между прочимъ, поставленъ передъ нашимъ обществомъ въ крайне неловкое положеніе.

— Вотъ какъ! холодно произнесла Бера. Стало быть ты изъ-за моего каприза подвергаешься непріятностямъ.

— И очень серьезнымъ. Примѣромъ тебѣ можетъ служить визитъ исправника...

— Хорошо!... Завтра ты все узнаешь, а теперь оставь меня одну, перебила она меня какимъ-то сухимъ, не свойственнымъ ей голосомъ.

— Бера! съ упрекомъ сказалъ я.

Она вдругъ опомнилась. Сухой блескъ ея глазъ замѣнился прежнимъ ласковымъ, любящимъ взоромъ.

— Не сердись на меня, дорогой мой! Ты меня долженъ простить... Я такъ разстроена... Чѣмъ?... Это ты завтра узнаешь... Всё, всё узнаешь... А теперь прощай!..

Она, поцѣловавъ, выпроводила меня изъ комнаты и я слышалъ, какъ щелкнулъ замокъ ея двери...

Всю долгую, зимнюю ночь я провелъ, лежа въ своемъ кабинетѣ, на кушеткѣ и не смыкая глазъ. Нѣсколько разъ я принимался читать, но ничего не понималъ изъ прочитаннаго и книга выпадала изъ моихъ рукъ.

Я былъ занятъ только одной Берой, въ моемъ воображеніи рисовался только одинъ ея образъ...

— Что-то она мнѣ завтра скажетъ? думалъ я и въ умѣ моемъ мелькали тысячи отвѣтовъ...

Наконецъ, когда ужъ показался блѣдный свѣтъ наступавшаго утра, я заснулъ тяжелымъ, лихорадочнымъ сномъ.

XI.

— Баринъ... а баринъ!.. Вставать пора! чуть ли не десятый разъ раздавался надъ моимъ ухомъ лѣнивый, заспанный голосъ моего камердинера Никиты, дюжаго и довольно глуповатаго парня съ вѣчно заспанной, апатичной, ничего не выражающей фizioноміей.

Я наконецъ открылъ глаза.

Зимній, морозный день, пасмурно глянулъ мнѣ въ лицо. Часы били двѣнадцать.

Съ отяжелѣвшей головой поднялся я съ кушетки—на которой такъ и заснулъ, не раздѣваясь—и посмотрѣлъ въ окно.

На дворѣ свирѣпствовала вьюга. Сквозь узорчатые отъ мороза стекла виднѣлись черныя, закоптѣлыя крестьянскія избы, около которыхъ возвышались огромныя, снѣжныя кучи...

Голова моя страшно болѣла, и всѣ фантастическія мечты, такъ недавно осаждавшія меня, безслѣдно исчезли.

На душѣ у меня точно кошки скребли и вообще я находился въ самомъ скверномъ расположеніи духа...

На меня иногда находили подобныя минуты ипохондріи, и въ это время я становился невыносимо желченъ и раздражителенъ. Поэтому я считалъ за самое лучшее какъ для себя, такъ и для другихъ, уединяться на нѣсколько часовъ, пока не проходила моя хандра.

Не желая встрѣчать въ подобномъ расположеніи духа Беру, я велѣлъ Никитѣ принести чай въ кабинетъ, взялъ со стола привезенные мною вчера новые газетные и журнальные номера и принялся читать.

Чтеніе понемногу успокоило меня и привело мои мысли въ порядокъ.

Часа черезъ два моя головная боль прошла и нервное раздраженіе успокоилось. Я рѣшился идти къ Берѣ, тѣмъ болѣе, что между нами сегодня должно будетъ произойти объясненіе по поводу того, что до сихъ поръ меня такъ волновало и мучило.

Поправивши растрепанные отъ спанья волосы и платье, я вошелъ въ ея комнату.

Тамъ меня ждала такая неожиданность, которая до этого времени мнѣ и на умъ не приходила.

Комнату я засталъ въ страшномъ безпорядкѣ: ящики изъ комода были выдвинуты, платье, бѣлье, юбки—все это валялось по стульямъ, на полу и по угламъ.

Мысль объ исчезновеніи Беры съ быстротою молніи

промелькнула у меня въ головѣ и при этомъ сердце какъ-то болѣзненно сжалось.

— Гдѣ барыня?... Куда она дѣвалась? накинулся я на Никиту, съ безстрастнымъ видомъ стоявшаго около меня.

Тотъ разинулъ ротъ и съ удивленіемъ глядѣлъ на мое раскраснѣвшееся, взволнованное лицо.

— Да отвѣчай же, болванъ, когда тебя спрашиваютъ! съ сердцемъ закричалъ я.

— Гдѣ... Известно гдѣ—уѣхала! отвѣчалъ обиженнымъ голосомъ Никита.

Предположеніе мое подтвердилось. Я не могъ болѣе вымолвить ни слова и въ безсиліи опустился на стулъ.

— Что же ты ничего мнѣ прежде не сказалъ объ этомъ? проговорилъ наконецъ я, немного оправившись отъ поразившей меня вѣсти.

— Я думалъ, вы знаете... А то зачѣмъ мнѣ молчать! Я бы, то есть, сейчасъ сказалъ, ни одной секунды не повременилъ-бы... Мнѣ почему не сказать!.. Я завсегда съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, потому для меня все единственно...

— Куда же, съ кѣмъ она уѣхала? перебилъ я своего Ричарду.—Да, говори скорѣе!.. Не мямли пожалуйста!

— А ужъ этого доподлинно не могу я вамъ сказать,— отвѣчалъ, снова обидясь, Никита.

— Какъ не можешь?... Почему?..

— Да такъ! Потому не мое это дѣло... Про то долженъ знать Лаврентій кучеръ: ему сказано, въ какое мѣсто ѣхать... А я свою службу завсегда исполняю... Мнѣ что опредѣлено, то я и дѣлаю...

— Зови сюда скорѣе Лаврентія! оборвалъ я разсужденія Никиты.

— Лаврентія?... Его теперича съ семью собаками не

сыщешь, а если и найдешь, то безпремѣнно въ кабаѣ благодушествуетъ... Очень даже хорошо мнѣ обычай его извѣстенъ: какъ со двора, такъ пѣнствовать.

— А гдѣ Маша? спохватился я горничной, видя, что отъ Никиты никакого толку не добьешься.

— Машутка-то? Она еще со вчерашняго дня отпущена барыней къ роднымъ,—братъ ея женился, такъ она на свадьбѣ пируетъ.

Всѣ въ этотъ день было противъ меня!

Я, не слушая болѣе разглагольствованія Никиты, бросился къ ея столу. Тамъ подъ чернильницею я нашелъ ея, тщательно свернутую записку.

Судя по почерку, Бера была очень взволнована.

„Не обвиняй меня—писала она—въ неблагодарности, не называй меня притворщицей. Я не притворялась, я полюбила тебя. Но мнѣ *нужно*, понимаешь, *необходимо* было оставить тебя. До сихъ поръ я не имѣла на столько силы воли, чтобы сдѣлать это, но вчерашній день твое настойчивое требованіе рѣшило все. Уѣзжая, я и теперь не открою тебѣ, кто я. Да и къ чему это?.. Прощай, вспоминай иногда о любящей тебя Берѣ.

НВ. Прошу тебя, не старайся меня разыскивать. Надѣюсь, ты уважишь эту мою послѣднюю просьбу.

Я былъ ошеломленъ ея запиской и цѣлый часъ просидѣлъ на стулѣ, держа въ рукахъ этотъ клочекъ бумаги и ничего не понимая.

Никита, и тотъ даже замѣтилъ, что со мною происходитъ что-то нехорошее и потому, перепугавшись, побѣждалъ звать на помощь людей...

Къ вечеру пріѣхалъ Лаврентій кучеръ, онъ былъ такъ пьянъ, что его еле стащили съ саней.

Сначала не всѣ мои разспросы Лаврентій не могъ вымолвить ни слова и только мычалъ, но послѣ того

какъ на него, по моему приказанію, было вылито ведро воды, онъ немного очнулся и отвѣчалъ, что отвезъ барыню на вокзалъ и что она уѣхала еще съ утреннимъ поѣздомъ по направленію къ Москвѣ, а онъ, Лаврентій, отправился потомъ къ своей кумѣ.

— Потому, кума, завсегда меня съ охотой принимаетъ!.. Ну, и сама-то она, баба хоть куда—просто козырь баба!.. Такъ удоблетворить—лучше не надо!.. заключилъ онъ свое повѣствованіе, прерываемое пьяной икотой...

Я то приходилъ въ неистовство отъ одной мысли, что Бера оставила меня, то нѣмое отчаяніе овладѣвало мною и я по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, никого къ себѣ не принимая и не говоря ни съ кѣмъ ни слова.

Горе мое было на столько велико, на сколько сильна была моя любовь къ Берѣ...

XII.

Съ этихъ поръ прошло много времени, измѣняющаго, какъ извѣстно, все на свѣтѣ.

Я женился, успѣлъ обзавестись дѣтьми, бросилъ возиться съ деревней и сдѣлался изъ яраго земца не мѣнѣе ярымъ бюрократомъ.

Вообще со мною произошла такая же метаморфоза, какая случается со многими изъ насъ. Довольно, дескать, побаловались,—пора и за дѣло приниматься!..

Однажды, во время русско-турецкой войны, я вмѣстѣ съ женою былъ приглашенъ на вечеръ въ одинъ изъ тѣхъ салоновъ, хозяева или скорѣе хозяйки которыхъ стараются отличиться чѣмъ нибудь новымъ, ори-

гинальнымъ, что, однимъ словомъ, бросилось бы въ глаза, возбудило бы толки...

Во время процвѣтанія спиритизма въ салонахъ этого рода непременно встрѣтишь какого нибудь знаменитаго медиума или же ученаго, прославившагося своими лекціями и статьями въ пользу спиритизма.

Если выйдетъ какая нибудь книга, особенно надѣлавшая шуму, то автора ея ищите въ этихъ салонахъ и онъ недѣли двѣ будетъ составлять центръ общества, пока не надоѣстъ всѣмъ или же пока не появится новая знаменитость.

Иногда, между мишурой, дѣйствительно попадались таланты по всѣмъ отраслямъ дѣла и знанія, но такихъ людей, какъ и вездѣ, бывало тамъ очень мало. А поэтому салонъ, по большей части, принужденъ довольствоваться минутными знаменитостями, то есть людьми, которые на нѣкоторое время успѣвали приковать на себя вниманіе публики...

Мнѣ кажется, туда съ одинаковою охотой были бы приняты и составляли бы центръ общества Струсберги, Юхонцевы, червонные валеты и имъ подобные молодцы, прославившіе такъ нашъ девятнадцатый вѣкъ...

Во время войны, общество, разумѣется, группировалось вокругъ офицеровъ, случайно пріѣзжавшихъ съ театра военныхъ дѣйствій.

Въ этотъ вечеръ кумиромъ общества былъ какой-то блестящій штабный, съ авторитетомъ критиковавшій движеніе нашихъ войскъ на Кавказѣ и за Дунаемъ.

Даже старенькій, весь сморщенный, но очень важный профессоръ, конькомъ котораго было трактовать о панславизмѣ, какъ-то стушевался и приумолкъ при блестящихъ словахъ не менѣе блестящаго штабнаго...

— А сколько раненыхъ и убитыхъ!.. О, Господи,

Боже мой! перебила рѣчь штабнаго маленькая, со смиреннымъ видомъ старушка.

Штабный былъ немного смущенъ этимъ неожиданнымъ возгласомъ, прервавшимъ его краснорѣчивую рѣчь.

— Великая цѣль освобожденія, началъ онъ—искупаетъ страданія солдатъ. Они знаютъ, что идутъ за великое дѣло...

— Да знаютъ ли они это? тоскливо прервала его старушка. Я читала и слышала, что многіе идутъ на войну, сами не понимая, за что они будутъ сражаться...

Избалованному штабному, повидимому, надоѣли ея возраженія и онъ, какъ бы изъ вѣжливости къ полу и возрасту противницы, ничего не отвѣчалъ и ограничился только тѣмъ, что съ едва замѣтнымъ презрительнымъ видомъ пожалъ плечами.

Старичекъ профессоръ поспѣшилъ на выручку штабнаго.

— Вы, сударыня, не правы! замѣтилъ онъ. Если солдаты и не знаютъ, за что идутъ, не велика бѣда! Нельзя требовать отъ простаго народа, чтобы онъ понималъ грандіозную цѣль освобожденія и сліянія великой славянской семьи: народъ еще не доросъ до этого... Понимать наше дѣло, дѣло интеллигенціи, а массѣ остается только слѣдовать по стопамъ передовыхъ, интеллигентныхъ дѣятелей... Куда интеллигенція, туда и народъ—только тогда государство можетъ считаться образцовымъ... Не такъ ли? обратился онъ къ кружку своихъ восторженныхъ почитателей.

Тѣ громкими возгласами выразили свое согласіе съ мнѣніемъ оратора.

— Я тоже совершенно солидарна съ почтеннымъ профессоромъ, сказала хозяйка. Требовать невозможнаго отъ простаго народа, это воля ваша, по меньшей мѣ-

рѣ, странно... Разумѣется, мы должны сочувствовать страданію солдатъ, помогать семействамъ убитыхъ, облегчать участь раненыхъ, но—не больше... А что бы слова не оставались словами, я предлагаю сборъ въ пользу семействъ убитыхъ воиновъ, заключила она и довольными глазами обвела окружающимъ. Глухой ропотъ одобренія пробѣжалъ по салону, хотя иной, я думаю, въ душѣ обругалъ хозяйку за ея счастливую мысль...

— Сборъ дѣлать я попрошу васъ, *princesse Bachtaroff*, обратилась она къ красивой брюнеткѣ, которая, не смотря на свои не особенно молодые года, рѣзко отличалась отъ остальныхъ дамъ какою-то эксцентричною, вызывающею, красотою.

— Вы вѣдь такъ счастливы! продолжала хозяйка. — Помните, третьяго дня, на благотворительномъ вечерѣ, вы такой сборъ сдѣлали, какой намъ прежде никогда не удавался.

— Нѣтъ ничего удивительнаго. Поневолѣ, какъ говорится, растаешь подъ ея взоромъ и дашь болѣе, нежели хочешь! шепнулъ мнѣ старичекъ съ лисьей фizioноміей, завсегдатай салоновъ и петербургскій великосвѣтскій сплетникъ.

— Кто она такая? спросилъ я всезнающаго старичка про красавицу, наружность которой показалась мнѣ знакомой.

— Княгиня Бахтарова, отвѣчалъ тотъ. — Неправда ли, какъ она хороша собою?

Я поспѣшилъ согласиться.

— Посмотрите на ея лицо, на ея бюстъ, продолжалъ восхищаться тотъ—теперь для контраста взгляните на ея почтеннаго супруга.

Онъ указалъ мнѣ на очень важнаго сановника, съ

двумя звѣздами на фракѣ, съ выпяченнымъ животомъ и съ огромной, сильно выдающейся нижней губою.

— И что всего досаднѣе; она, повидимому, остается вѣрна ему! горячился салонный сплетникъ. Ну, не грѣшно ли это съ ея стороны?.. И хоть бы она была изъ нашего круга, а то такъ, авантюристка какая-то... Вѣдь Бахтаровъ женился на ней за границей и ея прошедшаго никто не знаетъ... Сначала дамы не хотѣли даже принимать ее въ свое общество, но съ помощію своего ума, а главное при высокомъ положеніи князя Бахтарова она добилась этого... Впрочемъ она рѣдко заглядываетъ къ намъ въ Петербургъ, Бахтаровъ хоть и числится здѣсь на службѣ, но большую часть года проводить за границей...

Пока онъ болталъ, я все припоминалъ, гдѣ я видѣлъ княгиню.

Вдругъ неожиданная мысль осѣнила меня и заставила всю кровь броситься къ моимъ вискамъ.

— Это Бера! промелькнуло у меня въ головѣ.

— Да!.. Это она!.., все болѣе убѣждался я—и какъ я тотчасъ же не могъ узнать ее?.. Бываютъ такіа затмѣнія!..

Но вмѣстѣ съ этимъ меня брало сомнѣніе,—ни простое ли это сходство, ни игра ли, наконецъ, моего воображенія?..

Все это приходило мнѣ въ голову въ то самое время, когда она собирала пожертвованія. Вскорѣ она приблизилась съ кружкою ко мнѣ

— Бера! сказалъ я такъ тихо, что ей одной былъ слышенъ мой голосъ.

Княгиня вздрогнула и взглянула на меня. Мертвенная блѣдность покрыла вдругъ ея лицо. Она едва удер-

жалась на ногахъ, и только сила воли остановила ее отъ обморока.

Теперь ужъ не было никакого, сомнѣнія, что это она!..

Я поспѣшно сунулъ въ кружку деньги и тотчасъ же вышелъ изъ залы, что бы придти немного въ себя.

Я пробрался въ самую отдаленную часть дома, въ какую-то маленькую комнату, входъ которой былъ почти скрытъ тяжелой портьерой. Здѣсь я въ страшномъ волненіи опустился на диванъ. Мысли мои были въ ужасномъ безпорядкѣ...

Вдругъ изъ всего этого хаоса мнѣ явственно вспомнилось время нашей любви и представились ласки Беры, полныя нѣги и страсти... Въ этотъ моментъ я позабылъ все, что я женатъ, что у меня есть дѣти и что, наконецъ, сама Бера замужемъ.

Прежнее жгучее ощущеніе овладѣвало всѣмъ моимъ существомъ. Голова моя кружилась, какъ у пьянаго, въ вискахъ стучало.

Я рѣшился...

XIII.

Быстрыми шагами вошелъ я въ залу и обвелъ глазами присутствующихъ.

Беры и ея мужа не было.

Я, шатаясь, подошелъ къ старичку съ лисьей мордочкой.

— Гдѣ княгиня?.. Куда она дѣвалась?.. Говорите скорѣе! порывисто обратился я къ нему.

— Какая княгиня? спросилъ тотъ, глядя съ любопытствомъ и изумленіемъ на мою возбужденную фигуру.

Тутъ я понялъ, что сдѣлалъ непростительный, глупый промахъ.

— Я хотѣлъ спросить, гдѣ князь Бахтаровъ? Мнѣ надо по одному дѣлу говорить съ нимъ, промолвилъ я болѣе спокойнымъ голосомъ.

— Онъ только что сейчасъ уѣхалъ: съ княгиней дурно сдѣлалось... Ужъ не знаете-ли вы что нибудь про нее? Вѣдь вы спрашивали, если я не ошибаюсь, про княгиню Бахтарову?.. Скажите мнѣ!.. Будьте увѣрены, что я ничего никому не передамъ!..

И въ глазахъ старичка засвѣтилось любопытство.

— Отвяжитесь вы отъ меня!.. Ничего я не знаю! со злостью закричалъ я на него такъ громко, что на насъ обратили вниманіе.

Старичекъ вдругъ какъ-то весь съежился, опасливо посмотрѣлъ на меня и поспѣшно отошелъ въ сторону.

Тамъ онъ долго что-то шепталъ своимъ сосѣдямъ и показывалъ на меня...

Я едва могъ досидѣть до конца вечера и уѣхалъ съ женою домой, сильно взволнованный...

Проснувшись на другой день, я почувствовалъ себя спокойнѣе, но моя страсть къ Берѣ не угасала, хотя я и называлъ это безуміемъ и клялся, что не допущу себя надѣлать глупостей...

Какая-то непреодолимая сила влекла меня къ этому страстному, очаровательному существу, съ которымъ большинство нашихъ лимфатическихъ барынь составляютъ такой поразительный контрастъ...

Я со злостью началъ ругать самого себя, свою безхарактерность, твердилъ самому себѣ, что я женатъ, что у меня есть дѣти, но въ то же самое время мысль о Берѣ не покидала меня...

Я началъ презирать самого себя!..

Я весь день ходилъ, какъ помѣшанный, не въ состояніи ни за что взяться.

Я все искалъ средства войти въ домъ Бахтарова и во что бы то ни стало увидѣть Беру. Что могло произойти отъ этого свиданія, я не отдавалъ себѣ отчета...

Наконецъ предлогъ былъ отысканъ: я состоялъ секретаремъ одного общества, членомъ котораго былъ Бахтаровъ. Я поѣхалъ къ нему по дѣламъ общества.

Но ни князя, ни Беры я не засталъ: мнѣ сказали, что они на другой день послѣ того вечера уѣхали за границу.

Странное дѣло, — я вздохнулъ свободнѣе и съ облегченнымъ сердцемъ отправился домой...

Съ этихъ поръ я не видалъ Беры, но страстный, очаровательный образъ ея, какъ живой, еще и теперь представляется въ моемъ воображеніи, еще и теперь иногда волнуетъ мою кровь.

Карѣевъ умолкъ. Мы, находясь подъ впечатлѣніемъ разказа, тоже молчали, но потомъ вдругъ всѣ заговорили и заспорили.

Однако, при разставаньи, каждый изъ насъ не могъ не согласиться съ тѣмъ, что кто бы ни была Бера, но во всякомъ случаѣ она исключительная натура и что тотъ, кто пользовался ея любовью, можетъ смѣло сказать, что онъ извѣдалъ и сладость и горечь страсти.

Вспомни бывшее, моя ненаглядная,
 Вспомни, надѣйся и вѣрь!...
 Прочь всѣ сомнѣнія!.. Грусть безотрадная,
 Злоба, ненастье, тоска непроглядная
 Прочь отойдите теперь!..

*
* * *

Бросимъ притворство и фразы банальныя...
 Вспомнимъ тотъ вечеръ, какъ шли
 Ранней весною, тропинкой мы дальнею,
 А соловей надъ рѣкою заркальною
 Пѣлъ, заливался вдали...

*
* * *

Листья древесные, травы душистыя
 Лили вокругъ аромать,
 Тучки надъ нами бѣжали пушистыя,
 И разбивался канвою волнистою
 Неба роскошный нарядъ.

*
* * *

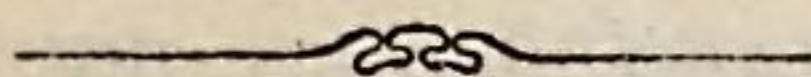
Гдѣ-то далеко, за сельской оградой
 Слышался говоръ людской...
 Въ воздухѣ вѣяло нѣгой, прохладою...
 Молча брели мы съ невольной отрадою
 И—съ непонятной тоской...

*
* * *

Помнишь-ли, первый прервалъ я молчаніе,
 Началъ я повѣсть свою...
 Слушала долго мое ты признаніе
 И, наконецъ подаривъ мнѣ лобзаніе,
 Чуть прошептала: „люблю“...

*
* * *

Сладостный вечеръ тотъ съ прежнею силою
 Душу волнуетъ во мнѣ...
 Не унывай, не грусти, моя милая,—
 Вскорѣ ненастная осень, постылая
 Мѣсто уступить веснѣ!...

Une illusion perdue.

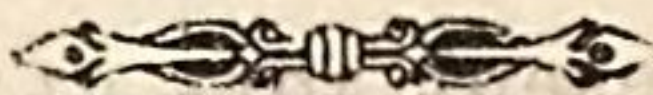
Какъ я любилъ свою Анету,
Какъ страстно я ее ласкалъ,
Какъ часто съ ней я до разсвѣту
Ночь незамѣтно короталъ...

Она, окончивши работу,
Хоть въ полночь, а бѣжить ко мнѣ;
И мы, преодолевъ дремоту,
Смѣемся въ сладкомъ полуснѣ.

Счастливое то было время...
Легко ложилось на грудь
Въ ту пору жизненное бремя...
Но дней намъ прошлыхъ не вернуть!

И если-бы мы раньше знали,
Что ожидаетъ въ жизни насъ,
Тогда смѣяться-бы не стали
И приумолкли-бы тотчасъ...

Да!... Наша будущность коротка,
Ее всякъ скажетъ наугадъ:
Аннета—жалкая кокотка
Я жъ—зачерствѣлый бюрократъ.

В Л Е Т Ъ Л Ъ!...

(РАЗСКАЗЪ).

(Посвящается легкомысленнымъ молодымъ людямъ).

„И какъ ни стара эта сказка,
Ей новой быть вѣкъ суждено“

Гейне.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Почему иногда нанимаются плохія квартиры.

Въ ворота одного маленькаго домика, стоящаго на скромной улицѣ, входилъ молодой человѣкъ. Прошедши большой дворъ и обезпечивъ себѣ съ помощью палки дорогу, которую преграждалъ ему мрачнаго вида церберъ, онъ вступилъ въ темныя сѣни и, отворивъ дверь, очутился въ грязной кухнѣ. Около жарко топившейся русской печи ругались двѣ женщины, — повидимому, хозяйка и ея кухарка. Хозяйка, женщина лѣтъ подъ сорокъ, отличалась своею толщиною, высотой и басомъ. По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ она могла бы постоять за себя и за свои гражданскія права. Въ настоящее время она ругала свою кухарку, едва стоявшую на ногахъ. Эта послѣдняя обращала на себя вниманіе своею синевато-красной фізіономіей, при чемъ послѣдній цвѣтъ преобладалъ на ея огромномъ, лукообразномъ носу.

— Скажите пожалуйста! Еще не успѣла глазъ хорошенько продрать, а ужъ натрескалась водки! кричала на кухарку барыня.

— Ну, что же такое? Ну, выпила? Не на твои я, не бойсь, пила-то, а на свои, потому я очинно хорошо знаю твою скаредность: хошь бы макову росинку когда поднесла! На, дескать, Матрена, выней-ка для праздника!... Нѣтъ, видно ругаться только твое дѣло... Какая же ты послѣ эвтаго барыня?...

— Да какъ ты смѣешь мнѣ тыкать! Что я ровня тебѣ, мужичкѣ, что-ли?

— Смотри - ка фря какая! Наплевать мнѣ на тебя, вотъ что!

— Вонъ отсюда! Вонъ, грубіянка эдакая! толкала разобидѣвшаяся барыня свою прислугу.

— Ну, и уйду!... Ты не больно толкайся! Я не посмотрю, что ты чиновница!...

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта маленькая, домашняя сцена, если-бы не было замѣчено постороннее лицо.

— Вамъ что нужно? спросила грубо хозяйка молодого человѣка.

— Я прочёлъ у воротъ, что здѣсь отдается квартира?

— Пожалуйте сюда! засуетилась она, перемѣнивъ свою интонацію на болѣе мягкую.— У меня отличная есть компантка: чистенькая эдакая... Пожалуйте! приглашала она слѣдовать за собою молодого человѣка, обтирая одною рукою со своего разгоряченного лица потъ, а другою стыдливо застегивая раскрывшуюся на груди блузу.

— Ахъ, какъ она, негодяйка, разстроила меня! Долго ли до грѣха: женщина я сырая, болѣзненная! говорила она жалкимъ голосомъ, вводя посѣтителя въ маленькую коморку съ почернѣвшими отъ времени и сырости обоями, на которыхъ по всѣмъ признакамъ, гнѣздились легіоны клоповъ и прочихъ насѣкомыхъ.

— Посмотрите, какое хорошее помѣщеніе: кому угод-

но жить можно... Ну, и меблировка тоже... безъ зрѣнія совѣсти тараторила хозяйка.

„Меблировка“ состояла изъ одного массивнаго стола временъ допотопныхъ и пяти стульевъ, изъ которыхъ четыре были, по всей вѣроятности, ровесниками столу, а пятый стулъ, имѣвшій претензію именоваться вѣнскимъ, уныло стоялъ въ уголку на трехъ ножкахъ и съ проломленною рѣшеткой.

— Помилуйте! Что же это за чистая комната? Окно выходитъ въ какой-то вонючій закоулокъ, по стѣнамъ всякая дрянь ползаетъ! опровергаль хозяйку молодой человѣкъ, и для фактическаго доказательства своихъ словъ онъ палкою сшибъ со стѣны вылѣзшаго на свѣтъ божій клопа.

— Что вы?! Чѣмъ же эта комната не хороша? Любому генералу жить, такъ и то въ пору... А на счетъ клоповъ вы изволили говорить, такъ у меня, благодаря Бога, ни одной гадины эдакой нѣтъ... Развѣ ужъ шальной какой попадется... оправдывалась хозяйка.

— Ну и въ благородномъ домѣ тоже жить будете: я благородная,—вдова губернскаго секретаря, Куроцапова.

Но молодого человѣка не прельстило и благородное общество: квартира ему не нравилась, и онъ хотѣлъ уходить, какъ вдругъ дѣла приняли другой оборотъ: въ дверяхъ показалась миловидная дѣвушка.

— Мамаша! Матрена куда-то запропала, кухню бросила, а тамъ въ печкѣ щи ушли!... скороговоркой говорила она, вбѣжавъ въ комнату, но, увидѣвши молодого человѣка, сконфузилась и, какъ подобаетъ молодой дѣвицѣ, воспитанной въ страхъ божіе и въ повиновеніи родителямъ, опустила глазки долу.

— Ахъ, бѣда какая! И что это Матрена за мерзавка!

засуетилась мамаша. — Вы, батюшка, потолкуйте тутъ съ Анютой, а я сейчасъ... и она скрылась изъ комнаты.

— Вотъ мамаша ваша расхваливаетъ эту комнату, а вѣдь коморка на самомъ-то дѣлѣ плоховата, — началъ говорить молодой человѣкъ, оставшись одинъ съ хозяйскою дочкой.

— Какъ это можно! Комнатка хорошая, — конфузливо возразила дѣвица.

— Ахъ, сударыня! къ вашему личику очень не идетъ, когда вы говорите неправду. Скажите лучше, вы защищаете интересы своей матушки?

Дѣвица ничего не отвѣчала и покраснѣла. Смущеніе ея ободрило молодого человѣка: онъ сдѣлался смѣлѣе.

— Вотъ видите, вы и сконфузились; стало-быть я правъ... Ахъ, если бы эта комната была на столько удобна, на сколько вы прекрасны, тогда бы, конечно, и разговору быть не могло: я бы занялъ ее.

— Какіе вы шутники! Я совсѣмъ не такъ хороша, какъ вы говорите.

— Вы не хороши?! Жаль, здѣсь нѣтъ зеркала: оно заставило бы васъ признаться въ противномъ... Но знаете, Анна... Какъ васъ по батюшкѣ.

— Анна Ивановна.

— Ахъ, какое прекрасное имя... Итакъ, Анна Ивановна, я вамъ долженъ признаться, что чѣмъ болѣе я гляжу на васъ, тѣмъ болѣе чувствую какое-то непонятное сердечное влеченіе... Вы такъ милы, что...

— Будетъ вамъ пустяки говорить... Мамаша услышать можетъ.

— Это не пустяки, это сушая правда-съ... А въ доказательство, что я не вздоръ говорю, я нанимаю у вашей мамы эту дрянную комнату, найму ее потому,

что стѣны ея примутъ для меня самый привлекательный видъ, когда я буду жить съ вами подъ одною кровлей.

— Что это вы говорите!

— Я говорю отъ чистаго сердца... И кто знаетъ, можетъ быть это сердечное влеченіе перейдетъ...

Но дѣвица уже не слушала его: она убѣжала изъ комнаты. Молодой человѣкъ остался одинъ. Глупо-самодовольная улыбка озарила его лицо.

Вскорѣ вошла сама Куроцапова.

— Гдѣ же Анюта? спросила она, съ недоумѣніемъ оглядывая комнату. — Вы, батюшка, извините ее: молодая она еще, глупа... А какъ васъ по имени и отчеству величаютъ?

— Павелъ Ильичъ Птенчиковъ.

— Такъ-съ. Вы чѣмъ же заниматься изволите?

— Я служу въ конторѣ у дяди своего, купца Пузанова, можетъ быть изволили слыхать?

— Какъ не слыхать, — слыхала: богатый купецъ! А что, вы холостой или семейный? спросила его вдругъ хозяйка.

— Нѣтъ-съ; гдѣ же мнѣ еще жениться! холостой.

— То-то! Я къ себѣ только одинокихъ пускаю: знаете, съ семейными возни много: толкотня, руготня, пискъ дѣтей... Такъ что же вы, батюшка, нанимаете квартиру? Комната, право, хороша.

Молодой человѣкъ для успокоенія совѣсти немного поторговался и оставилъ комнату за собою.

— Вотъ я себѣ и квартиру новую нашелъ, размышлялъ онъ, идя по улицѣ. — Изъ старой давно бы убираться нужно... Положимъ, новое то мое жилище не казисто и хозяйка, кажется, вѣдьма, но за то дочка-то... Хорошенькая шельма какая! И пріударить, кажется, можно... Другая бы на ея мѣстѣ, какъ бы я на-

чалъ разную дребедень нести, оборвала меня, а эта ничего; только щечки зарумянились, да глазки опустила. Дѣло, значить, пойдетъ на ладъ. Хе! хе! хе!...

А матушка вела съ дочкой другой разговоръ.

— Хорошій, хорошій молодой человѣкъ! И дядюшка богатъ у него... Молодъ только очень; ну, да это и лучше... Вотъ тебѣ бы, Анюта, такого жениха... Смотри, не упускай!...

ГЛАВА ВТОРАЯ

изъ которой читатель узнаетъ о главной слабости Птенчикова.

Павелъ Ильичъ Птенчиковъ, какъ назваль себя молодой человѣкъ, дѣйствительно служилъ въ конторѣ у своего дяди, богатаго купца Степана Ивановича Пузанова. Образованіе Птенчиковъ получилъ самое скудное: онъ окончилъ курсъ въ какомъ-то уѣздномъ училищѣ. Лѣтъ пять тому назадъ онъ пріѣхалъ изъ провинціи и съ этого времени служить въ конторѣ у Пузанова. Наружности Павелъ Ильичъ былъ довольно красивой. Птенчикова барышни называли не иначе какъ весьма презентабельнымъ молодымъ человѣкомъ, что давало ему поводъ причислить себя къ категоріи сердцеѣдовъ, и потому онъ былъ очень смѣлъ и самонадѣянъ съ прекрасной половиной человѣческаго рода.

— Почему же и смѣлымъ-то мнѣ не быть? говаривалъ онъ самодовольно своимъ товарищамъ. — Не уродъ я въ самомъ дѣлѣ какой. А комплименты отъ меня слушать всякая барышня рада...

Въ самомъ дѣлѣ въ любви Павелъ Ильичъ былъ счастливъ. Но не всегда его любовныя похождения сходили ему счастливо съ рукъ: иногда сильно доставалось бо-

камъ его. И потому Павелъ Ильичъ долгое время послѣ какой нибудь передраги чувствовалъ невыносимую боль въ пострадавшемъ мѣстѣ, или же долго ходилъ съ какимъ нибудь украшеніемъ на физиономіи.

— Будь я анаѣма проклять, если свяжусь еще съ кѣмъ нибудь! клялся онъ самъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ. Но какъ скоро боль проходила, Павелъ Ильичъ позабывалъ свою клятву и снова попадался. Особенно для него была памятна послѣдняя потасовка. Ему удалось послѣ долгихъ препятствій объясниться въ любви съ дѣвицей, одиноко жившей съ нимъ по сосѣдству; послѣдняя тоже сочувствовала ему...

Въ одинъ „прекрасный лѣтній вечеръ“, при свѣтѣ луны, въ комнату, гдѣ находился Павелъ Ильичъ въ нѣжныхъ объятіяхъ своей сосѣдки, ворвался пьяный купецъ, обладавшій, какъ и подобаетъ его степенству, огромнымъ пузомъ и пудовыми кулаками.

— Вотъ какъ ты цѣнишь всѣ мои благодѣянія! грозно началъ говорить онъ растерявшейся дѣвѣ.

— Такъ я тебя для эвтаго содержу, што бы ты къ себѣ разныхъ шалыгановъ водила!...

— Милостивый государь!, заикнулся было Птенчиковъ.

— Цыцъ у меня! До тебя еще дойдетъ дѣло...

Потомъ онъ опять продолжалъ обличительную рѣчь противъ своей возлюбленной. Къ концу его рѣчь становилась все громогласнѣе, и наконецъ онъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу, поколотивши какъ невѣрную свою возлюбленную, такъ и несчастнаго Павла Ильича. Первая, какъ и подобаетъ въ сихъ случаяхъ, упала въ обморокъ, а втораго едва освободили отъ богатырскихъ купецкихъ кулаковъ прибѣжавшіе на шумъ жильцы.

Сгоряча Павелъ Ильичъ хотѣлъ подать на купца жалобу и упечь его, по народному выраженію, туда, куда

Макарка своихъ телятъ не гонялъ; но вскорѣ онъ разсудилъ, что упечь его въ это злачное мѣсто онъ не упечетъ, а слухъ о скандалѣ дойдетъ до дяди.

— Еще старый чортъ узнаетъ, и начнется нотація... Шутъ съ ней и съ жалобой-то!

Послѣ этой исторіи бѣдному Павлу Ильичу не давали на дворѣ покоя: всѣ, начиная съ дворника, при видѣ его иронически улыбались.

— Бока-то, я думаю, болятъ у васъ? спрашивали его съ видомъ участія шутники.

Обыкновенно на этотъ вопросъ Павелъ Ильичъ ничего не отвѣчалъ. Шутники, не смотря на отмалчиванье Птенчикова, не унимались и продолжали шутить надъ нимъ. Всѣ это до такой степени надоѣло ему, что онъ, какъ можно скорѣе, желалъ подыскать себѣ новую квартиру.

Желаніе его, какъ мы видѣли, увѣнчалось успѣхомъ.

Въ этотъ же день, вечеромъ, Павелъ Ильичъ отправился къ Пузанову попросить у него позволенія не ходить завтрашній день въ контору по случаю переѣздки.

Пузановъ былъ купецъ новаго покроя и жилъ въ своемъ домѣ побарски. Любилъ онъ также, чтобы его считали образованнымъ.

— Хотя я и не учился нигдѣ, но у меня, знаете, есть эдакій свой умственный самородокъ, который я развилъ собственными своими силами. Изволили вы вѣроятно читать „Самодѣтельность“ Смайлса? Если читали,—поймете, какъ я достигъ самообразованія, любилъ онъ говорить своимъ знакомымъ.

— Дурить, дурить Степанъ Ивановичъ! говорили про Пузанова его товарищи-коммерсанты, слушая, какъ онъ толкуетъ о какомъ-то самообразованіи.

— Дурить - то онъ дурить, да и дѣло, когда нужно знаетъ: два ужъ раза въ несостоятельныхъ былъ. Вотъ гдѣ у него самородокъ-то! возражали скептики.

Павла Ильича Пузановъ не совсѣмъ долюбивалъ, во-первыхъ, за его скандалезныя похождения, а во-вторыхъ за то, что Птенчиковъ служилъ ему воспоминаніемъ объ его прежней жизни. (Пузановъ былъ когда то бѣднякомъ.) Однако нельзя же отказать въ кускѣ хлѣба своему родственнику и онъ опредѣлилъ Павла Ильича къ себѣ въ конторщики.

Птенчиковъ, чувствуя себя не совсѣмъ-то безгрѣшнымъ, со страхомъ вступилъ въ богато - убранный кабинетъ Пузанова. Послѣдній сидѣлъ къ нему спиною и чѣмъ-то занимался. Долго Павелъ Ильичъ стоялъ неподвижно, но видя, что дядя не замѣчаетъ его присутствія, онъ рѣшился тихонько кашлянуть. Пузановъ оглянулся.

— А, Павелъ! проговорилъ онъ, не здороваясь съ нимъ.

— Я къ вамъ, Степанъ Ивановичъ, съ покорнѣйшей просьбой уволить меня на завтрашній день отъ занятій: я переѣзжаю на новую квартиру.

— Почему же ты оставляешь старую? спросилъ его Пузановъ, нахмутивъ брови.

— Нельзя жить-съ: сыра она, да при томъ комнаты не того-съ...

— Врешь! Я всѣ твои продѣлки знаю: меня не проведешь! Еще вратъ вздумалъ!...

— Зачѣмъ же-съ вратъ...

— Ты долженъ молчать, когда говорятъ съ тобой! перебилъ его Пузановъ.— Да, я все знаю: ты опять началъ распутничать, и тебя поколотилъ мой хорошій знакомый. Подѣломъ! Но вѣдь ты этимъ срамишь не только себя (себя бы наплевать!) нѣтъ, ты и меня срамишь, мою честь мараешь! Хороши, скажутъ, родственники у

Степана Ивановича... Вотъ тебѣ мое послѣднее слово: если ты опять попадешься въ какой нибудь глупости, я прогоню тебя со службы и не буду считать тебя за родственника. Тогда и живи, какъ хочешь. Теперь умнѣ тебя безъ хлѣба то сидятъ... Можешь отправляться, да помни мое предостереженіе.

Павель Ильичъ вышелъ отъ Пузанова въ самомъ сердитомъ настроеніи.

— На себя бы поглядѣлъ, старый чортъ! ругалъ онъ дорогою Пузанова.—Думаетъ, не знаю я, какъ путается онъ съ разными Бертами да Шарлотами... Вотъ жизнь-то! Эхъ, еслибы у меня деньги были: плевать бы я на своего добрыйшаго дядюшку хотѣлъ!....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ двухъ золъ выбирается меньшее.—Финаль.

Болѣе двухъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Павель Ильичъ живетъ у Куроцаповой. Дни эти шли довольно однообразно. Утромъ обыкновенно къ нему въ комнату носила чай кухарка Матрена, успѣвшая еще два два въ пьяномъ видѣ наглубить хозяйкѣ и помириться съ нею. Изъ конторы приходилъ онъ въ четыре часа, и таже Матрена приносила ему обѣдать. Послѣ обѣда онъ или уходилъ гулять или же ложился на кровать и мечталъ. Обыкновенно мечтанія эти были въ такомъ родѣ:

— Съ Анюточкой хоть мои дѣла и подвигаются, но ужъ очень медленно; нужно, видно, дѣйствовать смѣлѣе, но и такъ, чтобы эта старая вѣдьма, сама Куроцапова, ничего не разнюхала; впрочемъ и тогда не бѣда: съѣду съ квартиры, да и вся недолга... Ну, а если она

пойдетъ жаловаться на меня къ Пузанову: вѣдь тотъ сгонитъ, непременно сгонитъ меня съ мѣста... И зачѣмъ это я, дуракъ, сказалъ, что Пузановъ мнѣ родственникъ... Впрочемъ волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить... Будь, что будетъ, а отъ Анюточки я не отстану: это даже съ моей стороны очень бы стыдно было.

— Павелъ Ильичъ! пожалуйста чай кушать, раздался изъ за перегородки голосъ Анюточки.

— Одна минута-съ, и я буду готовъ! отвѣчаетъ Птенчиковъ, вскакивая со своего ложа.

Онъ начинаетъ поспѣшно одѣваться, на шею тщательно повязываетъ бѣлый галстухъ (къ нему очень идутъ бѣлые галстуки), спрыскиваетъ свой платокъ якобы „французскими, первый сортъ духами“ и является на хозяйскую половину. Его тамъ встрѣчаетъ, весело поющій свою однообразную пѣсенку, толстопузый самоваръ, около котораго возсѣдаютъ три персонажа женскаго пола, а именно: сама Куроцапова, прелестная Анюточка, и вдова капитана Разгильдяева. Этотъ послѣдній субъектъ представлялъ типъ салопницъ, въ изобиліи попадающійся въ пріемныхъ благотворительныхъ заведеній, прося вспомошествованія на свою бѣдность. Сама Куроцапова была очень дружна со своей жиличкой. (Разгильдяева, такъ же какъ и Птенчиковъ, нанимала у Куроцаповой комнату). Разговоръ за чаемъ вела по большей части сама хозяйка, толкуя о своемъ горемычномъ житьѣ-бытьѣ.

— Женщина я беззащитная: всякій человѣкъ можетъ меня обидѣть, и заступиться-то за меня некому. Если бы покойникъ-то живъ былъ, жила бы я себѣ и никакой заботы не вѣдала. А теперь что? Всякая, съ позволенія сказать, дрянъ можетъ дерзостей наговорить, и ничего не подѣлаешь! Одна Матрена сколько мнѣ гру-

біянить! А про другихъ и говорить нечего. Намедни, напримѣръ, приходитъ ко мнѣ домовый хозяинъ, ледящій мѣщанишка, требуетъ денегъ за квартиру. Я ему и говорю: погоди, дескать, не много: пенсію, да со своихъ жильцовъ получу, безпремѣнно тотчасъ же отдамъ. Куда ты! Говорить: сейчасъ подавай. Ну, и пришлось послѣднія отдать. При мужѣ развѣ могло бы это случиться? Да онъ бы этого мѣщанишку въ рогъ бараній согнулъ!... Охъ, грѣхи, грѣхи!...

— И не говорите, матушка! прерываетъ ее со вздохомъ Разгильдяева. — Безъ мушинъ никакъ невозможно жить! На что мнѣ много очень хорошихъ благородныхъ и даже княжескихъ домовъ извѣстно, а безпремѣнно въ каждомъ домѣ мущина есть... Потому — нельзя!...

— Твоя правда, матушка моя! Да видно, ничего не подѣлаешь: неси безропотно крестъ свой!... Понимаю я, мать моя, что грѣхъ, великій грѣхъ роптать, а иногда не утерплю, грѣшница, возропщу. И за что на меня напасть такая...

— Терпи, матушка, терпи! Богъ видитъ твое терпѣнье.

Въ такой-то бесѣдѣ проводилось время за чаемъ. Павелъ Ильичъ во время этихъ разговоровъ кидалъ страстные взоры на Анюточку и втихомолку жалъ ей подъ столомъ ножку; ему отвѣчали тѣмъ же. Вечеромъ послѣ чая Птенчиковъ сидитъ, притаившись, въ какомъ нибудь уголку и ждетъ появленія Анюточки. Наконецъ она показывается и, какъ бы нечаянно, подходитъ къ тому уголку, гдѣ сидитъ Павелъ Ильичъ.

— Ахъ, какъ вы испугали меня! Зачѣмъ вы сидите здѣсь, въ темнотѣ? испуганнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тихимъ голосомъ говоритъ она.

— И вы спрашиваете, зачѣмъ я здѣсь! шопотомъ от-

мѣчаетъ ей Павелъ Ильичъ и при этомъ горячо жметъ ей руку.—Неужели вы сами не догадываетесь?

— Я, право, не знаю... Можетъ быть, вамъ нужно чегонибудь? наивно спрашиваетъ она.

— Мнѣ нужна любовь ваша!... начинаетъ бывало Птенчиковъ.

— Анюта, гдѣ ты? слышится голосъ Куроцаповой.

— Ахъ, мамаша идетъ! Пустите меня! И она вырывается отъ Павла Ильича и исчезаетъ.

Однажды Птенчиковъ позднѣе обыкновеннаго пришелъ изъ конторы. Дома была только одна Анюточка.

— Вотъ удобное время! подумалъ Павелъ Ильичъ.

— Теперь или никогда!

И онъ рѣшительно вошелъ въ хозяйскую половину. На столъ передъ Анюточкой стоялъ самоваръ, и она пила чай.

— Вы, пожалуйста, извините меня, Анна Ивановна, что я незваннымъ вхожу къ вамъ.

— Я, напротивъ, очень рада, а то мнѣ одной было такъ скучно, такъ скучно!... Не хотите ли чаю?

Павелъ Ильичъ изъяснилъ свое согласье и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Какъ я счастливъ, что нахожусь съ вами глазъ на глазъ, мнѣ вамъ нужно многое сказать...

— Не все ли вамъ равно: одна ли я или еще кто будетъ?

— Далеко не все равно!

— Почему же это? наивно спросила она.

— Неужели вы, Анна Ивановна, не можете понять, отчего я желаю остаться съ вами наединѣ?

— Я, право, не знаю...

— Нѣтъ, вы знаете, но не сочувствуете мнѣ! съ горечью сказалъ Павелъ Ильичъ и живописно откинулся назадъ.

Анюточка, потупивъ глазки, ничего не возражала. Нѣсколько минутъ молчанія.

— Анна Ивановна! Скажите одно слово: любите вы меня или нѣтъ?... Если не любите, — мнѣ одно остается...

— Ахъ, полноте, Павелъ Ильичъ!

— Нѣтъ, вы скажите: да или нѣтъ?...

Черезъ нѣсколько минутъ голова Анюточки лежала на груди Павла Ильича, который осыпалъ ее безчисленными поцѣлуями.

— Смотри, Павлуша! Не обмани меня: вы всѣ мушны измѣнщики! лепетала она.

На это Птенчиковъ отвѣчалъ ей безчисленными клятвами.

Вдругъ въ комнату вошла Куроцапова въ сопровожденіи Разгильдяевой и Матрены. Анюточка, вѣроятно отъ такой неожиданности, еще крѣпче прижалась къ Павлу Ильичу. Послѣдній стоялъ, буквально вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ. Кажется, тѣнь Банко не могла такъ ужаснуть Макбета, какъ ужаснуло Птенчикова появленіе Куроцаповой со своими спутницами.

Нѣсколько минутъ торжественнаго молчанія. Наконецъ первая начала говорить Куроцапова.

— Не ожидала я этого отъ васъ, милостивый государь, не ожидала! Стыдно вамъ такъ поступать хоть съ бѣдной, но благородной дѣвушкой. Да, милостивый государь, благородной! Вы привыкли такъ обращаться съ бѣлошвейками разными!... Я къ дядюшкѣ къ вашему жаловаться пойду, а если и онъ за меня, горемычную, не заступится, я и въ судъ дорогу найду... А вы будьте свидѣтельницами моего безчестія! обратилась она къ Разгильдяевой и Матренѣ.

Во время этой рѣчи Павелъ Ильичъ тщетно старался освободиться отъ объятій Анюточки.

— Вы, мамаша, не ругайте его: онъ любить меня, а я безъ него жить не могу: благословите насъ! сказала она, еще крѣпче прижимаясь къ оторопѣвшему Птенчикову.

— Все же сначала нужно было мать спросить, сказала, смягчаясь, Куроцапова.— Ну, да ужъ Богъ простить!... Я благословляю васъ, дѣти мои! и она, прослезившись, облобызала ихъ.

Долго послѣ этого бѣдный Птенчиковъ размышлялъ о своемъ неожиданномъ положеніи и тщетно ломалъ себѣ голову, какъ бы освободиться отъ этой нежданной, негаданной женитьбы.

— Пожалуется Куроцапова Пузанову, тотъ исполнить свое обѣщаніе и безъ сожалѣнія выгнать меня со службы! Мѣста новаго скоро не найдешь и умирай съ голоду! Нѣтъ, видно, думай не думай, а жениться придется: изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее... Вотъ такъ Анюточка! Поддѣла она меня!...

На другой день Птенчиковъ отправился къ Пузанову просить его позволенія на женитьбу и кромѣ того пригласить его въ пасаженные отцы. Пузановъ, узнавъ, что невеста Павла Ильича изъ „благородныхъ“, далъ свое согласіе и даже на свой счетъ устроилъ великолѣпную свадьбу.

Въ настоящее время Птенчиковъ находится подъ управленіемъ своей жены и тѣщи.

Но за то онъ принялся попивать горькую, которой прежде не пилъ...

ЖИЗНЕННОЕ МОРЕ.

Зачѣмъ, хорошая моя,
 Въ глазахъ твоихъ блеснули слезы?
 Грустишь ты видно за меня
 И—за несбыточные грезы
 Грустишь за тотъ порочный свѣтъ
 Гдѣ развратился твой поэтъ . . .

* * *

Прошу тебя, отбрось скорѣй
 Ты это тягостное горе,
 Напрасно слезъ своихъ не лей,—
 Слеза вѣдь капля только въ морѣ
 Жизнь наша—море океанъ,
 Гдѣ намъ съ тобой челнъ утлый данъ .

* * *

И вдругъ подхваченный волной,
 Челнъ нашъ плыветъ все дальше въ море,
 Встаютъ громадною горой
 Валы коварства, зла и горя . . .
 А море грозное шумить,
 Оно намъ гибелью грозить .

* * *

Повѣрь,—ужасенъ смерти часъ,
 Когда тоской трусливой полны
 Плыдемъ по морю мы—и насъ
 Поглотятъ жизненные волны . . .
 Гляди на вещи веселѣй
 И станетъ міръ тебѣ милѣй.

* * *

Отбрось-же милая, печаль,
 Утри скорѣй свои ты слезы
 Мнѣ право прошлаго не жаль,
 Но жаль минувшія мнѣ грезы . . .
 Насъ въ жизни ждетъ печаль одна . . .
 Испьемъ-же чашу всю до дна! . .

ЗАКОЛДОВАННАЯ БАШНЯ.

(ПОВѢСТЬ).

I.

Въ верстѣ за двѣсти отъ Москвы, около станціи желѣзной дороги, раскинулось богатое, торговое село Покровское. Близъ села, на высокомъ холму, окаймленномъ густою сосновою рощею, находится большой господскій домъ странной, рѣжущей глазъ архитектуры. Съ полверсты отъ дома, около самой рощи, одиноко возвышается старая, полуразрушенная, съ замысловатыми карнизами и стрѣльчатыми окнами башня. Около башни въ прежнее время, по всѣмъ признакамъ, находился глубокій ровъ, черезъ который былъ переброшенъ подъемный мостъ. Въ настоящее время, конечно, ни моста, ни рва не существовало. Виднѣлись только огромныя кучи хвороста и навоза, около которыхъ во всякое время дня можно было встрѣтить съ десятокъ глубокомысленно хрюкающихъ свиней и цѣлую армію куръ подъ предводительствомъ воинственного пѣтуха съ безчисленными рубцами на головѣ и съ полуощипаннымъ огненнаго цвѣта хвостомъ.

Недобрые слухи ходили про эту башню. Говорили, что тамъ по ночамъ появляются привидѣнія, мелькаютъ огни, слышится ужасный адскій хохотъ и вообще она въ народѣ получила названіе „заколдованной“.

Внимательный наблюдатель могъ-бы замѣтить и въ самой постройкѣ дома признаки готическаго стиля, не смотря на множество передѣлокъ, измѣнявшихъ всё болѣе и болѣе первоначальную наружность этого дома. Особенно, верхняя половина его со стрѣльчатыми окнами напоминала тѣ полуразвалившіеся, живописные замки, которые еще и теперь встрѣчаются на берегахъ Рейна и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи. Выстроилъ этотъ „замокъ“ князь Кучумовъ, вельможа екатерининскаго времени, оставшійся „не у дѣлъ“ при вступленіи на престолъ императора Павла. Поселившись въ своемъ помѣстьи, Кучумовъ до самой смерти удивлялъ всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ своими причудами, въ числѣ которыхъ была постройка вышеупомянутыхъ дома и башни.

Въ настоящее время въ одной изъ комнатъ этого доморощеннаго, созданнаго причудливой барской фантазіей, замка сидѣла княгиня Марья Павловна Кучумова. Еще теперь, имѣя отъ роду около сорока лѣтъ, княгиня была красивой и видной женщиной, но въ дни своей первой молодости она не мало кружила головы всей окружающей ее молодежи. Впрочемъ тогда ей предстояло мало вѣроятности сдѣлать выгодную партію, такъ какъ она была изъ очень бѣдной чиновничьей семьи; но подвернулся князь Николай Сергѣевичъ Кучумовъ—или Коко, какъ называли его всѣ знакомые—одинъ изъ позднѣйшихъ потомковъ строителя „замка“. Коко представлялъ типъ тѣхъ молодыхъ старичковъ, которые во множествѣ встрѣчаются въ кафе-ресторанахъ, въ собраніяхъ, на балахъ, въ театральныхъ уборныхъ и т. д.

Марья Павловна пошла замужъ за этого поношеннаго господина конечно не по любви, а единственно съ тою цѣлью, что-бы пожить хорошо и войти въ аристо-

кратическій кружокъ, который прежде оставался для нея закрытымъ. Сдѣлавшись княгинею, Марья Павловна не сочла болѣе нужнымъ сдерживать себя, и вскорѣ всѣ заговорили объ ея любовныхъ интрижкахъ, про которыя только не вѣдалъ ничего счастливый Коко. Года четыре князь Кучумовъ наслаждался семейною жизнію съ Марьей Павловной и наконецъ отправился *ad patres*. Всѣ имѣніе князя, за исключеніемъ капитала, должно было по закону перейти во владѣніе его малолѣтней дочери отъ первой жены, Еленѣ, которая въ то время училась въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ. Сама Марья Павловна, получивъ послѣ покойнаго солидную сумму денегъ, была назначена опекуницей надъ малолѣтней падчерицей. Впрочемъ княгиня рѣдко жила въ Россіи и большую часть года вояжировала за границей въ сообществѣ разныхъ иностранныхъ артистовъ и художниковъ, съ которыми она не особенно церемонилась и мѣняла ихъ тогда, когда только ей заблагоразсудится. Имѣніемъ-же падчерицы управлялъ одинъ „очень ученый агрономъ“ Карлъ Ивановичъ Штофъ, рекомендованный княгинѣ за весьма аккуратнаго человѣка. Дѣйствительно Карлъ Ивановичъ ежегодно съ необыкновенною нѣмецкою аккуратностью откладывалъ себѣ кругленькую цифру денегъ, остававшуюся въ „экономіи“ отъ управленія имѣніемъ и въ концѣ концовъ скопилъ таки себѣ изрядный капиталецъ.

Годъ тому назадъ княжна Лена вышла изъ пансіона и по настоянію Марьи Павловны поѣхала съ нею въ Ниццу, къ которой княгиня положительно была неравнодушна. Потомъ онѣ перекочевали въ Парижъ, а слѣдующею весной княгиня возвратилась съ Леною въ Россію, въ имѣніе, съ тою цѣлью, что-бы, какъ она выражалась, „отдохнуть“, а въ дѣйствительности потому,

что денежные источники ея изсякли. Слегка наморщивъ свои тонкія брови и плотно сжавъ красивыя чувственные губы, сидѣла княгиня въ столовой, обставленной тяжелой старинною мебелью. Она держала въ своихъ рукахъ недавно поданное ей письмо и о чемъ-то думала.

— Неужели онъ ѣдетъ сюда для меня! промолвила она вслухъ. — Впрочемъ чему-же я удивляюсь? Или я такъ постарѣла, что ужъ и нравиться не могу...

Она самодовольно улыбнулась и снова погрузилась въ думу. Долго не могла она оторваться отъ своихъ мыслей, наконецъ, проведя машинально рукою по лицу, она позвонила, но никто не отозвался на ея звонокъ. Она сильнѣе дернула за колокольчикъ, въ отвѣтъ на это было вторичное молчаніе.

— Олимпіада Григорьевна! вскричала она, видимо теряя терпѣніе.

Едва произнесла она это имя, какъ въ комнату вошла — или скорѣе проскользнула, до того неслышны были ея шаги — пожилая женщина съ вытянутою фигурой и безцвѣтною фізіономіей. Это была дальняя родственница Марьи Павловны, служившая у нея въ качествѣ повѣренной и камеристки.

— Что это никого не дозовешься! недовольно проговорила княгиня. — Гдѣ вся прислуга?

— Очень избаловали вы ихъ, ваше сіятельство! подобострастно отвѣчала та. — Никифоръ лакей у васъ у самихъ къ кумѣ въ деревню отпросился, Маша горничная навѣрно съ кучеромъ Иваномъ амурничаетъ... Впрочемъ какую-же здѣсь, въ глуши, можно найти порядочную прислугу... Это вѣдь не заграницей...

— А гдѣ-же Лена? прервала ее княгиня.

— Гуляютъ-съ, вѣроятно...

— Гуляютъ-съ! сердито передразнила ее Марья Пав-

ловна.—Безъ васъ знаютъ, что гуляетъ... Подите, сыщите ее!...

Княгиня, не смотря на то, что побывала за границей, подобно всѣмъ выскочкамъ, ужасно любила муштровать прислугу и показывать надъ нею свою власть. Это очень хорошо знала Олимпіада Григорьевна, а потому, покорно склонивъ голову, она пошла исполнять приказаніе княгини.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи Олимпіады Григорьевны, въ комнату вошла молодая, стройная дѣвушка съ серьезнымъ, нѣсколько пытливымъ взглядомъ въ своихъ красивыхъ, карихъ глазахъ.

— Вы меня звали,—таман? сухо спросила она.

— Гдѣ это ты была, Лена?... Тебя почти совсѣмъ не видно, а мнѣ одной такъ скучно! притворно ласковымъ голосомъ проговорила княгиня, цѣлуя дѣвушку.

— Я рисую, таман... Здѣсь такая прекрасная мѣстность, попадаютъ такіе великолѣпные пейзажи, что право трудно устоять отъ искушенія, что-бы не попытаться перевести всю эту прелесть на полотно...

— Такъ стало-быть ты не скучаешь въ этой глуши?

— Напротивъ, я провожу здѣсь очень пріятно время.

— А я думала, что тебѣ скучно и потому хотѣла порадовать тебя новостью,—къ намъ ѣдетъ гостить Сержъ Анчаровъ. Ты вѣдь знаешь его, онъ приходится намъ родственникомъ.

Сказавши это, княгиня подозрительно взглянула на Лену. Та вздрогнула, но спокойно выдержала взглядъ княгини.

— Да, я нѣсколько разъ, когда еще была въ пансіонѣ, видѣла его, промолвила наконецъ она.

— Тѣмъ лучше... Я получила отъ него письмо, онъ

долженъ пріѣхать къ намъ сегодня. Ты, конечно, противъ этого ничего не имѣешь?...

Лена не отвѣчала. Чуть замѣтная краска бросилась ей въ лицо. Княгиня приняла ее молчаніе за согласіе.

— Скажите Ивану, что-бы онъ заложилъ экипажъ и поторопился-бы ѣхать на станцію, обратилась она къ Олимпіадѣ Григорьевнѣ. — Съ этимъ поѣздомъ Анчаровъ вѣроятно пріѣдетъ.

Олимпіада Григорьевна тотчасъ-же выскользнула изъ комнаты и неслышными шагами стала пробираться по двору. У воротъ, на скамейкѣ сидѣла горничная Маша и, пощелкивая подсолнушками, съ плутоватою улыбкою слушала любезности, отпускаемыя ей галантнымъ кучеромъ. Олимпіада Григорьевна нѣсколько минутъ стояла у калитки, подслушивая, о чемъ говоритъ кучеръ дѣвушкамъ. Вѣроятно онъ сказалъ что нибудь противонаправственное, потому что Олимпіада Григорьевна не могла болѣе сдерживать своего негодованія.

— Ну-ка, повтори, что ты сказалъ? закричала она, неожиданно появляясь изъ калитки передъ сконфуженной парочкой.

— Помилуйте, Лимпіада Григорьевна! Развѣ это можно при васъ сказать, проговорилъ, смущенно улыбаясь, кучеръ.

— А ей можно говорить, она позволяетъ себѣ слушать такіа скверности!

— Такъ она, Лимпіада Григорьевна, изъ нашего словія, а вы барышня будете, оправдывался кучеръ.

— Разсуждай еще больше!... Ступай-ка лучше лошадей запрягай, да поѣзжай на станцію, —къ намъ гость ѣдетъ, господинъ Анчаровъ... А ты, безстыдница, домой иди, я вотъ скажу про тебя ея сіятельству!

И Олимпіада Григорьевна въ сопровожденіи Маши

направилась къ дому, а Иванъ, ожесточенно плюнувъ въ слѣдъ удалявшейся Олимпіады Григорьевны, лѣниво пошелъ въ конюшню исполнять приказаніе.

II.

Къ вечеру показался запыленный экипажъ и кучеръ Иванъ подвезъ къ дому Сергѣя Борисовича Анчарова. Это былъ красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ непринужденными, развязными манерами и съ веселымъ, добрымъ выраженіемъ лица. Вскочившій на подѣздъ лакей внесъ его небольшой чемоданъ во внутренность дома, гдѣ встрѣтилъ Анчарова толстенкій, плѣшивенькій человѣчекъ.

— Ви кашпадинъ Анчаровъ! обратился онъ на ломанномъ русскомъ языкѣ къ молодому человѣку.

— Да, отвѣчалъ тотъ, кивнувъ головой. — Съ кѣмъ имѣю честь?...

— Меня савутъ Карлъ Иванычъ Штофъ.

— Вы, вѣроятно, управляющій домомъ?

— О, да, я ушѣный заправитель дома и имѣнія ея сіятельства...

— Какъ здоровье Марьи Павловны и Елены Николаевны?

— О, онѣ находятся въ добромъ здоровьи... А теперь позволяйте мнѣ быть вашимъ проводникомъ, важно проговорилъ Карлъ Иванычъ и повелъ гостя по длинному корридору на верхъ. Анчаровъ безпрекословно слѣдовалъ за своимъ чичероне. Они вошли въ изящно убранную комнату съ узкими, стрѣльчатыми окнами, черезъ которыя открывался великолѣпный видъ на окрестность.

Проводивъ Анчарова въ отведенную для него комнату, Карлъ Ивановичъ, церемонно поклонившись толстымъ, короткимъ туловищемъ, оставилъ его одного.

Черезъ полчаса Анчаровъ, переодѣтый въ лѣтній, изящный костюмъ, сходилъ уже внизъ на террасу, гдѣ за кипящимъ самоваромъ дожидались его княгиня и Лена.

— Какъ вы любезны, Сержъ, что собрались навѣстить насъ въ одиночествѣ и посѣтили наше Монрепо, томнымъ голосомъ встрѣтила княгиня Анчарова.

— Я не въ васъ, *ma tante*, шутливо отвѣчалъ Анчаровъ.— Не скитаюсь по цѣлымъ годамъ за границей... А право жаль, что такая, можно сказать, жемчужина и живетъ гдѣ-то далеко, далеко на чужбинѣ...

— Вы, Сержъ, все такой-же повѣса... Ничуть не перемѣнились! ласково отвѣчала княгиня, ударяя вѣеромъ по плечу Анчарова, наклонившагося къ ея ручкѣ.

— Горькая насмѣшка, *ma très belle tante*, продолжалъ шутить Анчаровъ.— Что было прежде и что стало теперь— огромная разница... Прежде я былъ молодой человѣкъ, почти юноша, съ пламенемъ въ груди и съ горячими надеждами на будущее, а теперь юношескій жаръ угасъ въ моемъ сердцѣ и я самъ разочарованъ и разбитъ жизнію...

Пока онъ говорилъ эту шутливую тираду, Лена серьезно и грустно смотрѣла на молодого человѣка. Тотъ замѣтилъ ея взглядъ и тотчасъ-же перемѣнилъ свой тонъ.

— Извините, кузина, я не видѣлъ васъ, ласково и съ какимъ-то особеннымъ долгимъ взглядомъ сказалъ онъ, протягивая ей руку.

Вскорѣ разговоръ сдѣлался общимъ и непринужденнымъ. Анчаровъ рассказывалъ про разныя столичныя новости.

Обладая недюжинными способностями и имѣя кромѣ того свое хорошее состояніе, Анчаровъ вращался въ самыхъ лучшихъ аристократическихъ кружкахъ, состоялъ членомъ многихъ обществъ и акціонерныхъ учреждений. Не смотря на свое наружное легкомысліе, онъ былъ человѣкъ съ твердымъ и яснымъ взглядомъ на вещи... Княгиня, между прочимъ, не преминула рассказать Анчарову про свое горе: у нея за границей вышло такъ много денегъ, что теперь она принуждена сидѣть гдѣ-то въ глуши, вдали отъ общества...

— Ахъ, если-бы не вы, mon cher, я право-бы умерла съ тоски, заключила она свое грустное повѣствованіе.

Дѣйствительно, съ пріѣздомъ Анчарова, дни для нашихъ дачниковъ потекли весело и пріятно. Княгиня отчаянно кокетничала и видимо ухаживала за Анчаровымъ. Тотъ по необходимости долженъ былъ отвѣчать ей тѣмъ-же, но видимо онъ избѣгалъ вступать съ ней въ рѣшительныя объясненія.

Онъ пріѣхалъ совсѣмъ не для того, что-бы любезничать съ прелестнѣйшею тетушкою. Онъ пріѣхалъ сюда для Лены, а этого не могла отгадать ни княгиня, ни даже вѣрная повѣренная ея Олимпіада Григорьевна. Онѣ и не знали, что когда Лена была еще въ пансіонѣ, когда она, не имѣя около себя никого изъ близкихъ, страшно грустила и скучала, одинъ Анчаровъ не забывалъ ее. Каждый праздникъ онъ посѣщалъ Лену, привозилъ ей бонбоньерки съ конфектами, развешивалъ ее разными рассказами, бывалъ для нея на пансіонскихъ балахъ и танцевалъ до упаду съ ея подругами. Ему нравился серьезный, пытливый складъ характера Лены, рѣзко отличавшій ее отъ тѣхъ женщинъ, съ которыми приходилось Анчарову сталкиваться. Ленѣ въ

свою очередь тоже нравился Анчаровъ, она замѣтила, что сквозь его веселый, безпечный характеръ проглядываютъ многія симпатичныя черты... Итакъ мало по малу простыя отношенія молодыхъ людей обратились въ чувство болѣе серьезное: они полюбили другъ друга... Вскорѣ подоспѣли лѣтнія каникулы и Лена, окончивши курсъ, принуждена была ѣхать съ княгинею за границу. На прощаньи Анчаровъ общалъ двѣхъ гдѣ-бы то ни было и въ что-бы то ни стало увидѣться съ нею. Какъ мы видимъ, онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Но нужно было дѣйствовать осторожно: онъ зналъ, что къ нему равнодушна княгиня, а стало быть за каждымъ его дѣйствіемъ, за каждымъ шагомъ слѣдила какъ она, такъ и приверженная ей Олимпіада Григорьевна. Открыто-же просить руки Лены онъ не рѣшался, зная хорошо, какое сопротивленіе окажетъ ему княгиня, а ея согласіе въ этомъ дѣлѣ онъ считалъ необходимымъ, такъ какъ она была опекуной и Лена, какъ несовершеннолѣтняя, не могла располагать своими дѣйствіями. По этому молодые люди видѣлись болѣе урывками, говорили между собою только полуфразами...

Разъ сидѣлъ Анчаровъ на скамейкѣ, стоявшей въ углу полуразрушенной башни, стѣны которой со всѣхъ сторонъ обвивались плющемъ, закрывавшимъ своими ползучими вѣтвями какъ скамью, такъ и сидѣвшаго на ней Анчарова. Онъ только что вырвался отъ докучливыхъ ухаживаній княгини и остался одинъ на одинъ со своими мыслями. Теперь онъ думалъ только объ одной Ленѣ. Имъ овладѣло какое-то лирическое, восторженное состояніе. Всѣ готовъ былъ онъ отдать за ея одно ласковое слово, за ея одинъ ободряющій взглядъ. Напускная веселость его, которую онъ принималъ при

княгинѣ, исчезла. Ему казалось, что онъ только что родился, но не слабымъ, безпомощнымъ ребенкомъ, а крѣпкимъ и здоровымъ юношей, готовымъ ради нея, своей милой, своей неоцѣненной снести всё, всё на свѣтѣ...

Какой-то шорохъ заставилъ его очнуться отъ забытья. Онъ поднялъ голову и увидалъ Лену, — ея большіе, влажные глаза блестѣли подавленной, худо скрываемою грустью. Она думала о немъ. Это понялъ Анчаровъ. Онъ быстро поднялся со своего мѣста, взглянулъ на эти дышащія тоскою и любовію глаза и схватилъ дѣвушку за руку. Съ восклицаніемъ радостнаго изумленія прижалась Лена къ груди Анчарова и жаркій, страстный поцѣлуй обжегъ его губы.

— Лена, милая Лена! говорилъ Анчаровъ, обнимая стройный станъ дѣвушки. — Прошу тебя, не осуждай меня, мое легкомысліе, мою напускную веселость. Знай, милая, что я только и думаю о тебѣ, что моя веселость — это одна маска, одно притворство, что-бы до поры до времени скрыть отъ глупыхъ и пошлыхъ людей нашу любовь... Ты вѣдь знаешь это!...

— Да, милый, я знаю это! тихо проговорила дѣвушка. — Но всё-же мнѣ больно смотрѣть на твое притворство. Къ чему ловеласничество это съ Марьей Павловной, къ чему это наружное притворное бонвиванство?..

Анчаровъ хотѣлъ что-то возражать, но вдругъ почти надъ самымъ его ухомъ раздался голосъ Олимпіады Григорьевны.

— Сергѣй Борисычъ! Сергѣй Борисычъ! звала она. — Пожалуйста домой, княгиня желаетъ васъ видѣть...

Лена вздрогнула и скользнула изъ объятій Анчарова.

— Приходи сюда по вечерамъ, здѣсь самое удобное

мѣсто... Мнѣ надо многое тебѣ сказать, шепнулъ онъ Ленѣ на прощаньи.

Та кивнула головой и, неслышно пробравшись къ выходу, скрылась въ густой, сосновой рощѣ, прилежавшей къ дому.

III.

— Знаете, ваше сіятельство! таинственно докладывала разъ утромъ княгиня Олимпіада Григорьевна. — Въ нашей-то башнѣ опять появилось...

— Что такое появилось? спросила та съ легкимъ нетерпѣніемъ свою наперсницу. Она еще не вставала съ постели и, откинувши одѣяло, съ любопытствомъ глядѣла на Олимпіаду Григорьевну.

— А это... Стало-быть опять нечистая сила пошаливать стала...

Княгиня какъ лежала, такъ и покатилась со смѣху.

— Я не ожидала, милая моя, что-бы вы были такъ глупы, промолвила наконецъ она. — И какъ вамъ не совѣстно вѣрить всякому вздору!...

— Помилуйте, ваше сіятельство! возразила немного обиженная Олимпіада Григорьевна. — Про это всѣ говорятъ... Хоть сами позовите и спросите и кучера Ивана и Марью горничную, если ужъ я потеряла довѣріе ваше...

— Ну, можете замолчать, оборвала княгиня рѣчь Олимпіады Григорьевны. — Знаете, что я нервная, непременно разстроить надо своими глупостями... Сергѣй Борисычъ всталъ?

— Они на террасѣ одни сидятъ и книгу читаютъ.

— Странно, онъ въ послѣднее время точно сталъ избѣгать меня, подумала княгиня. — А мнѣ такъ хотѣлось-

бы остаться съ нимъ наединѣ, поговорить... Онъ, право, такой красивый, такой милый мальчикъ, я и заграницей рѣдко видывала такихъ... Сегодня постараюсь быть какъ можно интереснѣе и вызвать его на объясненіе ..

И княгиня, вставши съ постели и накинувши легкій, утренній пеньюаръ, красиво обрисовывавшій ея до сихъ поръ стройную фигуру и пышныя, округленные формы, стала умываться. Потомъ съ помощію Олимпіады Григорьевны она часа два занималась какими-то таинственными притираніями, секретъ которыхъ былъ извѣстенъ только ей и ея вѣрной камеристкѣ...

Между тѣмъ Анчаровъ дѣйствительно сидѣлъ на террасѣ. Онъ былъ задумчивъ и машинально перебиралъ листы какого-то романа. Онъ не зналъ, на что рѣшиться, что предпринять. Его мучила мысль, какъ онъ объяснится съ княгиней по поводу своей любви къ Ленѣ. Онъ зналъ, что сама княгиня не прочь поиграть съ нимъ въ любовь, а потому конечно она не согласится добровольно отдать ему руку Лены. Поэтому онъ думалъ въ послѣдній разъ серьезно поговорить съ Леной и придти съ нею къ какому-нибудь окончательному рѣшенію. Онъ не безъ основанія предполагалъ, что сегодня днемъ врядъ-ли можно будетъ сказать дѣвушкамъ наединѣ хоть одно слово, а потому онъ приготовилъ записку и вложилъ ее, какъ было раньше условлено, въ листы того романа, которымъ съ нетерпѣніемъ онъ такъ теперь вертѣлъ...

Мысли его прервалъ шелестъ платья и онъ увидалъ входящую княгиню въ роскошномъ пеньюарѣ, интересную и красивую болѣе чѣмъ когда либо.

Анчаровъ въ настоящую минуту вовсе не былъ способенъ любезничать съ прелестнѣйшею тетушкою. Но-

спѣшно поклонившись ей, онъ сошелъ съ террасы въ садъ и моментально скрылся въ тѣни деревьевъ.

Княгиня нахмурилась. Теперь ужъ не было причины и сомнѣваться, что онъ избѣгаетъ ее.

— Я не понимаю, что это съ нимъ дѣлается? прошептала она. — Въ послѣднее время онъ сталъ какимъ-то задумчивымъ, какъ-будто печальнымъ, а это совсѣмъ не въ его характеръ... Къ чему онъ убѣжалъ отъ меня? Вѣдь это наконецъ невѣжество!...

Она подошла къ столу и машинально взяла въ руки забытый Анчаровымъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ романъ. Изъ него выпала тщательно сложенная записка. Княгиню это очень удивило и она поспѣшно, съ любопытствомъ развернувъ записку, стала читать ее. По мѣрѣ того, какъ она читала, лицо ея все болѣе и болѣе прояснялось. Въ этой запискѣ рукою Анчарова было написано слѣдующее: „Приходите сегодня вечеромъ непременно въ старую башню, я буду тамъ ждать васъ. Мнѣ надо многое вамъ сказать. Ничего не бойтесь, — тамъ насъ никто не увидитъ: башня эта, какъ я узналъ, слыветъ въ народѣ заколдованной и ни одинъ человѣкъ не рѣшится подойти близко ночью къ этому мѣсту“...

Прочитавши письмо, княгиня задумалась, улыбка торжества блеснула въ ея глазахъ.

— Конечно онъ зоветъ меня, что-бы объясниться въ любви... Станный человѣкъ!... Неужели онъ не могъ сдѣлать это сейчасъ, я и не подозрѣвала въ немъ такой скромности... Впрочемъ при лунѣ, въ старой башнѣ объясненіе выйдетъ гораздо поэтичнѣе, — романтизма больше... Но все-же онъ чрезвычайно наивенъ, бѣдный мальчикъ... За это сего дня ночью его надо приласкать хорошенько, х-о-р-о-ш е-н-ь-к-о!...

Чувственная улыбка показалась на губах княгини и она, закрывъ глаза, ясно представляла себѣ моменты будущаго свиданія...

IV.

Ночь стояла темная. Небо со всѣхъ сторонъ прорѣзывали тучи. Вдали виднѣлся темный силуэтъ полуразрушенной башни, изрѣдка освѣщаемый фантастическимъ свѣтомъ луны. Всё было тихо. Только въ сторонѣ слышалось глухое роптаніе верхушекъ сосноваго лѣса, колеблемыхъ свѣжимъ, ночнымъ вѣтромъ.

Вотъ послышались чьи-то осторожные шаги и къ башнѣ едва слышною поступью сталъ пробираться человѣкъ. Это былъ Анчаровъ. Онъ добрался до самой башни и еле переводя дыханіе сталъ дожидаться Лены. Наконецъ у входа промелькнула чья то стройная фигура и остановилась въ нерѣшительности.

— Лена, вы это? шепотомъ спросилъ Анчаровъ.

— Я, я, дорогой мой... Ахъ милый, любой мой, какъ я боялась! произнесла Лена, дрожа всѣмъ тѣломъ и припадая своею головкой на грудь Анчарова.

— Чего-же ты боялась, голубка моя?... Не привидѣній ли? спросилъ тотъ съ усмѣшкой. — Не бойся, милая, выходцевъ съ того свѣта, бойся живыхъ людей... Впрочемъ и отъ тѣхъ и отъ другихъ я тебя защищу, никому въ обиду не дамъ... Ахъ, бѣдняжка, какъ сердце у тебя бьется, — точно выскочить хочетъ!...

И во тьмѣ послышались страстные поцѣлуи.

— Ты получила, конечно, сегодня мое письмо? шепотомъ спросилъ Анчаровъ.

— Какое письмо? съ удивленіемъ произнесла Лена.

— Какъ какое! Которое я оставилъ тебѣ въ книгѣ.

— Нѣтъ... Я перебрала каждую страничку и не видала тамъ никакого письма.

— Это странно! въ раздумьѣ проговорилъ Анчаровъ. — Неужели я позабылъ вложить его въ книгу...

— Что-же ты писалъ тамъ? освѣдомилась Лена.

— Я просилъ тебя сегодня сюда для окончательнаго объясненія... Хорошо, что ты сама пришла... Итакъ, Лена, я тебя хочу спросить, до какихъ поръ будутъ продолжаться наши подобныя отношенія, до какихъ поръ будемъ мы скрывать отъ людей нашу любовь?...

Лена хотѣла что-то отвѣтить, но страхъ сжалъ ей горло: вдали слышались чьи-то торопливые шаги.

— Уйдемъ отсюда поскорѣй! шептали ее поблѣднѣвшія губы. Но было ужъ поздно, — у входа стояли какія-то два существа и звонкій, сочный поцѣлуй раздался на всю башню.

— Милая моя, наконецъ-то пришла ты, я ужъ не чаялъ и видѣть тебя, слышался мужской голосъ, принадлежавшій кучеру Ивану.

— Не знаю, право, Ваня, какъ я и урвалась-то къ тебѣ... Мой идолъ-то, Лимпїадка, такая, я тебѣ скажу, глазастая, — сейчасъ учуетъ, когда меня нѣтъ... Помнишь, намереніи я къ тебѣ сюда-то ходила... Прихожу подъ утро, гляжу, а Лимпїадка-то въ моей горницѣ сидитъ и на постель пустую глядитъ... Что, спрашиваетъ, опять ты къ Ванькѣ шаталась... Смотри, говоритъ, я барынѣ скажу, — она васъ обоихъ прогонитъ, не потерпитъ такого сраму.

— Что-же дѣлать, Маша? Женился-бы я на тебѣ, да финанцевъ теперь у насъ съ тобой нѣтъ... Нужно ужъ до осени подождать, тамъ будетъ, что Богъ дастъ!...

— Я-бы, Ваня, теперь попросила у своей барыни

деньжонокъ впередъ, да боюсь, — она такая строгая, слова никогда съ тобой не скажетъ: только уברי да подай... Вотъ если-бы княжну Елену Николаевну попросить... Это добрая барышня, хорошая барышня, всегда ласковая такая, да вѣдь она не хозяйка...

— Слышишь, Лена, шепнулъ на ухо княжнѣ Анчаровъ — не я одинъ тебя люблю...

Вдругъ влюбленная парочка всполошилась.

— Ваня, а Ваня! испуганнымъ шопотомъ промолвила Маша — сюда идетъ кто-то...

— И то правда, согласился тотъ. — Давай спрячемся — благо ночь-то темная, авось насъ и не замѣтятъ.

И они притаились за выдающуюся амбразуру башни.

Въ этотъ моментъ кто-то запыхавшись вошелъ въ башню, вслѣдъ за нимъ промелькнула другая тѣнь...

— Ахъ, какой потѣмкъ здѣсь стоитъ, мой милый Олимпіадъ Григорьевна! произнесъ кто-то съ нѣмецкимъ акцентомъ, тяжело отдыхаясь...

— Ужъ и не говорите, Карлъ Иванычъ! чисто страсти однѣ, жеманнымъ голосомъ произнесла Олимпіада Григорьевна — А всё это я рѣшилась перенести единственно изъ любви къ вамъ-съ...

— О я снаю, я очень карошъ снаю это, лупезный Олимпіадъ Григорьевна, а потому какъ шестный шеловѣкъ я предлагаю вамъ звою руку и сердце!..

— Ахъ, Карлъ Иванычъ, какъ-же это вы такъ вдругъ!... Я право не знаю...

— Но послушай мой другъ, Олимпіадъ! Я скопиль здѣсь капиталъ, ви тоже имейтъ деньги, такъ зашемъ намъ и не вступить въ сей бракъ...

— А вы сколько имѣете капиталу, Карлъ Иванычъ?

— Мой имейтъ наличнымъ деньгамъ двадцать пять тысячъ...

— Ну, и я тысченокъ десять. . .

— Вотъ и отлично, лупезный Олимпіадъ... Мы будемъ жить съ тобою ошень, ошень счастливо... Если даже я потеряй мѣсто, то ми и тогда будемъ имѣть очень карошъ дѣла... Я заведу булошную, а вы...

Онъ не договорилъ, такъ какъ сзади его слышалось чье-то горячее, страстное дыханіе, чьи-то руки обхватили его толстенъкую, коротенькую фигурку и чей-то голосъ, очень похожій на голосъ княгини, проговорилъ:

— Вотъ и я, милый Сержъ!... Ты, я думаю, заждался меня, мой бѣдный мальчикъ...

— Что, что такой!? испуганнымъ голосомъ пролепеталъ Карлъ Ивановичъ, кое какъ освобождаясь отъ неожиданныхъ, негаданныхъ объятій...

Княгиня ужасно перепугалась, она не узнала голоса своего управляющаго.

— Кто это? прошептала она, кое какъ собравшись съ духомъ.

Но Карлъ Ивановичъ положительно растерялся и оставался нѣмъ, какъ рыба.

Долго-бы, можетъ быть, продолжалось всеобщее недоумѣніе, если-бы не пришла на помощь луна, выплывшая вдругъ изъ разорванныхъ тучъ и яркимъ, серебристымъ свѣтомъ освѣтившая внутренность старой, полуразвалившейся башни: на скамейкѣ, обвитой плющемъ, сидѣли, плотно прижавшись другъ къ другу, Анчаровъ и Лена; послѣдняя была буквально блѣднѣе луннаго свѣта и трепетала, поддерживаемая сильной рукой Анчарова. За амбразурой стояли, пораженные такою неожиданностью, Иванъ и Маша, а по срединѣ башни растеряно глядѣли Карлъ Ивановичъ, Олимпіада Григорьевна и наконецъ сама княгиня.

Впрочемъ эта живая картина не долго продолжалась: Иванъ и Маша первые заблагоразсудили скрыться; вслѣдъ за ними послѣдовалъ Карлъ Ивановичъ со своею возлюбленной. Въ башнѣ остались только княгиня, Елена и Анчаровъ.

— Что это все значить? промолвила наконецъ Марья Павловна.

— Это значить, княгиня, что я прошу у васъ руку Елены Николаевны, серьезно проговорилъ Анчаровъ.

Только тогда поняла княгиня, что она обманута, что любовь ея отвергнута и что по милости Анчарова она поставлена теперь въ крайне неловкое и смѣшное положеніе. Страшный приливъ злобы овладѣлъ ею противъ Анчарова и Лены. Она едва сдерживала себя.

— Елена Николаевна молода и не можетъ располагать собою, гордо и величественно проговорила она. — Я же имѣю причины не давать согласія на этотъ бракъ, а потому, господинъ Анчаровъ, я покорнѣйше прошу васъ завтра-же утромъ оставить этотъ домъ...

Проговоривши эту громовую тираду, княгиня почти насильно взяла Лену подъ руку и вышла съ нею изъ башни.

V.

На другое утро Анчаровъ сидѣлъ въ комнатѣ княгини и о чемъ-то серьезно разговаривалъ съ нею.

— Такъ это ваше послѣднее слово? проговорилъ, блѣднѣя, Анчаровъ.

— Да, твердо отвѣчала княгиня. — Я не могу согласиться на этотъ бракъ.

— Но почему-же, почему?...

— Потому что Лена очень богатая невеста, а вы... Богъ васъ знаетъ, имѣете-ли вы какія нибудь свѣдѣнія...

— Послушайте, княгиня! рѣшительно промолвилъ Анчаровъ. — Чтобы доказать вамъ, что я имѣю хорошія средства и что вовсе не хочу пользоваться наслѣдствомъ Лены, я отдамъ вамъ деньгами стоимость этого родоваго помѣстья... Деньги я предоставляю въ полное ваше распоряженіе... Согласны вы на эти условія?...

— Я право, не знаю, нерѣшительно отвѣчала княгиня, перемѣняя свой рѣзкій тонъ на болѣе мягкій.

— А нынѣшнею зимою, я слышалъ, въ Ниццѣ соберется цвѣтъ всей Европы, какъ-будто про себя сказалъ Анчаровъ.

Онъ мѣтко попалъ въ цѣль, потому что у княгини блеснули глаза и она послѣ нѣкотораго колебанія сказала:

— Я согласна на ваше условіе!

Былъ конецъ Августа. Не смотря на яркое, полуденное солнце, довольно сильно припекавшее землю, въ воздухѣ чувствовалось приближеніе осени.

У подъѣзда дома, гдѣ въ началѣ лѣта жила княгиня съ Леной, стояла дорожная карета. На козлахъ сидѣлъ кучеръ Иванъ, а около кареты суежилась съ разными узелками Маша. Какъ у того, такъ и у другой на рукахъ блестѣли вѣнчальные кольца.

— Ты, Ваня, какъ уберешься съ лошадьми, пріѣзжай сейчашъ же въ Петербургъ, а то безъ тебя мнѣ скучно будетъ, ласково говорила Маша.

— Будь покойна, не останусь здѣсь, отвѣчалъ Иванъ, съ достоинствомъ подергивая возжами.

Вскорѣ изъ дому въ дорожныхъ костюмахъ вышли Анчаровъ и Лена — теперь ужъ госпожа Анчарова.

— Всѣ-ли готово, Иванъ? спросилъ Анчаровъ.

— Всѣ-съ, отвѣчалъ тотъ, утвердительно кивнувъ головой.

— Теперь, Сержъ, пойдѣмъ, въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ посмотримъ на нашу заколдованную башню, предложила мужу со счастливой улыбкой Лена и, опираясь на его руку, направилась къ башнѣ.

Тамъ всё было по старому, — стояла та-же самая полуснившая скамейка, обвитая плющемъ, на которой въ началѣ лѣта съ такимъ замираніемъ сердца дожидался Анчаровъ свою милую Лену...

— Вы, пожалуйста, на слѣдующую весну расчистите около башни весь мусоръ, обложите это мѣсто землей и разведите клумбы, — мы такъ любимъ эту башню! обратился Анчаровъ къ новому управляющему, молодому человѣку, окончившему курсъ въ Петровской академіи.

Карла Иваныча уже не было здѣсь болѣе. Онъ дѣйствительно женился на Олимпіадѣ Григорьевнѣ, уѣхалъ съ ней въ какой-то губернской городъ и открылъ тамъ нѣчто въ родѣ булочной или колбасной...

Княгиня лишилась своей компаньонки и, получивъ отъ Анчарова обѣщанныя деньги, тотчасъ-же уѣхала за границу, гдѣ отъ нея до сихъ поръ молодые не получали ни слуху, ни духу...

Черезъ полчаса карета съ Леной и Анчаровымъ катила по запыленному шоссе къ желѣзнодорожному вокзалу; но долго еще въ памяти молодыхъ людей будетъ вставать образъ старой, полуразрушенной башни, въ стѣнахъ которой они вынесли столько радостныхъ ощущеній...

ВОТЪ ТАКЪ ФАУСТЪ!...

(Эпизодъ изъ жизни Сержа Пузырькова).

I.

День былъ праздничный. По улицамъ сновала масса дѣловаго и праздношатающагося люда. Въ пассажѣ, между самой разношерстной толпой, то и дѣло мелькали дамскія шубки, ротонды и встрѣчались щеголеватые, одѣтые по послѣдней модѣ кавалеры.

Къ этой категоріи можно было причислить и Сержа Пузырькова, который, какъ и всегда, завитой, раздушенный, напoмаженный, осѣдлавши свой носъ золотымъ *pinse-nez* и напѣвая въ полголоса какую-то шансонетку, ходилъ по пассажу, не пропуская ни одного сколько нибудъ смазливаго, женскаго личика. Сержъ Пузырьковъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ, кажется, сама судьба предназначаетъ наслаждаться жизнію и даетъ имъ волю „жуировать“ въ полное свое удовольствіе. Онъ когда-то и гдѣ-то учился, числился на службѣ въ какой-то канцеляріи, куда впрочемъ очень рѣдко заглядывалъ. Средства же къ жизни онъ получалъ отъ своего отца, богатаго помѣщика, обитавшаго гдѣ-то очень далеко отъ Москвы.

Въ настоящее время вниманіе Сержа привлекала стройная, высокая блондинка съ прекрасными, голубыми глазами. Онъ увидѣлъ ее, когда она выходила изъ одного магазина съ нѣсколькими свертками въ рукахъ. Во что бы то ни стало, онъ рѣшился познакомиться съ пре-

лестною блондинкою. Судьба благопріятствовала Сержу. Незнакомка, вѣроятно, замѣтила его и съ умысломъ—такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось—уронила одинъ изъ своихъ свертковъ. Сержъ, конечно, воспользовался случаемъ: онъ моментально поднялъ свертокъ и, граціозно поклонившись, подалъ его знакомѣ, за что и былъ награжденъ ея благосклонною улыбкой.

— Благодарю васъ, прошептали ея алыя губки.

Теперь для Сержа не трудно было завести знакомство.

— Сударыня, я такъ счастливъ, что могъ услужить вамъ! говорилъ онъ, слѣдую за нею.

— Это почему? улыбнулась та.

— Потому, что оказать услугу одной изъ прелестнѣйшихъ представительницъ прекраснаго пола составляетъ для меня высшее блаженство.

— Какой вздоръ вы городите!

— Это не вздоръ, это такая же правда, какъ то, что я положительно очарованъ вами и послѣдую за вами хоть на край свѣта!...

— Не слишкомъ ли далеко? загадочно усмѣхнулась незнакомка и пошла къ выходу.

Сержъ съ непоколебимою рѣшимостію послѣдовалъ за нею.

Когда они вышли на улицу, проходила конка. Незнакомка съ легкостью птички впорхнула туда и скрылась внутри кареты.

Сержъ не отставалъ отъ нея. Но какова была его досада,—карета оказалась съ верху до низу наполненной пассажирами. Внутри оставалось только одно мѣсто, которое и заняла незнакомка. Дѣлать нечего, Сержъ помѣстился на площадкѣ, рядомъ съ кондукторомъ, ни на минуту, впрочемъ, не спуская пламенныхъ взоровъ съ незнакомки.

Конка остановилась у Страстного монастыря. Незнакомка вышла изъ кареты и, бросивъ насмѣшливый взглядъ на Сержа, отправилась по направленію Тверскаго бульвара. Сержъ пошелъ рядомъ съ нею.

— Какая вы жестокая! сказалъ онъ, слегка наклоняясь въ ея сторону.

— А вы какой неотвязчивый! подражая тону его голоса проговорила незнакомка.

— Неужели вы даже не скажете мнѣ своего имени?

— Если это васъ такъ интересуесть—извольте: меня зовутъ Маргаритой.

— Маргарита... Какое прелестное, поэтическое имя?... Вы, вѣроятно, иностранка?

— Нѣтъ... то есть, да... Мой отецъ былъ немного нѣмецъ.

На дальнѣйшіе вопросы Сержа, Маргарита отвѣчала довольно неопредѣленно и сухо. Только пройдя весь Тверской бульваръ и завернувши на Бронную, Маргарита какъ бы вскользь освѣдомилась у Сержа о родѣ его занятій.

— Я чиновникъ, но служба, по правдѣ сказать, нисколько не интересуесть меня, откровенничалъ Сержъ.

— Почему же это? полюбопытствовала она.

— Потому что я имѣю свои собственные средства, отвѣчалъ Сержъ, желая произвести нѣкоторый эффектъ на незнакомку.

— Вотъ какъ! проговорила Маргарита и голосъ у нея сдѣлался замѣтно мягче и пріятнѣе.

Вскорѣ она остановилась у большаго, каменнаго дома.

— Я васъ съ удовольствіемъ попросила бы къ себѣ, но право мнѣ нельзя... По крайней мѣрѣ сегодня... У меня будутъ знакомые, а я очень дорожу своею репутаціей...

— Но, милая Маргарита, гдѣ же васъ можно видѣть?

горячо проговорилъ Сержъ, съ жаромъ пожимая протянутую ему руку.

— Я право не знаю...

— Вотъ что... Приѣзжайте завтра вечеромъ на Кузнецкій мостъ, къ Трамбле... Я буду тамъ ожидать васъ...

— Мнѣ некогда,—у меня есть очень спѣшная работа.

— Гмъ... работа... А вы чѣмъ занимаетесь?

— Я шью на машинкѣ, скромно отвѣчала Маргарита.

— Фи! Такая молоденькая, хорошенькая дѣвушка и вдругъ толкуетъ о какой-то противной работѣ, машинкѣ... И такъ приѣдете?... Да?...

— Не знаю же, вамъ говорятъ...

— Нѣтъ, вы скажите,—приѣдете?

— Пожалуй... можетъ быть... Ахъ, какой неотвязчивый!... Ну, да... да!...

И она поспѣшно скрылась въ ворота большого, каменнаго дома.

II

На другой день, часовъ въ семь вечера, Сержъ и Маргарита сидѣли за однимъ изъ столиковъ кондитерской Трамбле и пили шеколадъ.

— Милая Маргарита, полюбите-ли вы меня когда нибудь? страстно говорилъ Сержъ послѣ второй чашки шеколада.

— Не знаю... Посмотримъ, стоите-ли вы моей любви, отвѣчала съ легкою улыбкой его собесѣдница.

— Скажите, что я долженъ сдѣлать, чтобы доказать мою безпредѣльную любовь къ вамъ и я клянусь...

— Вы должны дѣлать то, что мнѣ нравится.

— А что вамъ нравится, прелестнѣйшая Маргарита?

— Мало ли что... Я люблю, на примѣръ, театръ.

— О, я тоже безъ души отъ театра!... Поѣдемте хоть сегодня.

— Пожалуй... Только надо васъ предупредить, что я ненавижу верхніе ярусы: тамъ такъ жарко, такъ душно!...

— Я поведу васъ, куда вамъ угодно... Мальчикъ, еще по чашкѣ шеколада и дай сюда афишу!

Оказалось, что въ Большомъ театрѣ шла опера „Фаустъ“, Сержъ былъ въ восхищеніи.

— Какое странное совпаденіе, говорилъ онъ, — сегодня въ театрѣ будутъ двѣ Маргариты: одна рядомъ со мною, другая на сценѣ... А я... О, если бы я могъ быть вашимъ Фаустомъ.

На это Маргарита отвѣчала ему нѣжнымъ взглядомъ. Въ театрѣ Сержъ еще болѣе расчувствовался и не столько глядѣлъ на сцену, сколько на Маргариту.

— Я вашъ Фаустъ... Не правда ли? безпрестанно спрашивалъ онъ.

— Да! шептали въ отвѣтъ ея алые губки.

— О, моя милая, мое божество!...

Къ концу спектакля Маргарита казалась чрезвычайно утомленной. На приглашеніе Сержа ѣхать съ нимъ ужинать, она отказалась.

— Мнѣ нездоровится... Я поѣду домой.

— Но какъ-же я-то... лепеталъ Сержъ.

— Вы можете ѣхать съ мною. Я васъ угощу чаемъ, но только съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Вы должны быть благоразумны и... не позволять себѣ лишняго...

III.

Чрезъ полчаса Сержъ и Маргарита сидѣли въ маленькой, уютной комнаткѣ. Передъ диваномъ, на кругломъ

столикъ, весело шипѣлъ самоваръ и стояло два чайныхъ прибора. Противоположная сторона комнаты была огорожена ширмами, за которыя любопытный Сержъ успѣлъ мимоходомъ заглянуть. Онъ увидѣлъ тамъ скромный, фаянсовый умывальникъ, кровать, покрытую шелковымъ стеганнымъ одѣяломъ и три высоко взбитыхъ подушки съ бѣлыми, какъ снѣгъ, наволочками...

Все это еще болѣе взволновало кровь Сержу и онъ съ каждою минутой таялъ, какъ кусокъ сахару, положенный въ его стаканъ прелестною ручкою Маргариты.

— Милая Маргарита! съ восторгомъ проговорилъ онъ, порываясь обнять ея талію.

Но Маргарита ловко ускользнула отъ его объятій.

— А ваше обѣщаніе? лукаво спросила она.

— Какое? пролепеталъ Сержъ.

— Что вы должны быть благоразумны...

— Но вѣдь это пытка, — находится съ вами глазъ на глазъ и не позволить себѣ ничего лишняго.

— Вы же сами согласились на эту пытку, кокетливо возразила она.

— Ну, хоть одинъ поцѣлуй!...

И онъ, не дожидаясь отвѣта, порывисто схватилъ Маргариту за талію, привлекъ къ дивану и началъ покрывать безчисленными поцѣлуями ея бѣлую шейку и страстно трепетавшую изъ полуоткрытаго корсажа грудь...

Вдругъ дверь съ шумомъ растворилась и на порогѣ показался господинъ высокаго роста, съ огромными усами, одѣтый въ короткое и легкое не по сезону пальто.

Увидя влюбленную парочку, субъектъ страшно заворочалъ бѣлками своихъ глазъ, а огромные усы такъ ходенемъ и заходили.

— Ахъ, мой братецъ! патетически вскричала Маргарита.

— О, Боги! громовымъ голосомъ вскричалъ усачъ. — Что я вижу?!...

И онъ, принявъ трагическую позу, уставилъ на влюбленную парочку свои огромные, съ вывороченными бѣлками, глаза.

— Братецъ, я не виновата, я люблю его! начала Маргарита, но незнакомецъ не далъ ей договорить.

— О, Маргарита! снова воскликнулъ онъ. — Не ты ли еще вчера была невинна и дѣвственна, какъ полевой цвѣтокъ, распустившійся на лонѣ природы, не тебѣ ли еще такъ недавно я называлъ святою невинностью, а теперь... Теперь ты находишься въ объятіяхъ сего человѣка!... Но кто же онъ, твой гнусный обольститель?

При этомъ незнакомецъ скрестилъ руки и уничтожающимъ взоромъ посмотрѣлъ на Сержа.

— Кто это? шепнулъ на ухо Маргаритѣ не на шутку встревоженный Сержъ.

— Неужели вы не догадываетесь? Это мой братецъ!... Ахъ, зачѣмъ вы пошли ко мнѣ!... Теперь мы пропали!..

— Молодой человѣкъ! грозно обратился „братецъ“ къ Сержу. — Не злоупотребляйте моимъ терпѣніемъ!... Отвѣчайте, кто вы и какъ сюда попали?

Сержъ, взирая на широкія плечи и гигантскую фигуру „братца“, по просту сказать струсилъ и не зналъ, куда дѣваться.

— Но по какому же праву спрашиваете вы меня, милостивый государь? произнесъ онъ? стараясь придать наибольшую твердость своимъ словамъ.

Въ отвѣтъ на это „братецъ“ расхохотался громовымъ голосомъ.

— По какому праву! Онъ еще осмѣливается разговаривать! О, дерзновенный!...

— Братецъ, не трогайте Сержа!... Я люблю его! вступилась Маргарита.

— Милое, невинное дитя мое, ты любишь его!... А онъ... Отвѣчаетъ-ли онъ тебѣ взаимностью?

— Да, онъ любить меня...

— Дѣти мои, я благословляю васъ! торжественнымъ тономъ произнесъ „братецъ“, принявъ театральную позу „благороднаго отца“—А когда-же свадьба? обратился онъ къ Пузырькову. Сержъ даже глаза вытаращилъ отъ изумленія.

— Я не понимаю васъ, о какой свадьбѣ вы говорите? пролепеталъ онъ.

— О вашей, чертъ возьми!

— Но я и не думаю жениться...

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ Маргарита истерически зарыдала.

— Братецъ, онъ обманулъ меня! вскричала она, патетически протягивая ему руки, какъ-бы умоляя о помощи.

— Бѣдная, обольщенная жертва людскаго коварства! растроганнымъ голосомъ обратился „братецъ“ къ Маргаритѣ.—Но я отомщу за тебя!... Мщенья, чертъ возьми! Я жажду мщенья!...

Сержъ не на шутку перетрусилъ и, быстро вскочивъ на ноги, направился быстро къ выходу, но „братецъ“ загородилъ ему дорогу.

— Куда! грозно заговорилъ онъ.—Нѣтъ презрѣнный, ты не избѣгнешь моихъ рукъ!

— Но... но что-же вамъ угодно? трясаясь отъ страха, спросилъ Пузырьковъ.

— Мнѣ угодно получить отъ тебя удовлетвореніе.

— Какое же я могу дать вамъ удовлетвореніе?

— Двойкое, чертъ возьми!... Или натурой или деньгами.

Сержъ началъ понимать, въ какія руки онъ попалъ.

— Въ случаѣ насилія я кричать буду! попытался было онъ запугать „братца“.

— Не беспокоитесь, молодой человѣкъ. Вблизи тутъ никого не живетъ и нашъ интересный разговоръ кромѣ насъ самихъ, никто услышать не можетъ... И такъ, приступимъ прямо къ дѣлу; сколько вы соблаговолите дать за безчестіе сей дѣвицы?

— То-есть какъ это: сколько?

— Ну, да, чертъ возьми!... Неужели вы еще такой младенецъ, что не можете понимать самыхъ простыхъ вещей!... Впрочемъ я самъ назначу вамъ цѣну: принимая во вниманіе ваши молодые года и имѣя въ виду собственное молодости увлеченіе, я беру съ васъ триста рублей. Давайте деньги и можете отправляться на всѣ четыре стороны...

— Но вѣдь это грабежъ!... Пустите меня! сопротивлялся Сержъ.

— Молодой человѣкъ, не заставляйте прибѣгать меня къ крутымъ мѣрамъ! внушительно проговорилъ „братецъ“ и показалъ свои огромные, покрытые волосами кулаки, при видѣ которыхъ у Сержа даже мурашки заходили по тѣлу...

— Ну, хоть уступите что нибудь!

— Ни копейки!...

Дѣлать было нечего. Портмоне Сержа жалобно раскрылось и три радужныхъ бумажки перешли въ руки „братца“.

Получивъ деньги, „братецъ“ сдѣлался необыкновенно вѣжливъ и любезенъ.

— Синьоръ! предупредительно отнесся онъ къ Пузырькову. Вотъ ваше пальто, ваша шапка... Можете отправляться, дверь открыта для васъ!...

Сержъ медленно одѣлся. Безсильная злоба душила его.

— Это вы приготовили мнѣ ловушку! укоризненно сказалъ онъ Маргаритѣ. — Я не ожидалъ этого отъ васъ... Это подло... безчестно!...

Онъ не могъ болѣе говорить и вышелъ изъ комнаты. Вслѣдъ за его уходомъ послышался звонкій, серебристый смѣхъ Маргариты. Этотъ смѣхъ еще болѣе раздражилъ его и произвелъ на него какое-то отупляющее дѣйствіе...

Онъ безсознательно очутился на улицѣ и нѣсколько минутъ стоялъ, какъ ошеломленный. Только свѣжій, холодный воздухъ заставилъ его немного придти въ себя. Онъ оглянулся.

У воротъ, закутавшись въ свой тулупъ, сидѣлъ дворникъ.

— Послушай, любезный, кто живетъ въ этой квартирѣ? обратился онъ къ дворнику, показывая на дверь, изъ которой только что вышелъ.

— Мамзель одна, отвѣчалъ дворникъ, ухмыльнувшись во всю ширь своего рта.

— Кто она такая?

— А лѣшій ее знаетъ!... Допрѣжь этого, говорятъ, швейчкой въ мастерской была... Ну, а теперь на дому работаетъ... для близиру больше, а сама другимъ дѣломъ промышляетъ...

— А какъ зовутъ ее?

— Велитъ звать себя Маргаритой, а на пачпортѣ своемъ прописана Матреной... Ну, извѣстно имя это не нравится ей... Потому господа къ ней разные при-

взжаютъ и вдругъ: Матрена!... Только не долго, знать, она проживетъ у насъ.

— Что такъ?

— Да такъ... Потому безпокойная жилица... Полюбовникъ ейный ходитъ къ ней, — высокій эдакій изъ себя, усасть, — такъ больно ужъ онъ буйнаго характеру... Иной разъ такой каранболь на весь домъ подыметъ, хотъ святыхъ вонъ выноси!... Сколько разъ хотѣлъ въ участокъ его отправить, да по правдѣ сказать боюсь, — свирѣпъ онъ очень, особливо во хмѣлю... На чаекъ бы съ вашей милости сударь!

Сержъ далъ ему двугривенный и, задумавшись, пошелъ своей дорогой.

— Вотъ тебѣ и Маргарита! говорилъ онъ самъ съ собою. — Впрочемъ и я хорошъ Фаустъ!... Однако трехъ радужныхъ нѣтъ — эдакое свинство, право!...

Съ этихъ поръ Сержъ сталъ осторожнѣе въ своихъ любовныхъ похожденияхъ...

На долго ли только?...

КРАСНАЯ БОРОДА,

(РАЗСКАЗЪ.)

— Синьоръ! Не найдется ли у васъ нѣсколько ничтожнѣйшихъ сантимовъ для поддержанія коммерціи бѣднаго пропойцы? Слова эти проговорилъ какой-то странный субъектъ, согнувшись въ просительной позѣ передъ столикомъ, за которымъ сидѣлъ молодой человѣкъ—повидимому изъ учащейся молодежи—и пилъ пиво. Тотъ поднялъ голову и поглядѣлъ на говорившаго. Тусклый свѣтъ лампы, висѣвшей по срединѣ грязной портерной, прямо ударялъ въ эту странную, полусогнутую фигуру, облеченную въ грязное, оборванное пальто. Старый, весь измятый „цилиндръ“ и нѣчто среднее между калошами и опорками, надѣтыми на босую ногу, дополняли костюмъ незнакомца.

— Такъ какъ-же, синьоръ, соблаговолите?.. Есть у меня „Царь Соломонъ“—можете за пятакъ всю свою планиду узнать, карточки тоже имѣются... секретныя-съ... пиканъ первый сортъ-съ!.. Хе, хе, хе!.. И онъ, таинственно подмигнувъ, полѣзъ было въ карманъ, но молодой человѣкъ остановилъ его.

— Не надо мнѣ ничего .. Возьмите это и можете уходить! брезгливо сказалъ онъ, сунувъ въ руку незнакомца какую-то монету.

— Вы презираете меня! нерѣшительно, съ тоскливою ноткою въ голосъ, проговорилъ незнакомецъ.—Ну, да... Я пьяница, негодяй, попрошайка... А знаете-ли, что

довело меня до этого?... Вы не хотите даже говорить со мною!.. Но я вамъ сейчасъ самъ скажу: всю жизнь преслѣдуетъ меня злой рокъ въ образѣ... моей бороды, при этомъ онъ ткнулъ на свою большую, красноватую бороду, окаймлявшую всё его болезненно-пухлое лицо.

— Вы не вѣрите, продолжалъ незнакомецъ, видя, что молодой человѣкъ недовѣрчиво смотритъ на него. — Не угодно-ли, я расскажу вамъ про свою печальную земную юдоль и тогда для васъ все будетъ ясно... Только соблаговолите мнѣ сначала стаканчикъ пивца...

— Лѣтъ десять тому назадъ—началъ онъ, выпивъ залпомъ налитый ему стаканъ съ пивомъ—я только что окончилъ курсъ въ семинаріи. Хотѣлъ сначала въ попы идти, потомъ раздумалъ, въ университетъ поступилъ. Шелъ я, изволите-ли видѣть, по историко-филологическому факультету, мечталъ современемъ учителемъ сдѣлаться, просвѣтителемъ юношества въ нѣкоторомъ родѣ—да-съ! Жилъ я урочишками, перебивался съ хлѣба на квасъ, какъ говорится... Просвѣщалъ я, между прочимъ, сынишку одного барина. Наружность что-ли ему моя понравилась, или характеръ мой смиренный пришелся по вкусу ему—не знаю я, только благоволить ко мнѣ баринъ ужасно, набавилъ по четвертаку за урокъ сверхъ положенной платы и даже снисходилъ до того, что иногда приглашалъ меня къ себѣ обѣдать, чай пить... Волей неволей я долженъ былъ познакомиться со всей его семьей и представленъ былъ между прочимъ его дочкѣ Надинѣ. Конфузился я сначала страшно,—кряхтѣлъ, потѣлъ и на всѣ вопросы отвѣчалъ какимъ-то односложнымъ мычаніемъ. Кончилось все это тѣмъ, что я безъ ума влюбился въ Надину, а она дѣйствительно хорошенькая была: блондинка, высокаго роста, стройная; бойка къ тому же бы-

ла — страхъ какъ! И все смѣялась надо мною, неуклюжимъ, угловатымъ семинаристомъ. Безумствовалъ я такимъ образомъ мѣсяца два—не сплю, не ѣмъ, только и думаю о своей Надинѣ. Наконецъ, дай, думаю, объяснюсь съ нею. Улучилъ удобную минуту и началъ ей въ любви своей пылкой изъясняться—долго говорилъ, хорошо говорилъ, откуда и краснорѣчіе взялось... А она слушаетъ мое объясненіе и на меня эдакъ пристально поглядываетъ, да вдругъ какъ захохочетъ. „Ахъ, говорить, и я бы васъ полюбила, если-бы... Ну, отгадайте: если-бы что?“ „Манеры, говорю, мои Надежда Павловна, неуклюжія, семинарскія... Это, не беспокойтесь, современемъ пройдетъ...“ „Не то, отвѣчаетъ, борода у васъ смѣшная... Почему она у васъ такая красная....“

Признаться я даже осовѣлъ отъ такой неожиданности, не помню, какъ и домой добрался. Придя немного въ себя, я схватилъ зеркало и сталъ свою бороду разглядывать; дѣйствительно — красная. И отпустилъ-то я ее, проклятую, мѣсяца два тому назадъ, думалъ, къ лицу она мнѣ. Вотъ тебѣ и къ лицу...

Захандрилъ я съ той поры страшно. На уроки къ этому барину больше не пошелъ—самолюбіе заговорило, а тоска такъ и гложетъ меня, хожу точно въ воду опущенный... Товарищи мои замѣтили, что со мною не ладное что-то творится. „Что, спрашиваютъ, съ тобою?“ „Померла, говорю, моя надежда и скончалася любовь!“ „Ну, отвѣчаютъ, не велика бѣда съ тобою случилась, живо тебя вылѣчимъ“... Принесли они вина, пива и напоили меня. Съ ихъ легкой руки запилъ я: весь годъ безъ просыпу пьянствовалъ, лекціи къ черту послалъ...

Наконецъ дѣло дошло до того, что пришлось изъ университета выходить, не кончивши курса... Тутъ я

опомнился, но было поздно... Походилъ я по Москвѣ; жили у меня здѣсь кое какіе родственники—всѣ больше тоже изъ кутейниковъ. Погоревали они со мною, прочли мнѣ кучу нотацій и въ концѣ концовъ втерли меня въ одну канцелярію. Мало по малу я освоился со своею новою обязанностію и дослужился даже до помощника столоначальника.

Въ это время случился у насъ въ канцеляріи переворотъ въ нѣкоторомъ родѣ: начальникъ новый пріѣхалъ. Представляемся мы ему. Очередь доходить до меня. Только что онъ увидѣлъ мою смиренную особу, какъ затопаетъ ногами, какъ закричитъ: „не потерплю!.. Вольнодумство-съ... Ступайте вонъ“!.. Выхожу я отъ него, точно не солоно похлебалъ. Что, думаю, за оказія?.. Столоначальникъ разрѣшилъ мое недоумѣніе. Подходить ко мнѣ послѣ занятій и говорить.

— Ну, батенька, и мнѣ изъ за васъ отъ начальства на орѣхи досталось. „Какъ вы, говоритъ, позволяете своимъ служащимъ носить бороды“!.. „Что-же тутъ, отвѣчаю, ваше—ство, предосудительнаго?.. Я самъ, если вы изволили замѣтить, съ бородой“...

„Ваша, говоритъ, ничего, а вотъ у вашего помощника нехорошая—съ красноватымъ оттѣнкомъ, а это, сами понимаете, какой цвѣтъ!... Опасный-съ!.. Вообще борода вашего помощника мнѣ не нравится... Распорядитесь!“

Какъ рассказалъ мнѣ всю эту исторію столоначальникъ, поблѣднѣлъ я даже... Опять, думаю, проклятая, стоитъ она мнѣ на дорогѣ!.. Тотчасъ-же со службы побѣгъ къ парикмахеру и сбрилъ ее... Не смотря на мою покорность, возненавидѣлъ меня съ той поры новый начальникъ, пройти мимо меня равнодушно не можетъ, тотчасъ-же пробурчитъ: „не потерплю... вольно-

думство... красный... Брр"!.. Сталъ онъ преслѣдовать меня, тѣснить; я-же сдѣлался точно сумасшедшій: кажется даже во снѣ бредилъ своею бородою. Въ концѣ концовъ до того дошелъ я, что на одномъ важномъ документѣ, вмѣсто своей фамиліи, подписалъ, „Красная борода“...

Конечно мнѣ тотчасъ-же послѣ такого пассажа надѣли на голову картузь и вручили аттестатъ — другими словами уволили. Шатался я безъ мѣста долго и очень много пилъ. Наконецъ удалось мнѣ попасть репортеромъ въ одну газетку. Шлялся я по Москвѣ много, а потому ежедневно приносилъ достаточный ворохъ разныхъ произшествій, скандаловъ, сплетенъ и тому подобное... Надоѣло наконецъ мнѣ это занятіе. Дай, думаю, самъ примусь литераторствовать: вѣдь не боги же въ самомъ дѣлѣ горшки-то обжигаютъ!.. Написалъ для первой пробы стихотвореніе и отдалъ редактору. На другой день возвращаетъ мое произведеніе обратно, да еще смѣется, разбойникъ!..

„Не годятся, говоритъ, ваши вирши“.. „Отчего? спрашиваю“... „Если хотите знать, то ужъ извините за откровенность, не годитесь вы въ поэты... Ну, посмотрите сами на себя — какой вы къ чѣрту поэтъ?.. Такую бороду носить, а еще въ поэты захотѣлъ!.. Ахъ вы, говоритъ, краснобородый Гейне"!.. Плюнулъ я прямо ему въ харю и ушелъ... Съ той поры запилъ я еще болѣе и мало по малу дошелъ, какъ видите, до настоящаго положенія... А всё она, борода моя проклятая, виновата!.. Замѣчаете, какая она, рѣдкая стала?.. Это я деру ее, какъ напьюсь пьянымъ, такъ и деру!.. А всё же ношу ее, какъ воспоминаніе о моей горькой судьбинѣ, какъ... Онъ не договорилъ. Одинокая слезинка по-

катилась по его щекѣ. Онъ вытеръ ее кулакомъ и, молча, не попрощавшись, направился къ выходу...

Молодой человѣкъ не удерживалъ его.

— Неужели это правда! думалъ онъ. — И неужели нѣтъ середины между Александромъ и Діогеномъ?..

ОТДѢЛЪ II.

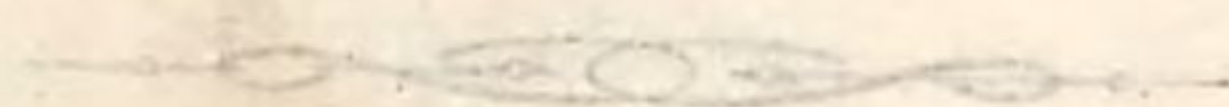
ВСѢМЪ СЕСТРАМЪ ПО СЕРЬГАМЪ.

Юмористическія стихотворенія и куплеты.

ОТДѢЛЪ II.

ВСЕМЪ СЕСТРАМЪ ИО СЕРПЦАМЪ.

Юмористическія стихотворенія и куплеты.

КАРАСИ И ЩУКИ.

(Фактики изъ житейскаго моря)

I.

Мудро всё создано въ природѣ. —
Про это скажетъ всякъ изъ насъ,
Не даромъ, право, въ этомъ родѣ
Въ простомъ, безхитростномъ народѣ
Пословицъ есть большой запасъ...
Народъ нашъ множество слагалъ
Пословицъ въ радости и въ горѣ, —
Вотъ напримѣръ хотъ онъ сказалъ:
*На то живетъ и щука въ морѣ,
Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ.*

II.

Законнымъ бракомъ сочетался
Одинъ почтенный, старый мужъ,
Но съ прежней жизнью не разстался, —
Съ холостяками больше знался
И часто въ клубъ ходилъ ктому-жъ...
Кузень красавецъ развлекалъ
Его супругу въ этомъ горѣ
А мужъ въ картишки все игралъ...
*На то живетъ и щука въ морѣ,
Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...*

III.

Чуть—чуть мерцаетъ въ будуарѣ
 Едва замѣтный полусвѣтъ...
 Супруга въ легкомъ пеньюарѣ,
 Кузень-же другъ въ любовномъ жарѣ
 Поетъ съ ней сладостный дуэтъ...
 Вдругъ, запыхавшись, мужъ вбѣжалъ,
 Кузену съ яростью во взорѣ
 Прическу сильно онъ помялъ...
*На то живетъ и шука въ морѣ,
 Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...*

IV.

Сынку довѣривъ какъ-то кассу,
 По дѣлу выѣхалъ купецъ...
 По сердцу то пришлось саврасу,
 И, захвативши денегъ массу,
 „Гулять“ отправился юнецъ...
 Пока отецъ сына искалъ,
 Кутилъ—мутилъ тотъ на просторѣ,
 Его мотая капиталъ...
*На то живетъ и шука въ морѣ,
 Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...*

V.

„Чертогъ сіялъ, гремѣли хоры“...
 Кутилъ въ „Ливадіи“ саврасъ.
 Шарлоты, Глаши, Даши, Флоры,
 Амальхенъ, Лизхенъ, Гретхенъ, Доры

Съ нимъ пировали всѣ заразъ...
 Юнецъ въ восторгѣ ликовалъ,
 Но вдругъ капуль его—о, горе—
 Подъ длань родителя попалъ.

*На то живетъ и щука въ моръ,
 Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...*

IV

Любила поиграть въ амуры
 Одна вдова преклонныхъ лѣтъ.
 Былъ капиталъ у этой дуры,
 А потому ей строилъ куры
 Одинъ блистательный корнетъ...
 Какъ ни великъ былъ капиталъ
 Вдова безъ денегъ стала вскорѣ;
 Корнетъ блистательный сбѣжалъ...

*На то живетъ и щука въ моръ,
 Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...*

IV.

Скандалъ затѣявъ какъ-то спьяну,
 Повѣсилъ носъ одинъ купецъ;
 Какъ и ему, такъ и карману
 Не выйти видно безъ изъяну...
 И въ самомъ дѣлѣ наконецъ
 Въ „Титы“ купчина нашъ попалъ...

Вздыхая тяжело на запорѣ,
 Онъ свой „карахтеръ“ проклиналъ...
*На то живетъ и щука въ моръ,
 Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ*

VIII.

Благодаря рекламѣ звучной,
 Текуть дождемъ въ журналъ рубли...
 И вотъ отъ этой жатвы тучной
 Издатель и его подручный
 Въ восторгъ несказанный пришли.
 Когда-жъ сталъ выходить журналъ,
 Ни капли смыслу въ этомъ вздорѣ
 Подписчикъ бѣдный не видалъ...
На то живетъ и шука въ моръ
Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...

IX.

Знакомый мой на сохраненье
 Внеся въ банкъ деньги подъ процентъ,
 Пришелъ невольно въ умиление:
 Росъ капиталъ на удивленье,
 Большой давая дивидентъ...
 Но вотъ однажды прибѣжалъ
 Ко мнѣ знакомый, въ страшномъ горѣ:
 Банкъ „крахнулъ“ вкладъ его пропалъ...
На то живетъ и шука въ моръ,
Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...

X.

Солидный кушикъ въ сакъ-вояжѣ
 „Пропалъ“ почтенный казначей,
 И при печальномъ томъ пассажѣ
 Одну судьбу винить въ пропажѣ

Смиренно онъ просилъ судей.
 Но казначей въ просакъ попалъ,—
 Въ его цвѣточныхъ тумбахъ вскорѣ
 Отысканъ былъ тотъ капиталъ...

*На то живетъ и щука въ моръ,
 Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...*

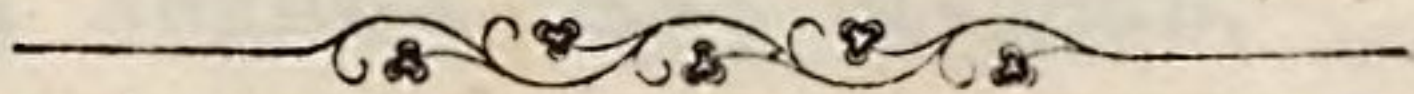
XI.

Неся въ журналъ свое крапанье,
 Мечталъ я деньги получить
 И въ этомъ сладкомъ упованьи
 Въ счетъ предстоящаго „даянья“
 Успѣлъ сюртукъ свой заложить...

Но цензоръ всё перемаралъ
 При строгомъ, тщательномъ обзорѣ...

Тогда, вздохнувши, я сказалъ:

*На то живетъ и щука въ моръ,
 Что-бъ тамъ карасикъ не дремалъ...*

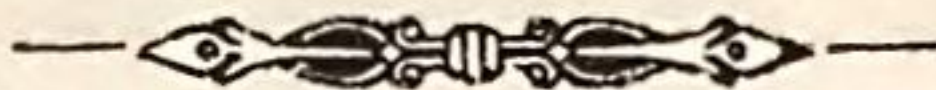

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Гуляя съ дѣвою бульваромъ,
Старался Франтъ ее развить,
И потому ей началъ съ жаромъ
Про женскій трудъ онъ говорить.

Имъ овладѣло увлеченье,
Когда предъ ней онъ развивалъ
Вопроса женскаго значенье.—
Франтъ былъ немножко либераль.—

Его рѣчь дѣва перебила:
—Ахъ, милый душака мой, когда-жъ
Сведешь меня—она спросила—
Ты на гулянье въ „Эрмитажъ?“

НАШИ МАГИ И ВОЛШЕБНИКИ.

I

Въ Петровскій паркъ со всѣхъ сторонъ
 Спѣшать любители новинокъ.
 У конки—скажемъ безъ обинковъ—
 Проклятья слышны, слезы, стонъ...
 Увы, мѣстовъ въ вагонѣ нѣтъ!...
 Неподалеку сонмъ каретъ,
 Колясокъ, дрожекъ, шарабановъ
 Несется длинной вереницей...
 Въ театръ Петровскій вся столица
 Попастъ и посмотрѣть готова
 На рядъ магическихъ обмановъ
 Антиспирита Казэнёва.

II

Зачѣмъ такъ жадно всѣ спѣшать
 Въ театръ, на эти представленья?
 Къ чему все это удивленье,
 И для чего такъ всѣ кричатъ?...
 Мы сами, волею небесъ,
 Повсюду видимъ тьму чудесъ,
 И право, даже Казэнёвы
 Смирено предъ судьбой спасуютъ,
 И наши „маги“ пусть ликуютъ,—
 Мы къ нимъ имѣемъ больше вѣры,
 Хотя ихъ фокусы не новы...
 Возьмемъ наглядные примѣры.

III

Мѣстечко „теплое“ занявъ,
 Знакомый зажилъ мой отлично,—
 Онъ началъ красть систематично,
 Премудрость тонкую понявъ...
 Но въ мірѣ есть всему конецъ,—
 Подъ судъ попалъ и нашъ дѣлецъ.
 Тогда, не медля, адвоката
 Онъ приглашаетъ для защиты...
 Передъ присяжными часъ битый
 Юристъ безбожно распинался,
 Рѣчь лилъ, какъ воду изъ ушата,
 И... воръ оправданнымъ остался.

IV

Я Пьера Пѣтушкова зналъ,—
 Онъ глупъ и пусть былъ безконечно,
 И темою насмѣшекъ вѣчно
 Служилъ всѣмъ этотъ фатъ, нахаль...
 Съ тѣхъ поръ прошло всего лѣтъ пять,
 Я съ Пьеромъ встрѣтился опять,
 Онъ сталъ—никто не отгадаетъ—
 Солиденъ, важенъ и приличенъ,
 Немножко даже педантиченъ,
 Всѣхъ перегналъ давно по службѣ...
 А отчего?—Онъ фокусъ знаетъ:
 Съ женой начальника онъ въ дружбѣ

V.

Реклама выпущена въ свѣтъ
 О выходѣ газеты новой

И съ „направленьемъ“ и съ „основой“,
 Чего, чего въ ней только нѣтъ!...
 Пошла реклама эта въ ходъ,—
 У насъ довѣрчивый народъ...
 Идетъ подписка быстро въ гору.
 Редакторъ руки потираетъ
 И барыши въ умѣ считаетъ...
 Потомъ, набравши денегъ массу,
 Онъ втихомолку, безъ раздору
 Вдругъ скрылся, захвативъ и кассу.

VI

Одинъ почтенный мужъ рѣшилъ
 Законнымъ бракомъ сочетаться
 И съ жизнью холостой разстаться,
 Хотя ужъ былъ и старъ и хилъ...
 Невѣсту скоро онъ нашелъ
 И съ нею подъ вѣнецъ пошелъ...
 И вотъ съ супругою примѣрной
 Онъ зажилъ счастливо, спокойно,
 Но—удивленія достойно!—
 Она такъ старичка любила,
 Такой была подругой вѣрной,
 Что... каждый годъ дѣтей дарила.

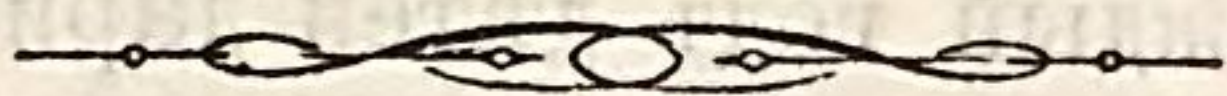
VII

Гроза бушуетъ, дождь стучить...
 Какъ вихрь, по насыпи высокой,
 Путь совершая свой далекій,
 Московскій поѣздъ въ Курскъ летитъ...
 Кругомъ болото и вода,
 Сухаго мѣста нѣтъ слѣда...

Вдругъ, трахъ! и поѣздъ весь въ обломкахъ...
 Крутая насыпь провалилась
 И все въ болотѣ очутилось...
 Ну, какъ же намъ не удивляться,
 Когда на нашихъ костоломкахъ
 Такіе фокусы творятся!...

VIII

Довольно!... Нужно вѣдать честь
 И прекратить свои рассказы,—
 Различныхъ „маговъ“ всѣ проказы
 Намъ никогда не перечестъ...
 Для разныхъ „фокусовъ“ въ нашъ вѣкъ
 Должно-быть созданъ человѣкъ:
 Путейцы, техники, крестьяне,
 Профессора, врачи, коготки,
 Всѣ по одной танцуютъ ноткѣ...
 И можно повторить намъ снова,
 Что, посмотрѣвъ на ихъ дѣянья,
 Смотрѣть не стоитъ Казанѣва.

IX

ДВА НАПИТКА.

I.

Когда я юношею былъ,
Горѣлъ во мнѣ огонь желаній.
Я дѣву чудную любилъ,
Ей съ сотню стансовъ посвятилъ
И полонъ былъ очарованій...
Восторгъ души моей не стихъ,
Я на Олимпъ, къ богамъ забрался;
Звучалъ торжественно мой стихъ,
И я въ мечтаніяхъ своихъ
Нектаромъ сладкимъ упивался.

II

Вотъ наконецъ женился я,
Настало чудное мгновенье!..
„Царица грезъ“—жена моя,
Головку милую склоня,
Лепечеть что-то мнѣ въ смущеньи...
Но вскорѣ кончился мой пиръ,
О счастья знаю я по слуху,
Жена—не ангелъ, а вампиръ...
Мнѣ опротивѣлъ божій міръ,
И сталъ я пить теперь.. сивуху...

АМУРЪ И МОМУСЪ.

(Б А С Н Я.)

Въ глубокой древности случилось торжество,
Зевеса праздновался день рожденья.
Конечно весь Олимпъ, всѣхъ ранговъ божество
Помчалось къ нему для поздравленья.
Въ приѣмной у него—хотя былъ ранній часъ—
Какъ мухи иль шмели жужжали визитёры,
Всѣ боги и божки давно ужъ были въ сборѣ....

Вѣдь и у насъ

Считается за свѣтскій лоскъ и шикъ
Китайскихъ церемоній всѣхъ держаться,
Съ визитами таскаться, высуня языкъ,
Въ передней выхода начальства дожидаться...
Блюлся, какъ надо полагать,
И у боговъ обычай этотъ встарь...
Вотъ вышелъ наконецъ домашній секретарь
И объявилъ, что Зевсъ изволить принимать...
Въ порядкѣ боги двинулись къ Зевесу въ кабинетъ,—
Всѣ соблюдали строгій этикетъ
Между собой и дисциплину:
Впередъ шелъ тотъ, кто старше былъ по чину,
А мелкота,
Такъ та
Тузамъ дорогу уступала...

Но дѣло тутъ не обошлось безъ скандала.

Амуръ—любви божокъ и Момусъ—богъ глупцовъ,

Заспорили, на комъ изъ нихъ поболѣе чиновъ,

Кто долженъ впредь явиться

Зевесу поклониться...

— Дорогу мнѣ! кричитъ Амуръ.

— Нѣтъ я впередъ пойду, такъ Момусъ возражаетъ —

Я богъ всѣхъ дураковъ, всѣхъ дуръ,

А этого добра—конечно всякій знаетъ—

Еще остались непочатые углы—

Посмотришь—будто люди, на дѣлѣ-же—ослы...

Конечно я тебя важнѣе:

Вѣдь ты—всего любви божокъ

Въ сравненіи со мной мальчишка и щенокъ...

Такъ дай-же мнѣ дорогу поскорѣ!..

— Однако ты, милѣйшій, не ругайся—

Меня щенкомъ, мальчишкой не зови,

Любому дураку и то не въ мочь—сознайся—

Себя считать свободнымъ отъ любви...

Съ дороги прочь!.. Иду къ Зевесу я!..

Тутъ Момусъ, разобидясь не шутя,

(Вѣдь дураки куда какой обидчивый народъ!)

Не только не пускалъ божка впередъ,

Но даже въ бой вступилъ съ нимъ въ рукопашный,

И жаждой мщенія горя,

Онъ изувѣчилъ его страшно, —

Въ азартѣ какъ-то, сдуру,

Подставивъ два такихъ огромныхъ „фонаря“

Подъ очи бѣдному Амуру,

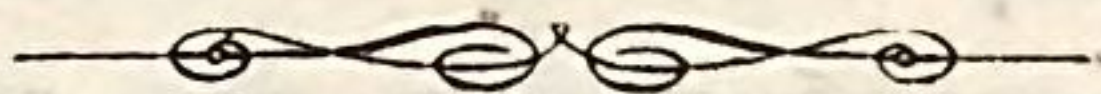
Что зрѣнія совсѣмъ его лишилъ...

Заплакалъ, застоналъ божокъ, что было силъ,

Оставшись безъ глазъ...

И въ этомъ жалкомъ видѣ

Онъ побѣжалъ тотчасъ
 Зевесу жаловаться о своей обидѣ...
 Обоихъ выслушавъ, изрекъ Юпитеръ такъ:
 — „Послушайте меня, что говорить я буду,—
 Ты, Момусъ, бѣшенный дуракъ,
 Ослѣпшаго отъ рукъ твоихъ Амура сопровождай
 повсюду,
 Будь дядькою его ты за провинность эту,
 Води его туда, куда онъ пожелаетъ“...
*Любовь слѣпая бродитъ съ той поры по свѣту,
 А глупость жалкая всегда ее сопровождаетъ.*

В Ы Б О Р Ъ.

„Три богини спорить стали
На горь, въ вечерній часъ“...

Трое юношей предстали
Передъ дѣвой молодой—
Трое равно обладали
Силой, разумомъ, красой....

—О, чудесное созданье!
Такъ сказалъ одинъ изъ нихъ—
Возбудила обожанье
Ты къ себѣ во всѣхъ троихъ....

Любимъ мы тебя всѣ страстно—
Такъ объ этомъ ты и знай....
Не томи же насъ напрасно,—
И любого выбирай!....

—„Я сама любовной жаждой
Вся томлюся и горю
Только пусть откроетъ каждый
Мнѣ профессію свою“....

И отвѣтилъ первый смѣло:
—По профессіи я юристъ
И когда возьмусь за дѣло,
То ужасно какъ рѣчишь!....

Хоть и пахнетъ рѣчь водицей,
Всѣ-жъ за этотъ милый даръ
Получаю я сторицей
Отъ кліентовъ гонораръ....

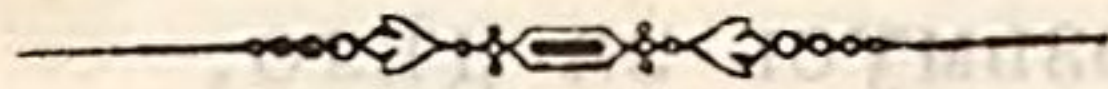
—Лучше нѣтъ моей карьеры!
Началъ рѣчь свою другой.—
На чугунокѣ инженеры
Всѣ вѣдь кушъ берутъ большой.

Столкновенье-ли случится
Поѣздъ съ рельсовъ-ли слетитъ—
Инженеръ тотчасъ-же мчится
И поправить путь спѣшитъ.

Смотришь —суточные дали,
Ежегодно —тьма наградъ...
Ну, соперникомъ едва-ли
Быть мнѣ можетъ адвокатъ!...

Тутъ воскликнулъ гордо третій:
—Мой прелестнѣйшій кумиръ,
Что сказать хвальбишкамъ этимъ
Можетъ банковый кассиръ!?

И къ кассиру, улыбаясь,
Дѣва томно подошла
И сказала: Боги! каюсь,
Идеаль я свой нашла!...

ЖИТЕЙСКІЕ КОНТРАСТЫ.

(Изъ личныхъ наблюденій.)

I.

Рядъ цѣлый житейскихъ страстишекъ
Газетный писака клеймить
И съ пафосомъ жаркимъ громить
Порочныхъ и грязныхъ людишекъ...
Хотя нашъ писака глядитъ
На прочихъ людей строгимъ окомъ,
Но самъ, зараженный порокомъ,
Общественный онъ паразитъ...
Его-же статьи читая,
Сочтутъ, что онъ личность святая.

II.

Кузьма Алексѣичъ порою
Начнетъ толковать, что въ нашъ вѣкъ
Единственный онъ человѣкъ,
Который за правду горою
Всю жизнь свою твердо стоитъ,
Что онъ безкорыстенъ и честенъ
И честностью всѣмъ онъ извѣстенъ...
Однако-же сей Аристидъ—
Я въ скобкахъ скажу—сплошь и рядомъ
Грѣлъ руки по разнымъ подрядамъ.

III.

Графиню N. N. всякій знаетъ,—
 Она неприступно-горда.
 Хотя въ бѣднякахъ иногда
 Участье она принимаетъ,
 Но женщинѣ падшей помочь
 Она ни за что не согласна...
 Ну кто-жъ потакать—и такъ гласно—
 Разврату найдетъ въ себѣ мочь?!...
 Графинѣ-жъ самой не въ новинку
 Интрижки вести подъ сурдинку.

IV.

А вотъ казначей для спасенья
 Души своей часто ходилъ
 Въ храмъ Божій—и тамъ возносилъ
 Въ слезахъ за сиротъ онъ моленья...
 И всякій конечно считалъ
 Чуть-чуть не святымъ его мужемъ...
 Вдругъ онъ—вмѣстѣ съ нимъ мы потужимъ—
 Сиротскій „проспалъ“ капиталъ!...
 Но кушъ послѣ розысковъ точныхъ
 Нашли... въ его тумбахъ цвѣточныхъ.

V.

Въ богатомъ салонѣ недавно
 Собрался сонмъ мудрыхъ людей
 И съ миною строгихъ судей
 „Мужицкій вопросъ“ стали рьяно
 Въ деталяхъ во всѣхъ разбирать;

И вскорѣ пришли къ заключенью,
Что началъ—по ихъ убѣжденью—
Отъ пьянства народъ погибать...
На этомъ они порѣшили
И... до разсвѣту кутили.

VI.

Признаться, не прочь мы немного
Другихъ посудить, господа,
Хотя про себя никогда
Не скажемъ особенно строго...
Въ своихъ прегрѣшеньяхъ винить
Мы, кажется, свѣтъ весь готовы
И ближнему выстроить ковы,
На немъ рады желчь мы излить...
Поэтому такъ вѣдь и часты
Житейскіе съ нами контрасты.

СТРАННЫЙ СОНЪ.

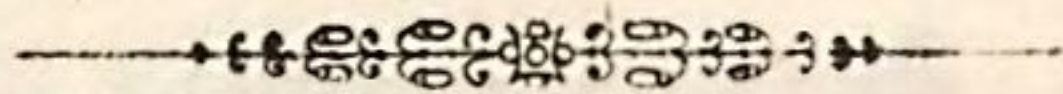
—Разскажи мнѣ, ангелъ милый,
Что ты видѣла во снѣ?
Приставалъ супругъ ревнивый
Къ молодой своей женѣ.

—Разскажу всю правду, душка,
Я ни въ чемъ тебѣ не лгу...
Снилось мнѣ, что я—пастушка
И гуляю по лугу.

Пастушекъ со страстнымъ взглядомъ,
Взволновавшимъ мнѣ всю кровь,
Шелъ со мною будто рядомъ,
Напѣвая про любовь...

Я внимала пѣснѣ жадно...
Вдругъ исчезъ мой пастушекъ...
Появился быкъ громадный
Съ преогромный парой рогъ.

И представъ, какъ задрожала,
Испугалась страшно я,
Въ томъ быкъ когда узнала
Ангелочекъ мой... тебя.

ЛЮБОВЬ И УГОЩЕНИЕ.

(Изъ самыхъ, что ни на есть, настоящихъ испанскихъ нравовъ.)

Донъ Кутилло ходить мраченъ,
Заложивъ въ карманы руки,—
День весь такъ былъ неудаченъ!...
Отъ безденежья, отъ скуки
Вышелъ донъ пройтись бульваромъ.
Вечеръ былъ такой прекрасный,—
Лунный свѣтъ съ улыбкой ясной
Освѣщаль прохожихъ даромъ,
Приводя тѣмъ, безъ сомнѣнья,
Думскихъ гласныхъ въ умиленье..

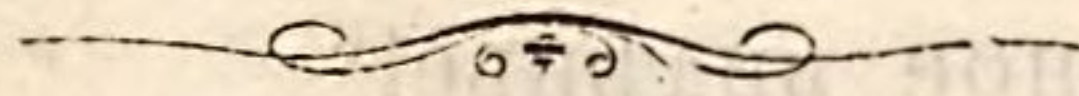
Вдругъ Кутилло быстрымъ взглядомъ
Дѣву чудную замѣтилъ...
Поровнявшись съ нею рядомъ
Взоръ ея онъ страстный встрѣтилъ,
И отъ этого отъ взора
Воспылалъ нашъ донъ сердечно...
Мигъ одинъ— и онъ конечно
Въ дѣву былъ влюбленъ безъ спора,
И тотчасъ же въ увлеченьи,
Донъ ей сдѣлалъ объясненье:
— „О, чудесное видѣнье!“
Молвилъ донъ въ любовномъ жарѣ,—
„Вѣрь ты въ руку провидѣнья,
„Вѣрь,—не даромъ на бульварѣ,

„Пораженный красотою,
 „Полюбилъ тебя я страстно...
 „Образъ твой въ душѣ всечасно
 „Буду зрѣть я предъ собою...
 „Я дрожу... Я такъ и млѣю,—
 „Будь подругою моею!“

— „Ахъ, не вѣрю я въ признанья,
 Томно дѣва отвѣчала—

„Что мнѣ клятвы, что лобзанья?...
 „Это такъ все пошло стало!...
 „Въ этомъ даже нѣтъ значенья...
 „Говорю не безъ причины,—
 „Всѣ измѣнщики мущины...
 „Впрочемъ, если-бъ угощенье,
 „То любить я васъ готова...“
 Молвилъ донъ тогда сурово:

— „Какъ ты, дѣва, низко пала!
 „Въ сердцѣ нѣтъ твоемъ влеченья!
 „Если ты коварно стала
 „Толковать про угощенье...
 „Но осталась ты въ изъянѣ,—
 „Я теперь тебѣ признаюсь:
 „У меня одинъ лишь—каюсь—
 „Только гривенникъ въ карманѣ!...“
 И поплелся донъ Кутилло
 Отъ красавицы уныло.

НА ДАЧУ!...

(Монологи и діалоги въ лицахъ.)

I.

— Не плачь, хорошая моя,
Не хныкай, миленькая крошка!...

Ты знаешь, душечка, что я
По службѣ маленькая сошка...

— Ахъ, замолчите!... Вы—тиранъ!...

Къ чему мнѣ жалкій жребій данъ?!

— Позволь тебѣ сказать, мой другъ,
Что ты—престранное созданье...

Пойми,—на дачу твой супругъ

Тебя везти не въ состояньи...

— Не мужъ вы, право, а уродъ,
Пренизкій, грязный идіотъ!...

— Ну, задала ты мнѣ задачу!...

Пойми хоть то, моя душа,

У насъ съ тобой нѣтъ ни гроша...

— А все-жъ, тиранъ, наймите дачу!...

II

— Матап, довольны ли вы мной?...

Была всегда я въ вашей волѣ,

И вы для дочери родной

Должны все сдѣлать поневолѣ...

— А гдѣ-жъ обѣщанный женихъ?

Съ тобой не хватитъ средствъ моихъ!...

— Матап, я честью вамъ клянусь,

Ужъ будьте вы покойны въ этомъ,—

За умъ, за разумъ я возьмусь
 И выйду за мужъ нынче лѣтомъ...
 — Какъ буду рада я, мой другъ,
 Когда уйдешь съ моихъ ты рукъ,
 Пошли Господь тебѣ удачу!...
 — Матап, одинъ лишь уговоръ,—
 Введите вы себя въ раззоръ,
 Наймите, миленькая, дачу!...

III.

— Агаша! Кончился нашъ торгъ...
 Укладывай мои наряды...
 — Къ чему вашъ, барышня, восторгъ
 И ваши радостные взгляды?...
 — Пойми,— мой скряга, мой старикъ,
 Купилъ мнѣ дачу—просто шикъ!...
 Агаша, завтра же, чуть свѣтъ
 Устрой пожалуйста, чтобъ съ нами
 На дачу выѣхалъ корнетъ,
 Тотъ... знаешь... съ черными усами...
 Устрой пожалуйста, но такъ,
 Чтобъ не пронюхалъ мой колпакъ...
 Теперь и я кой-что вѣдь значу:
 Шутить—шалишь—нельзя со мной,—
 Я вдвое поднимусь цѣной,
 Имѣя собственную дачу!...

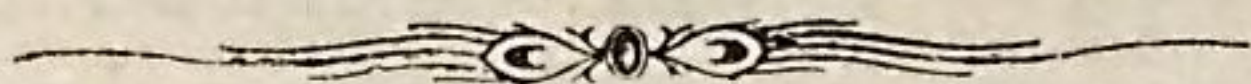
IV.

— Кить Китычъ, миленькій, уважь—
 Поѣдемъ мы съ тобой на дачу...
 — Откинъ, супружница, ты блажь,
 Я деньги на пустякъ не трачу...

Молчи... Ни слова... Ни гугу...
 Не то согну тебя въ дугу!...
 — Китъ Китычъ! Будь такъ добръ,—найми
 Мнѣ дачу въ нынѣшнее лѣто,
 Вѣдь у родителей—пойми—
 Ни въ чемъ не знала я запрета...
 И на тебя находить блажь
 Возить мамзелей въ „Эрмитажъ“,
 А я сижу одна да плачу...
 — Вотъ видишь этотъ мой кулакъ—
 Скажи словечко хоть не такъ,
 Ужъ пропишу тебѣ я дачу!...

V.

— Ура!... Я деньги получилъ...
 Рѣшенъ вопросъ былъ многотрудный.
 Весь скарбъ осенній я вручилъ
 На сохраненье кассѣ ссудной...
 Конечно есть резонъ на то,—
 Въ жару зачѣмъ носить пальто?...
 Потомъ съ издателя былъ взятъ
 Мной гонораръ за сотню стансовъ...
 Теперь поэту чертъ не братъ,—
 Я—Ротшильдъ, Крезъ на счетъ финансовъ!...
 Итакъ, на первыхъ же порахъ,
 Лечу на всѣхъ я парусахъ,
 Чтобъ взять извозицью мнѣ клячу...
 — Куда несутъ тебя мечты?...
 Поэтъ, куда стремишься ты?...
 — Я ѣду—чертъ возьми—на дачу!...

ПРЕРВАННАЯ ПОЭМА.

(Эпизодъ изъ жизни пѣнты).

Блескомъ солнечнаго свѣта
Обливается Эллада.
Вся природа разодѣта,
Блещетъ свѣжестю наряда,
Какъ прелестный образъ дѣвы
Въ одѣяньи новобрачномъ...
Мелодичные напѣвы
Слышны въ воздухѣ прозрачномъ,
То въ пылу любовной муки
Пастушекъ выводить трели, —
Пѣснь поетъ... И льются звуки
Въ тонъ пастушеской свирѣли,
И полна тамъ пѣснь отрады
На гористомъ, дальнемъ склонѣ,
Видны лозы винограда,
Чуть колеблются лимоны,
Зрѣютъ фиги, апельсины,
Рощи миртъ благоухаютъ...
(Къ черту Греціи картины, —
Какъ клопы меня кусаютъ!..)

КЛУБНИКА.

(Изъ лѣтнихъ мотивовъ)

„Напрасно, разнощикъ, ты въ окна глядишь
Подъ бременемъ сладостной ноши“.

I.

Напрасно, разнощикъ, ты въ окна глядишь...
Животъ надрывая отъ крика,
Напрасно ты голосомъ звонкимъ кричишь:
„Клубника, садова клубника!“

Взгляни, что творится на свѣтѣ вокругъ,
Внимательно, милый, взгляни-ка,
Тогда перестанешь горланить, мой другъ:
„Клубника, садова клубника“!...

II.

Идетъ старикашка... Чрезъ силу ползутъ
Его престарѣлыя ноги...
Навѣрно руину такую ужь ждутъ
Давно погребальныя дроги...

Къ чему-же изысканъ такъ старца нарядъ?...
Завить, раздушенъ онъ при этомъ...
Румянами блѣдныя щеки горять,
Станъ дряблый затянуть корсетомъ...

На женщинъ, на дѣвушекъ жадно глядитъ
 Старикъ съ сладострастною миной,
 Народъ-же смѣясь на него, говоритъ:
 „Ползетъ вонъ жеребчикъ мышиный“!..

— „Мышиный жеребчикъ“... Зачѣмъ, почему
 Дана старику эта кличка?...
 Затѣмъ, милый мой, что по вкусу ему
 Приходится очень *клубничка*...

III.

Вотъ нѣкая дама балзаковскихъ лѣтъ,
 Устроивъ обѣдъ похоронный,
 Послала супругу послѣдній привѣтъ,
 Въ наслѣдство взявъ кушъ миллионный...

Покойный къ супругѣ при жизни былъ строгъ...
 Понятно, оставшись вдовою,
 И справивши тризну, не чуяла ногъ
 Въ восторгѣ она подъ собою...

Балы, маскарады безъ всякихъ предѣлъ,
 Смѣняясь, идутъ вереницей...
 Должно быть бѣсенокъ лукавый засѣлъ
 Въ ребро неутѣшной вдовицы.

„Красавецъ мущина“ — лихой молодецъ,
 Типъ этотъ у насъ не въ новинку
 Во вдовушкинъ полный забрался ларецъ,
 Что-бъ руки тамъ грѣть подъ сурдинку.

— Однако у дамы какъ вкусъ развращень,
 Какія, посмотришь, привычки!..

—Напрасно, разнощикъ, ты такъ возмущенъ,
Вдовѣ захотѣлось *клубнички*...

IV.

Одинъ холостякъ, выбиваясь изъ силъ,
Что-бъ выйти изъ долга скорѣе,
Съ богатою дѣвой себя порѣшилъ
Узами связать Гименея...

Однако не кинулъ совсѣмъ муженёкъ
Привычку и страсть селадона:
Онъ вскорѣ нашелъ для себя уголокъ,
Гдѣ славилъ тайкомъ Купидона...

Супруга конечно, скучая одна,
Пошла по такой-же дорожкѣ...
Нашелся другъ дома—и вскорѣ она
Супругу приставила рожки...

—Такъ вотъ отъ чего у супруговъ порой
Бываютъ семейныя, стычки?..

—Бываютъ, разнощикъ,—когда мужъ съ женой
Вдругъ оба захочутъ *клубнички*,

V.

Есть нѣкій журнальчикъ „Гороховый Шутъ“...
Въ порядочный домъ, безъ сомнѣнья,
Въ переднюю даже его не возьмутъ,—
И тамъ онъ вселить отвращенье...

За то посмотри-ка, съ восторгомъ какимъ,
Съ какимъ неподдѣльнымъ привѣтомъ
Встрѣчается этотъ журнальчикъ гнилымъ,
Развратнымъ у насъ полусвѣтомъ...

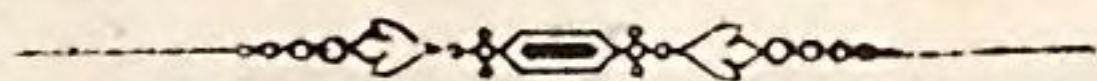
—Зачѣмъ „Шутъ“ презрѣнъмъ такимъ заклеименъ?

—Затѣмъ, милый мой, что въ отличку
Отъ прочихъ журналовъ читателю онъ
Всегда преподноситъ *клубничку*...

VI.

Я могъ-бы, разнощикъ, еще рассказать
Хоть съ сотню подобныхъ примѣровъ...
Но впрочемъ къ чему намъ съ тобой раздражать
Безъ пользы толпу лицемѣровъ...

Когда пораздумаешь, —самъ ты поймешь,
Какъ въ мірѣ всё скверно и дико...
Напрасно, разнощикъ, ты звонко поешь
„Клубника, садова клубника“...

НАДЕТЪЛЪ СЪ КОВШОМЪ НА БРАГУ!

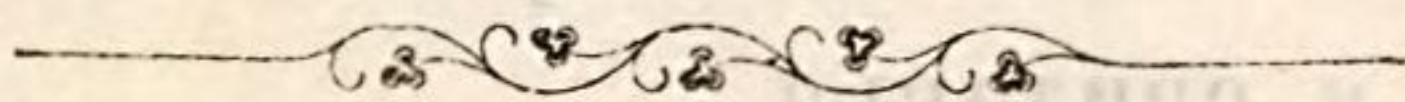
(Изъ дачныхъ воспоминаній.)

I.

Скука—черть возьми—на дачѣ,—
 Денегъ нѣту ни копейки...
 Вѣкъ терплю я неудачи
 Отъ судьбины, отъ злодѣйки!..
 То квартирная хозяйка
 Мнѣ свои выводитъ трели,
 „За квартиру молю подай-ка
 Мнѣ на этой же недѣлѣ!“
 То мерзавцы кредиторы
 Лѣзутъ вплоть до самой ночи,
 Посылая мнѣ укоры...
 Просто жить не стало мочи!..
 Вдругъ—о радость, упоенье!
 Прочь печальные напѣвы!..
 Граціозное видѣнье,
 Въ видѣ, эдакъ, милой дѣвы,
 Переѣхало недавно
 Vis-à-vis со мной, на дачу...
 Заживу теперь я славно,
 Я предчувствую удачу!..
 Не теряя время даромъ,
 Отъ прелестнаго созданья
 Принялся съ великимъ жаромъ
 Добиваться я свиданья.

II.

Свѣтитъ мѣсяцъ свѣтомъ нѣжнымъ,
 Вкругъ — безмолвная пустыня,
 Въ одѣяньи бѣлоснѣжномъ
 Предо мной — моя богиня...
 Говорю я дѣвѣ страстно,
 На колѣни павъ въ экстазѣ:
 „Не губи меня напрасно!..
 Вѣрь ты мнѣ — въ твоёмъ отказѣ
 Вижу я себѣ паденье,
 Гибель въ немъ моя таится,
 На яву и въ сновидѣньи
 Я готовъ къ тебѣ стремиться...
 Знай, что въ сердцѣ образъ милый
 Твой останется на долго“!...
 Неизвѣстный мнѣ верзила
 Съ рожей яростной бульдога
 Вдругъ выходитъ изъ-за лѣса,
 Крикнувъ мнѣ при этомъ громко:
 — „Что ты дѣлаешь, повѣса!?...
 Эта дѣва экономкой
 Мнѣ ужъ года два какъ служить,
 Служить такъ всегда исправно,
 Хорошо бѣлье утюжить,
 Исполняетъ всё такъ славно...
 Чешетъ мнѣ прелестно пятки...
 Прочь пошелъ отъ насъ скорѣ!..
 Я пустился безъ оглядки,
 Весь отъ страха леденѣя...

МИЛЛІОНЫ ИСЧЕЗЛИ!...

(Страшное сказаніе.)

1.

Городокъ нашъ не обширенъ,
Мостовыхъ тамъ нѣтъ въ поминѣ;
Онъ всегда и тихъ и миренъ
Грязновать хотъ и понынѣ,

Есть тамъ земское собранье,
Полицейское правленье,
Часть, общественныя зданья,
Два трактирныхъ заведенья.

Въ этомъ городѣ издавна
Мужъ великій обитаетъ,
Жизнь свою провелъ онъ славно,
Вся его Россія знаетъ...

Понимая поговорку:
„Не кладите въ ротъ мнѣ палецъ“,
Мужъ сей нажилъ въ тихомолку
Очень круглый капиталецъ.

И за эту добродѣтель,
Что-бъ стоялъ за всѣхъ горою,
Какъ „общественный радѣтель“
Онъ былъ выбранъ головою,

II.

Вотъ однажды для совѣта
Онъ согражданъ созываетъ
Въ позу вставъ, а la Гамбетта,
Имъ онъ громко возвѣщаетъ

„Мужи граждане! Вонмите
Вы словамъ моимъ немногимъ,
И отвѣтъ мнѣ свой скажите,
Какъ должно быть судьямъ строгимъ.

„Въ наше время—всякій знаетъ—
Капиталъ на первомъ планѣ,
Роль онъ главную играетъ,
Безъ него мы всѣ въ изъянѣ.

„А по этой-то причинѣ
Учрежденье мы устроимъ;
Ну давайте-же хоть нынѣ
Городской свой банкъ откроемъ“...

Тутъ его слова прервали
Шумомъ, гамомъ, крикомъ, воемъ,
Всѣ сограждане кричали:
„Да, откроемъ!... Да, откроемъ!...

И оратора въ экстазѣ
Обнимали, цѣловали,
Ну, восторгъ при этомъ разѣ
Могъ описанъ быть едва-ли...

III.

Вотъ и новый банкъ открылся...
Съ необычной быстротою

Слухъ о банкѣ разносился.
Вклады всё росли горою.

Предсѣдателемъ конечно
Мужъ былъ выбранъ велемудрый,
Тотъ, который такъ сердечно
Далъ совѣтъ гражданамъ мудрый.

Слава банка возрастаетъ.
Ежегодному отчету
Всякъ, конечно, довѣряетъ,—
Въ немъ ошибокъ ни на іоту.

Видно все, какъ на ладонѣ:
Дебетъ, кредитъ—все въ порядкѣ,
И балансы подведёны,
Цифры всѣ такъ точны, гладки...

IV.

Время шло... Со всякимъ годомъ
Банкъ всё больше расцвѣтаетъ...
Вдругъ... тихонько, заднимъ ходомъ
Предсѣдатель исчезаетъ.

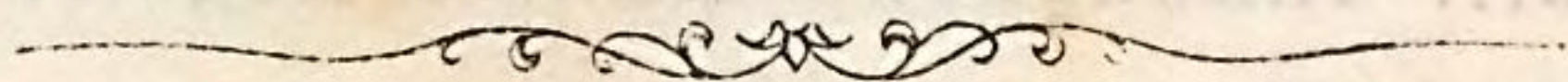
Въ кассу кинулись—и что-же!?...
(Такъ на свѣтѣ все превратно!)
Милліоны—о, мой Боже!—
Всѣ исчезли безвозвратно...

Милліоны!... Эко слово,—
Денегъ—цѣлыя плеяды!...
Воротились знать къ намъ снова
Времена „Струсбергiады“.

Гдѣ же скромный нашъ отшельникъ?
Предсѣдатель гдѣ достойный?...
Онъ вѣдь вовсе не мошенникъ,
Правда,—воръ онъ, но... миллионный...

Впрочемъ, если и пройдетъ
Онъ въ Сибирь, пройдетъ смѣло,
Вѣдь за прежнее возметъ
Онъ и тамъ, конечно, дѣло...

Только вкладчики сознались,
Горемычно носъ повѣся,
Что они одни остались
„При печальномъ интересѣ“.

С В И Д А Н И Е.

Ну, ей-Богу-же съ Испанскаго!

Ночь. Темно. На небосклонѣ
Блѣдный свѣтъ луны мерцалъ.
Пѣснь любви прелестной доннѣ
Стройный рыцарь напѣвалъ.

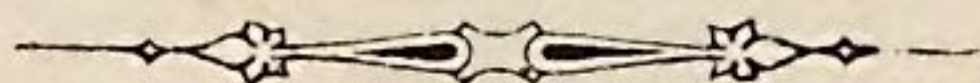
—Будь порукой мнѣ Мадонна,
Честью я своей клянусь,
Что люблю тебя, о, донна,
По тебѣ одной томлюсь!..

За любовь твою, за ласки
Всё готовъ тебѣ отдать...
Эту шейку, ручки, глазки,
Стану вѣкъ я лобызать!

Ну, не медли-же отвѣтомъ,
Не томи меня, не мучь,
Подари скорѣй привѣтомъ,
Дай надежды свѣтлый лучъ!....

Звѣзды блещутъ... Страстью дивной
Голосъ рыцаря звучить,
И на это такъ наивно
Донна, млѣя, говорить;

—Славный рыцарь! Два, три слова
На твою отвѣчу рѣчь;
Я любить тебя готова,
Только прежде... обезпечь.

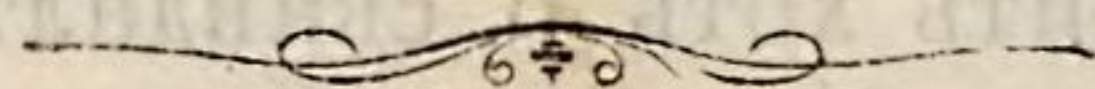
ГИТАРА И ЛЮБОВЬ.

(Изъ дачныхъ воспоминаній.)

Разъ гуляя ночью лунной
 Передъ дачей юной дѣвы
 Въ тактъ гитары семиструнной
 Бралъ я страстные напѣвы:
 „Отчего, моя красотка,
 Не сойдешь ко мнѣ съ привѣтомъ?
 Посмотри,—повсюду кротко
 Свѣтитъ мѣсяцъ блѣднымъ свѣтомъ...
 Сладко вечера дыханье...
 Выходи, моя Аннета,
 Выйдь ко мнѣ ты для лобзанья“
 И—утѣшь скорѣй поэта!..
 —„Ахъ, не пой мнѣ серенады!—
 Голосъ дѣвы вдругъ раздался—
 Мнѣ любви твоей не надо,
 На Парнассъ ты, другъ, забрался,
 Денегъ тамъ дается мало,
 А по этой-то причинѣ
 Предпочтеніе я стала
 Отдавать теперь купчинѣ...
 Хоть онъ малый не казистый,
 Но... онъ фабрику имѣетъ,
 Отъ него барышъ мнѣ чистый...
 Кто-жъ соперничать съ нимъ смѣетъ?..

—О, коварная ты Анна!
 Отвѣчалъ я тутъ уныло,
 Это очень даже странно,
 Что-бъ меня ты разлюбила,
 Что-бъ меня такого франта,
 Сердцеѣда, молодчину,
 Промѣнять на фабриканта,
 Толстопузаго купчину—
 Это просто невозможно!..
 А купцу—клянуса честью,
 Говорю тебѣ не ложно—
 Отплачу я страшной местью!

—„Не грози купцу ты местью,
 Башмаки, два платья новыхъ
 Справилъ мнѣ купецъ честь честью,
 Далъ кому-же сто цѣлковыхъ...
 Не гляди же такъ спѣсиво,
 У тебя отъ гонорара
 Не осталось и на пиво,
 Лишь одна съ тобой гитара“...
 Съ той поры предъ дачей дѣвы
 Не пою я ночью лунной
 Мелодичные напѣвы
 Въ тактъ гитары семиструнной...

СТРАШНОЕ СЛОВО.

(Посвящается прекрасному полу.)

Mesdames! Прощенья для поэта
 Прошу у васъ смиренно я
 Прещекотливаго предмета
 Сейчасъ коснется рѣчь моя.

Но всё-жъ, mesdames, не ужасайтесь,—
 Я буду скромень ей же, ей!
 И вы безтрепетно рѣшайтесь
 Меня послушать поскорѣй:

Когда у васъ есть обожатель,
 (А у кого изъ васъ ихъ нѣтъ?)
 И вы—ужь кстатили не кстатиль—
 Съ нимъ остаетесь tete-à-tete,

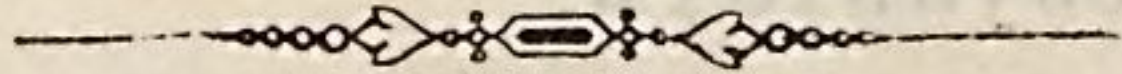
Совѣтъ мой: можете вы смѣло
 О чемъ угодно съ нимъ болтать,
 За чепуху, положимъ, дѣло
 И чушь за дѣло выдавать.

Ну, говорить хоть о скандалѣ:
 Какой N. N. натянуть носъ,
 Сказать кой что о прошломъ балѣ,
 Затронуть женскій вскользь вопросъ,

Спросить, какія шляпки въ модѣ,
 Пропѣть романсикъ наизусть,
 Сказать два слова о погодѣ,
 Хвалить Аксаковскую „Русь“...

Не говорите одного вы,
 А то, увы, прощай любовь!
 Сраженъ поклонникъ вашъ сурово
 Отъ этой будетъ пары словъ...

Бѣжить отъ васъ онъ безъ оглядки:
 Никто вѣдь самъ себѣ не врагъ!...
 Mesdames! Играть не будетъ въ прятки,
 Словечко то: законный бракъ.

НѢЧТО О ПОЦѢЛУѢ.

(Посвящается всѣмъ вообще диллетантамъ по этой части.)

I.

Старецъ, взрослый и ребенокъ,
Еле вышедшій съ пеленокъ,
Всякъ конечно понимаетъ,
Что въ сей жизни поцѣлую
Придаютъ всѣ роль большую.
Кто изъ насъ про то не знаетъ?
Но для истины скажу я:
Не всегда отъ поцѣлуя
Одинаковъ результатъ.
Что-бъ была у всѣхъ въ томъ вѣра,
Жизнь свою взять для примѣра
Я конечно очень радъ.

II.

Рѣзвымъ будучи мальчишкой,
Пятилѣтнимъ шалунишкой,
Велъ себя я неприлично,
Что-бъ не быть мнѣ безъ призора,
Взялъ родитель гувернёра
Для моей особы лично.
Съ пунктуальностью нѣмецкой
Тотъ въ моей натурѣ дѣтской

Всё конечно обломалъ.
 Пропитавшись дисциплиной,
 У тамап я съ должной миной
 Ручку утромъ цѣловалъ.

III.

Много времени уплыло...
 Мнѣ пятнадцать лѣтъ ужъ было,
 Какъ впервые я влюбился,
 И мечтая о „предметѣ“
 Ни за что-бы съ „ней“ на свѣтѣ
 Объясниться не рѣшился.
 Вотъ однажды, съ мыслью сладкой,
 Со стола „ея“ украдкой
 Бантикъ розовый я взялъ,
 И какъ часто въ умиленьи,
 Находясь въ уединеньи,
 Я тотъ бантикъ цѣловалъ.

IV.

Вотъ прошло четыре года...
 Я вкусилъ уже отъ плода
 Мнѣ запретнаго всю сладость:
 Жегъ табакъ, игралъ въ картишки,
 Велъ любовныя интрижки,
 Испыталъ въ винѣ я радость...
 И пославъ „предметъ“ свой къ черту,
 Я любви иному сорту
 Предпочтенье отдавалъ,—
 Часто горничную нашу,
 Черноглазую Наташу,
 Я въ передней цѣловалъ

V.

Соскочивъ съ скамейки школьной,
 Я конечно жизни вольной
 Былъ обрадованъ не въ мѣру,
 И среди попоекъ шумныхъ,
 Пикниковъ, ночей разгульныхъ,
 Потерялъ во всё я вѣру...
 Мой отецъ на грѣхъ не мало
 Передъ смертью капиталу
 Въ завѣщаньи отказалъ,
 Въ это время шикую ради
 Я кокотокъ въ маскарадѣ
 За шампанскимъ цѣловалъ.

VI.

Но на свѣтѣ всё превратно!
 Капиталъ мой безвозвратно
 Таялъ съ каждою минутой...
 Замѣчалъ я въ страшномъ горѣ,
 Что одинъ останусь вскорѣ
 И раздѣтый и разутый...
 Съ плечъ моихъ вдругъ спало бремя,
 Въ то критическое время
 Мнѣ старушку Богъ послалъ...
 Этимъ пользуясь даромъ,
 Я, прельщенный гонораромъ,
 Ту старушку цѣловалъ.

VII.

Что-бы мнѣ остепениться,
 Я рѣшился вдругъ жениться,—

Подошла знать мнѣ „планида“.
 Съ горя запилъ я конечно,
 Что попался такъ безпечно,—
 Тутъ вѣдь кровная обида!
 Возвращаясь съ попойки,
 Отъ жены головомойки
 Я всегда смиренно ждалъ,
 И, заслышавъ только фуги,
 Обѣ ручки у супруги
 Я покорно цѣловалъ.

VIII.

Этой милою картиной,—
 Ставъ теперь совсѣмъ руиной—
 Повѣсть я свою кончаю.
 Каждый скептикъ убѣдится,
 Что въ ней правда говорится...
 Я-же снова повторяю:
 Старецъ, взрослый и ребенокъ,
 Еле вышедшій съ пеленокъ,
 Всякій знаетъ, не шутя,
 Что въ сей жизни поцѣлую
 Придають всѣ роль большую,
 Будь хоть старецъ, хоть дитя.

МАСЛЯНИЧНЫЙ КАЛЕЙДОСКОПЪ.

* * *

Дни обжорства, дни веселья,
Дни разгула, дни похмѣлья,
Дни всеобщаго бездѣлья
Всюду настаютъ...
Умиляется обжора,
Есть пожива и для вора,
Жаждетъ пьянства и простора
Весь россійскій людъ.

* * *

Получая „чаевыя“,
Суется половые,
И торгуютъ полпивныя
Съ ночи до утра...
Что ни домъ, глядишь, — пирушка,
Истребляется сивушка,
Вмѣстѣ съ ней блины, севрюжка
И икра, икра...

* * *

Дома нѣтъ давно супруга.
 (Знать совсѣмъ спился онъ съ круга)
 А жена къ себѣ ждетъ друга,
 Вотъ и онъ идетъ...
 „О, божественная Пери!
 „Развѣ старой нѣтъ тетери?...
 „Отворяй скорѣе двери—
 „Насъ блаженство ждетъ“!...

* * *

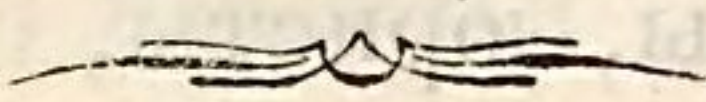
Инженеры, гимназисты,
 Доктора, купцы, юристы,
 „Эти дамочки“, артисты—
 Чернь, а также знать
 Время всей сырной недѣли
 Лишь къ одной подводятъ цѣли,
 Что-бъ набратъся больше хмѣля
 И—гулять, гулять!...

* * *

Да!.. Вокругъ всѣ ходятъ пьяны...
 Въ эти дни свои карманы
 Понабьютъ и рестораны
 И набьютъ кабакъ...
 Но поэту не до пира,—
 Мало выручила лира...
 Проклинаетъ онъ полъ міра
 И свиститъ въ кулакъ.

* * *

Маскарады, пѣнье, пляски
Всюду „масляные глазки“,
Протокольчики въ участкѣ,
Туть и тамъ скандалъ—
Таковы-то дни веселья,
Дни разгула, дни похмѣлья,
Дни всеобщаго бездѣлья—
Русскій карнавалъ.

ДРЕВНИЕ ГЕРОИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

(Антиклассическія размышленія по поводу „Илліады“ Гомера.)

I.

Въ нашъ вѣкъ коммерческихъ тузовъ,
Кокотокъ, техниковъ, юристовъ,
Саврасовъ праздныхъ, рысаковъ
И докторовъ—спеціалистовъ—
Въ нашъ вѣкъ—про это всякій знаетъ—
Роль капиталъ одинъ играетъ,
А потому сама любовь
Теперь стоитъ на заднемъ планѣ,
И всякъ останется въ изъянѣ,
Кого еще волнуетъ кровь.

II.

Теперь одною красотою
Нельзя плѣнить—не то ужъ время!—
Любовь—одинъ лишь звукъ пустой,
Одно обманчивое бремя...
Теперь Прекрасная Елена,
Повѣрьте, не уйдетъ изъ плѣна
И брачныхъ не порветъ цѣпей,
Пока не разузнаетъ вѣрно,

Что пастушекъ—Парисъ, примѣрно,
Дастъ гонораръ приличный ей.

III.

А современный нашъ Парисъ
Задатковъ множество имѣетъ,
Его единственный девизъ:
„Блаженъ лишь тотъ, кто жить умѣетъ“...
Онъ служить банковымъ кассиромъ,
И, задавая пиръ за пиромъ,
Кутить всѣ ночи на пролѣтъ...
Хоть содержанье годовое
Онъ получаетъ небольшое,
Но важнымъ бариномъ живетъ.

IV.

Совсѣмъ другое—Менелай:
По большей части это—скряга,
Живетъ въ обрѣзъ, но невзначай
Не прочь кутнуть и нашъ дѣляга...
Среди цвѣточковъ полусвѣта
Его душа всегда „раздѣта“,
Какъ и карманъ его раскрытъ,
За то въ своей квартирѣ, дома,
Играетъ роль онъ скопидома
И надъ копейкою дрожить...

V.

Въ нашъ вѣкъ старикъ Агамемнонъ
Роль не послѣднюю играетъ,

На биржѣ, въ банкахъ, въ думѣ онъ
 Вездѣ преважно засѣдаетъ,—
 Ну, вообще что твой вельможа.
 Есть у него карета, ложа,
 Кокотка, взятая на срокъ,
 Жена, домашній другъ и... даже
 (Кто виноватъ въ такомъ „пассажѣ“?)
 Есть пара чуть замѣтныхъ рогъ

VI.

А вотъ кутила изъ кутилъ,
 Типъ мѣднолобаго савраса,
 То современный нашъ Ахиллъ.
 (У насъ Ахилловъ этихъ масса)
 Покрытый броней капитала,
 Слыветъ вездѣ онъ за нахала,
 Звенить Ахилла мѣдный лобъ...
 Но капитала лишь не станетъ,
 Куда ему какъ плохо станетъ—
 Ложись тогда хоть прямо въ гробъ!

VII.

Извѣстный шуллеръ, мотъ, „валеть“
 Старушекъ вожденный геній—
 То Гекторъ отставной корнетъ,
 Герой трактирныхъ заведеній...
 Обрѣлъ на дняхъ онъ черезъ сваху
 Себѣ въ супруги Андромаху—
 Купчиху пожилыхъ ужъ лѣтъ
 Съ весьма солидною мошною...
 Возликовалъ тогда душою
 Со службы выгнанный корнетъ...

VIII.

Богато-убранный салонъ,
Среди гостей тамъ два Аякса,
Два фата, задающихъ тонъ,
На нихъ стоитъ всё таже такса..
У знати и въ простомъ народѣ
Аяксы постоянно въ модѣ...
А вотъ Калхасъ, вотъ Одиссей...
Но... опасаяся за „клочку“,
Я ставлю моментально точку,
Бояся раздражить „гусей“.

К О Н Е Ц Ъ .

Bayerische
Staatsbibliothek
München

200/1000

Ammondt, V. Ė.

Voschod pověsti, razskazy i stichotvorenija

Moskva 1884

P.o.russ. 158

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680467-1